

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

№46 (156) 1993г.

Торговый
Дом
"Петр Симарков
и потомки
в Москве"

Фирма
"БАН"

НАШЕ
"ДЕЛО"
Товарищество купцов
и промышленников России

ТЕАТР
АНТОНА
ЧЕХОВА

Деловые
дела
Ильинский
отдел

Музей
Купечества
и Мещанства
232-53-46

ММ
ПРОФСОЮЗ
КУПЦОВ
И
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
289-24-63

ЦЕНТР
"Трибуна"
289-26-89

"Вершины,
Человек
и К"
72

СВЕТ
КОЛЛЕДЖ

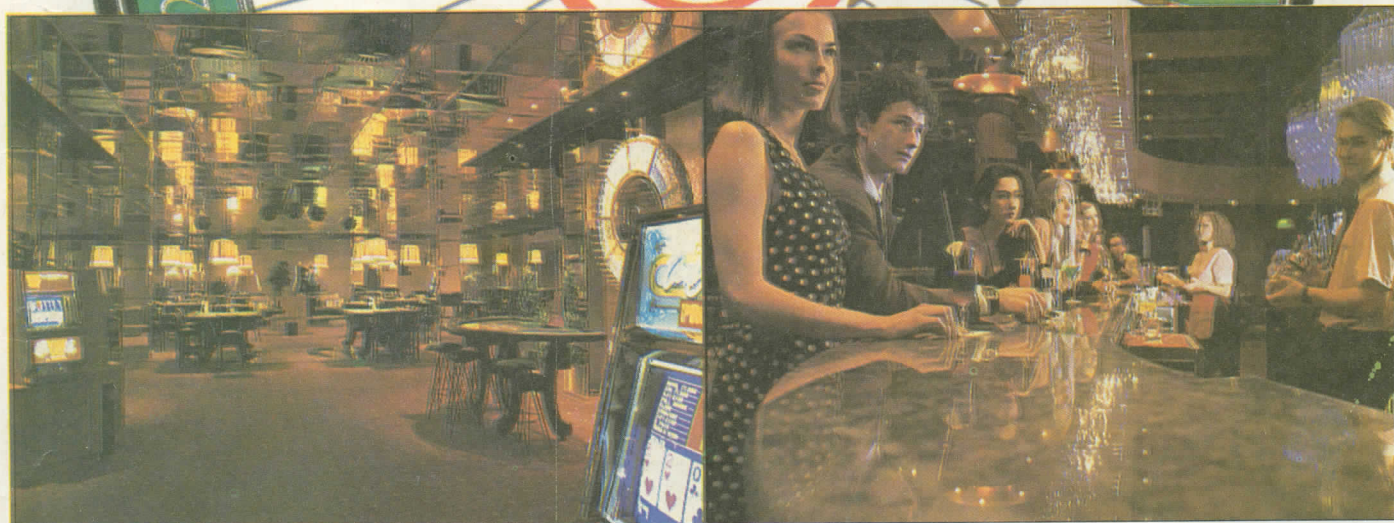
Олег Гарцев,

глава Общества купцов и промышленников:

**«Мы строим фундамент новой России,
на каждом камне которого стоит
клеймо мастера»**

METELITSA

ENTERTAINMENT COMPLEX

Ночной клуб «Метелица»
работает ежедневно
с 13.00 до 8.00

Новый Арбат
Телефоны:
291-11-70
291-13-05
291-11-30

Валерия
НОВОДВОРСКАЯ

СВОБОДА ВЫБОРА В МЕНЮ ДЛЯ ЛЮДОЕДОВ

Фото Э. Кудрявицкого

Страна переживает правозащитный бум. Объявилось столько правозащитников, что если бы они пораньше подоспели, когда это делалось не на халяву, когда, в отличие от светлых ельцинских времен, за это что-то бывало — то ли сума, то ли тюрьма, — так вот, если бы этот спасательный правозащитный корпус тогда возник, то перестройка, глядишь, началась бы на пять лет раньше.

Неоправозащитники, в родстве с которыми я решительно не состою, разделены повзводно. «Независимая», «Московские новости», «Сегодня», «Эхо Москвы», безработные нардепы, некий загадочный центр «Мемориала», «Экспресс-хроника»... У меня даже создается впечатление, что у всех этих батальонов есть полковник, который дирижирует атакой. Доказательств, ясное дело, нет. Доказательства у нас, как и полковники, таятся в недрах известного дома, совмещающего министерства Правды и Любви. С редкостным постоянством полосы вранья перемежаются с путчами. Два уже состоялись, но мы, русские, после второго стакана тоже не закусьваем, поэтому, видимо, будет и третий раз, так что я порох держу сухим, и пусть Москва строится и стоит в лесах, что-

бы было из чего строить баррикады на Тверской, когда мы в третий — и, должно быть, последний для нас — раз пойдем защищать демократию голыми руками. Выше стропила, плотники! Гайдар, как Сольвейг, прибегает на лыжах.

Так где же наши свеженькие, только что из прописи, правозащитники нашли униженных и оскорбленных? Каков объект забот и попечений? Коммунисты! «Правда», «Совраска», «День», Совдепы, Конституция, никогда не существовавшая у нас европейская демократия, принцип разделения властей, тоже не ночевавший в наших Палестинах (если, конечно, не считать разделением властей их драку), — вот почему на псевдодемократической Руси стоит такой плач, что окна запотевают. Похоже, что до 21 сентября и особенно до 4 октября все у нас обстояло нормально, и если бы не злокозненный президент... Ведь здесь и раненый, у которого началась гангрена, может сказать: было у меня две ноги, был я как все люди, ну, ранили, ну, началась гангрена, ну, умер бы от заражения крови, дело житейское, а тут пришел хирург, ногу мне оттяпал, я теперь калека, пойду на хирурга подам в суд... Ясно было, что другой благодарности Ельцин и Гайдар от спасенных ими плакальчиков не дожждется. Жур-

налисты из «Сегодня» — вроде бы приличные люди, а сочиняют письма о недопустимости закрытия «Правды» и «Совраски». Вроде те что-то сказать не успели.

На самом деле за 76 лет все ими сказано, все вырезано штыком в живом теле России, все их идеи, помыслы, мнения запечатлены в концлагерях, камерах пыток, в могильных рвах, в нищей, озлобленной, потерявшей человеческий облик совковой массе. Они и только они говорили эти 76 лет, их волчий вой звучал над безлюдными просторами вымершей от ужаса страны. И вот — протесты: почему, мол, не слышно больше чавканья вурдалаков? Понятно, что в августе 1991 года мы все попались на эту удочку, призывая милость к тем, кто и не думал падать, включая наглых и издающих книги о своих преступлениях членов ГКЧП, — по сути дела, в августе пал только один железный Феликс с пьедестала — вот и получили мы по левой подставленной щеке. Но теперь-то? Тоже наив? Заговор? Чей? КГБ или глупости? Пожалуй, защитникам коммунистов, очень волнующимся по поводу ущемления их прав на организацию и подготовку новых убийств, стоит пойти в СБСЕ или в «Эмнести Интернэшнл» со следующей повесткой.

1. Защита прав людоедов в странах СНГ.

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

М.Соколов:

Мысль о том, что игры как с гениальным провокатором № 1 (которого пишут на образах с рожками и хвостиком), так и с более мелкими гениальными провокаторами добром не кончаются, на редкость не нова, и остается только посочувствовать издателю «Независимой газеты», которому довелось пострадать от столь мелкого черта.

6

М.Поздняев:

У нашего Лазаря другие песни... Начав с объявления себя «духовным наследником Царя Николая Александровича Романова», Лазарь известил затем Россию, что он сын Государя-мученика, а нынешней смутной осенью вззошел на царский престол...

8

С.Чупринин:

Теперь, когда схлынуло первое эйфорическое опьянение гласностью, уже ведь ясно: СВОЮ душу не очистить созерцанием ЧУЖИХ грехов... Наступает время собирать камни.

14

2 ЭКОНОМИКА

А.Титкин:

За два года суверенитета Россия практически потеряла текстильную промышленность, кожевенную промышленность... Ниже прожиточного минимума опустилось более двух третей населения страны.

24

С.Толкачев:

Рост и еще раз рост! Таков лозунг нынешней философии менеджмента в Японии. Эта страна задумывает новый, грандиозный эксперимент по производству невиданной еще в мире продукции, поиску новых рынков сбыта, заполнению ниш в мировой промышленной структуре. Что для этого нужно? Новый человек, работник с независимым мышлением и способностью импровизировать...

26

3 ЖИЗНЬ

Н.Алякринская:

Фраза «все работы хороши» по меньшей мере неправдива. Вероятно, тот, кто ее сочинял, не брал в расчет профессию уборщицы мусорокамеры или просто не знал о существовании таковой.

32

Е.Аверина:

...Космополит с российским происхождением — это тот, кому везде плохо.

34

Э.Дорожкин:

Колдун был одет по домашнему: в халате и при цепях. Сварил великолепный кофе — по собственному тайному рецепту. Зажег свечи. Включил тихую музыку... А за окном стонал институт Склифософского...

39

4 КУЛЬТУРА

В.Белопольская:

Кажется, Хотиненко создан, чтобы быть известным. Но именно этого избегает, этого он, не признаваясь в том, боится. Известность — синоним несвободы.

49

Н.Малинин:

Любопытно, что именно одиозные фигуры приносят своему времени максимум пользы. Но время их почему-то не любит: Тургенев, например, демонстративно отвернулся от протянутого ему Катковым бокала с шампанским...

52

П.Алешковский:

Лет этак пять назад перевели к нам батальонным капитана Федотова. Поговаривали, что не ужился в Москве, и была там, конечно, некая тайна, отраженная в личном деле. Ссылка лишь возвышала присланного в наших глазах.

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:

923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:

928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 12.11.1993 г.

Тираж 92 000

Цена договорная

Над номером работали:

В.Цыбульский, Н.Ударцева, И.Мельникова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул.1905г., д.7. Зак. 4359

2. Право людоедов на регулярное трехразовое питание.

3. Спасем людоедов от недоедания! Благо, «Амнистия» тоже по этому поводу вся в слезах. Ну, у них хотя бы людоедов нет, они не ведают что творят, а мы куда же? То-то будут в Европе умиляться: быстро русские прогрессируют! Мы пока ежей и мышей защищаем, а они уже до людоедов дошли.

А что, собственно, мы сделали такое? Распяли кого-нибудь? Расстреляли? Замучили? Нет! Сначала у бандитов свет отключили, потом вооруженный мятеж подавили, потом большую часть преступников домой отпустили и трудоустройство с компенсацией пообещали, шайки их запретили (и то не все, а только 6 штук), людоедскую прессу приостановили, а самых бешеных культурно посадили в лучшую в стране тюрьму (сама там сидела, знаю: от Лефортова просто пальчики оближешь, демократы сживали и в худших местах). Никто их не расстреляет, пальцем не тронет. Ананасы из дома передадут. Спикерам и вице-президентам, конечно, Лефортово будет трудней перенести, чем мне, но, во-первых, жизнь в роскоши расслабляет, если бы жили честно, как все, такого шока не было бы, а потом, никто их не принуждал эту чертовщину устраивать, зачем было нарываться? Если это нарушение прав человека, то тогда давайте протестовать, что ли, против Нюрнберга-1 — Геринг и Геббельс тоже имели право на свободу пропаганды и действий?

Должно быть точно известно, что людоедство — занятие предосудительное и что за это дадут по рукам. (А иногда — и по зубам.) Ельцин, конечно, очень виноват. Он не дал доесть страну, прервал трапезу. Все знают, какого цвета у людоедов знамя. И тот, кто становится под него, защищает это знамя, оправдывает это знамя, красное знамя двух Октябрей, — для меня не человек, а нелюдь. Оставаясь человеком, я не могу употребить их средства для самообороны: превентивные удары, пытки, расстрелы, повешение за ноги, предложенное кроткой Сажи Умалатовой, наказания, обращенные против личности, — за Слово, а не за Дело. Я согласна рисковать. Демократия — это риск. Но санитарный-то кордон обязательно нужен! И прививки против бешенства.

Я сторонник наименьшего зла. Если бы Анпилову вовремя дали 15 суток, он бы сейчас не рисковал получить 15 лет. Если бы красное сборище 1 мая разогнали водометами и запретили коммунистам акции, то мы бы не хоронили 7 октября почти две сотни

убитых.

Коммунисты наши поистратились, поиздержались, моль их съела. На них надо вовремя прикрикнуть, и они будут послушные, как наперсток. Ведь когда возникает серьезный риск, они прячутся под сено в Туле (как основоположник в пресловутом шалашике на финских берегах) или сбривают в Москве бороду. Революционные анархисты побоялись выйти во время чрезвычайного положения к «Макдональдсу» протестовать против бифштексов по зову «зеленых» планеты всей. Левые будут сидеть, как мыши под венником, наше дело — обеспечить венник. ДС били, разгоняли, сажали, калечили. Всю горбачевскую перестройку мы видели в крупную клетку. Но это нас не остановило. Остановилась власть. Мы, профессиональные революционеры, в свою компанию Анпилова и Константина не примем, они не тянут на наш ценз стойкости.

Мы живем в суровое время. У меня нет оппонентов, есть враги. Милосердие — после боя. А в бою надо биться. И в этом бою, в котором на стороне демократии честно бьются президент, Егор Гайдар, блок «Выбор России», «Огонек», «Столица», «Куранты», «Хозяин» и союз писателей «Апрель», нет нейтральной полосы. Так что «правозащитный корпус» по другую сторону баррикад «Независимая» и «Московские новости» стреляют нам в спину. Я не прошу их закрывать, но и руки не подам.

И добро бы некого было защищать! Почему такая избирательность и заикленность на Советах и коммунистах? Потому что они социально близкие, что ли? В Грузии демократы-звизадисты во главе с законно избранным президентом (вам не нравится Звиад Гамсахурдиа? Так ведь и Ельцин не всем нравится! Что же, идти Кремль брать?) честно бьются с профашистским режимом Шеварднадзе, в Тбилиси на 1 млн населения 600 арестов, 600 человек взяты только за убеждения, все демократические газеты закрыты, у коллеги-журналиста Ираклия Гоцеридзе, редактора «Иберия-спектр», ребра после пыток сломаны, а российские демократы танки Шеварднадзе поставляют, в ход русские штыки пошли, чтобы удержать любимого сатрапа, там 9 апреля в десятой степени! Вот бы правозащитникам развернуться! Но нет, мертвое молчание. Или вранье в «Вестях». Поэтому не верю.

Не верю защитникам людоедов от более рациональной системы питания. Не прогневайтесь. Соринку ищете, а бревна не замечаете. Надоело. Только несчастная демократическая власть руку из трясины вытащит, что-

бы за куст ухватиться (Указ 1400, 3—4 октября, запрет красных газет и партий, Указ о совмещении постов в правительстве и депутатских полномочий), как налегают «правозащитники» и бьют по пальцам, топят в трясины, пока не останутся лишь пузыри на зеленой поверхности: не нарушайте демократические нормы! Не живите! Пропадайте! Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я! Желаю луну с неба и европейскую демократию всю целиком! Мы хотим кататься, но не хотим саночки возить!

Вы добились своего. Коммунисты пойдут на выборы с ножом за голенищем. Палач Бабурин, подписавший несогласной с ним России смертный приговор в своем дополнении к УК, пойдет в Государственную Думу приводить его в исполнение. Зюганову разрешили пропагандировать Ленина и Маркса — книги о вкусной и здоровой пище людоедов. Вы нас опять связали, лишили возможности защищаться и выдали врагам. Но даже и в таком виде мы сумеем достойно умереть. Никто из нас не надеялся пережить последнюю октябрьскую ночь, но никто не убежал. Мне смертный приговор, вынесенный баркашовцами, не портит настроения. Мы умрем хорошо. А вот как умрете вы, защитники людоедов, когда вас тоже пустят на лангеты? Вдруг боевики не читают внимательно «Московские новости»? Вдруг они не поймут, как им пытался помочь Людмила Сараскина и Людмила Телень, Лён Карпинский, Владимир Орлов и Степан Киселев, и ликвидируют их вместе с Наталией Геворкян и Евгенией Альбац? А «Независимая» — она что, белый флаг будет вывешивать, чтобы знали, что они свои? А вдруг не так поймут? Или вы красный повесите? У «Эха Москвы» и вовсе плохая репутация. Не докажет Андрей Черкизов, что он хороший и полезный. Вы все, искавшие на наших баррикадах засланных казачков или труп защитника «Белого дома» в багажнике, умрете плохо, потому что не готовы к войне, потому что не имеете чести.

Есть анекдот. Сидит чукча на дереве и пилит сук, на котором сидит. Идет мимо охотник и говорит: «Смотри, упадешь». Чукча пилит дальше. Сук падает, чукча вместе с ним. Встает и говорит: «Шаман, однако».

Нет шаманов в своем Отечестве...

Провинция

САМАРСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ШАХРАЙ НЕ ЛЮБ

Пока вожди партий и блоков ринулись в провинцию обхаживать местных боссов, губернаторы, в свою очередь, зачастили в Первопрестольную — на «ярмарку невест». В роли суженых — все те же политические движения.

После очередного смотра свою позицию представил на пресс-конференции в Российско-американском информационном пресс-центре глава администрации Самарской области Константин Титов. Как выяснилось, симпатии губернатора целиком на стороне Российского движения демократических реформ и свое сердце он отдает Попову и Собчаку. Хотя в перспективе считает неизбежным слияние в единый блок «Выбора России», РДДР, Партии экономической свободы и Провинциальной партии. Выяснилось, что самарскому администратору также импонируют еще и Гайдар с... Геращенко. Первый — за жесткие меры по обуздыванию инфляции, второй — за кредитно-инвестиционную политику.

А вот Сергей Шахрай, делающий ставку на провинциальную управленческую элиту, был бы разочарован позицией Титова: самарскому губернатору с Шахраем не по пути. Почему? «Не могу, мол, четко представить себе ни его программу, ни его позицию», — сообщил собравшимся администратор. И не забыл напомнить, что не кто иной, как Шахрай дал слишком много воли автономиям, по сути дела стимулировав процесс дезинтеграции России. Попало на орехи и другим политикам: «Не вижу возможности сотрудничества с блоком Явлинского, так как не усматриваю у него какой-либо реальной экономической программы». Странно, разве такую программу можно разглядеть у господ Попова и Собчака?

В кулуарах поговаривают, что решение примкнуть к РДДР господин губернатор принял совсем не из-за идейных соображений. У Шахрая нет ни структур, ни опоры на местах. Идти в «Выбор России»? Но у самарского «хо-

зяна» крайне плохие отношения с местной организацией Демократической России (которая составляет костяк блока «Выбор России»). Демороссы недовольны тем, что местная администрация откровенно сделала ставку на старые партийно-хозяйственные кадры. Посему баллотировка в или Федеральное Собрание господину Титову от этого блока явно не грозила. А в РДДР обещали поддержку...

Самарский босс не упустил возможности проехаться и по лефортовскому узнику — генералу Макашову. Будучи в свое время командующим военным округом, штаб которого находится в Самаре, отставной вояка остался хозяином шикарной пятикомнатной квартиры в «генеральском доме» в центре города и дачи в пригороде (см. «Маневры на дачном плацдарме», «Столица», № 36 за 1992 год). Оказывается, по словам губернатора, Макашов просто-напросто присвоил себе эту дачу, не имея на то прав: «Он хапнул, хапнул, а еще говорит, что защищает интересы народа!» — голос Титова дрожал от праведного гнева. Странно то, что сие «открытие» было сделано лишь после переселения генерала в «казенный дом». Про иные же военные виллы, превосходящие макашовские апартаменты мощью и размахом, было сказано: нарушений нет, построены на честно заработанные деньги. Но точно так же еще пару месяцев назад говорилось и про фазенду Макашова!

Под занавес самарский губернатор вяло отбивался от экологов «Гринпис», пытающихся выяснить, когда же прекратятся варварские разработки известняка в жемчужине России — Жигулевском заповеднике, имеющем статус национального парка. Ну не под силу губернатору области унять какое-то мелкое стройуправление...

Владимир ВОРОНОВ

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Военкоматы Московской области развернули грандиозный отлов офицеров запаса.

Если кто-то думает, что, получив лейтенантские звездочки на военной кафедре вуза, он избавлен от счастья выполнять свой конституционный долг, то глубоко заблуждается. Конституции нет, но долг никуда не делся.

Российские войска выводятся из Прибалтики и Германии. Для офицеров нет жилья, нет денег даже на зарплату, которую зачастую выплачивают с двухмесячным опозданием. Сокращаются офицерские должности — «лишних» просят на «гражданку» — займитесь, мол, бизнесом, фермерством.

И вдруг — призыв на срочную службу офицеров запаса! Что такое военные кафедры, объяснять не надо — качество подготовки там явно ниже, чем в самом захудалом военном училище. Поэтому не поддается логическому объяснению внезапно начатая скрытная кампания призыва на два года тех, кто прошел «военку». Не хватает офицеров? Но конкурс в училища не падает, да и зачем тогда увольнять из армии кадровых?! Или офицеры «срочники» будут гораздо покладистее — ни квартир им не надо, поедут как миленькие в любую точку, даже «горячую», оклад минимальный...

Удалось выяснить, что по закону «О воинской обязанности и военной службе» подобный призыв может производиться лишь в случае принятия специального указа президента. Есть такой указ — № 1036 от 13 июля 1993 года! Но когда корреспондент стал выяснять в администрации президента, где и когда опубликовался документ, то получил ответ: «Данных о

прохождении его через нас для публикации нет». Проще говоря, нигде сей указ до сих пор не был опубликован. Значит, если строго следовать юридическим нормам, законной силы он не может иметь. Кстати, указы № 1035 и 1037 зарегистрированы как опубликованные...

Но военкоматы, разумеется, тут же ринулись проводить в жизнь «секретный» акт, хотя формально стоит он не больше переведенной на него бумаги. Отлов офицеров-запасников поставили на широкую ногу: повестки разносили аж полковники. Ну и милиционеры-автоматчики, конечно же. У парней отбирали паспорта и военные билеты: марш бегом на медкомиссию и в строй! Вякающим про права человека, законы и Конституцию грубо указывали: не твое, мол, дело, есть такой указ президента. Когда же горе-призывники требовали представить им текст документа, то в ответ получали... Ну, сами знаете, что можно получить от военкома! Ничего толком не может разъяснить и военная прокуратура: одни ее работники признают факт существования столь важного документа, другие ничего о нем не знают. Кто знает, тоже не спешит предъявить текст.

Людям круто ломают судьбу (не мальчишки, чай, многие уже и семьей обзавелись, и детьми, крупные фирмы возглавляют), предупреждают о призыве буквально за день-два до медкомиссии. Но предоставить юридический документ не могут. Или началась скрытная мобилизация резервистов? Армия-то у нас воюющая — Таджикистан, Грузия... Или с кем еще повоювать надумали?..

В.В.

ЛИДЕРЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ БЛОКОВ ОБ УКАЗЕ О ЗЕМЛЕ:

1. Ваше отношение к Указу.
2. Как он будет претворяться в жизнь?
3. Каковы последствия принятия Указа?

Владимир ФИЛИН, председатель Российской социально-либеральной партии, автор экономической программы блока «НОВАЯ РОССИЯ»:

1. Указ запоздал. Сам по себе он жизненно важен — это своего рода передел собственности, из-за чего, собственно, парламент и столкнулся с президентом. Передача земли будет способствовать становлению мелкого и среднего предпринимателя, и это будет одной из отправных точек для нормального развития этого слоя. В этом я полностью поддерживаю президента.

2. Наверняка будет сопротивление на местах и саботаж. Не надо обрасывать со счетов то, что остались прежние структуры: мощный агропромышленный комплекс, которому не выгодно, чтобы развивалось фермерское хозяйство; местные органы власти, придерживающиеся зачастую коммунистической линии. Все, что касается права частной собственности на землю, возродит в людях заинтересованность во владении землей, ее обработке и приведет к созданию нормальной жизни.

Аркадий ВОЛЬСКИЙ, президент Российского союза промышленников и пред-

принимателей, № 1 в избирательном списке блока «Гражданский союз».

1. Я порадовался, когда на заседании правительства президент сказал, что на осуществление этого закона понадобится достаточно много времени. Слава Богу! Это сказано вслух, и я приветствую эту поправку, потому что необольшевилизация и неокollektivизация больше недопустимы.

2. Что касается сельскохозяйственной земли, то я глубоко убежден, что так же, как и в других странах, обязательно должна быть запись: если человек не обрабатывает землю, а держит ее для спекуляции, то она изымается государством. Если эта существенная поправка будет внесена, то все остальное будет нормально, если действительно осуществление этого закона, как сказал президент, потребует длительного времени.

Анатолий ГОЛОВ, председатель Социально-демократической партии России, один из учредителей блока «Явлинский—Болдырев—Лукин»:

1. Отношение в целом положительное.

2. Я не уверен, что Указ будет выполнен в течение названных сроков — один-два месяца. Боюсь, что это затя-

нется на полгода, но хотелось бы, чтобы уже к посевной люди имели на руках четкие и ясные документы, подтверждающие право собственности и регулирующие земельные отношения. Не уверен, что в рамках этого Указа удастся полностью решить проблему получения земельного пая в случае выхода человека из колхоза. На бумаге такая процедура кажется нормальной, а в реальности может быть так: ты выходишь из колхоза, а мы тебе даем дальнюю пустошь, на которой ничего никогда не вырастет. Большинство начальников будет стараться жестко контролировать выделение земли, и крестьяне, только объединившись, смогут добиться нормальной земли.

Нужны также серьезные меры по предотвращению сверхконцентрации земли в одних руках.

3. Последствия предсказать достаточно трудно, потому что колхозы и совхозы, став товариществами с ограниченной ответственностью или акционерными обществами закрытого типа, сидят на земле как собака на сене.

Николай ТРАВКИН, лидер Демократической партии России, идущий отдельным списком:

1. Как база Указ недостаточен. Нужен акт законного представительного органа власти — серьезный закон, чтобы люди верили в постоянность земельных основ. Но то, что не вышел ваучерный передел земли, — уже хорошо.

Если рассматривать Указ как документ, способствующий земельной реформе, то он не продвинул нас вперед.

В Указе нет механизма реорганизации колхозов и совхозов, механизма неотвратимости возврата кредита. Вопрос о социальной сфере Указом тоже не решается. Но это шаг вперед.

2. Произведет он какую-то революцию? Не произведет, потому что сама-то легитимизация земли как товара произошла раньше. Все будет идти, как шло, хотя цена на землю, конечно, резко подскочит, потому что это самая надежная недвижимость — она не горит, там нельзя стекла побить или ее угнать.

Александр ЧУЕВ, лидер объединения «Российская христианско-демократическая партия»:

Общая оценка положительная. Есть проблемы, связанные с возможной спекуляцией землей. Их надо будет решать, корректируя и принимая новый закон на базе этого Указа в Государственной Думе, чтобы была нормальная, народная приватизация земли и был уточнен порядок продажи земли: ввести некоторые ограничения, связанные с природными богатствами, и так далее.

Аркадий МУРАШЕВ, председатель Центра либерально-консервативной политики, один из организаторов блока «ВЫБОР РОССИИ».

1. Указ этот давно ждали.
2. Я не большой оптимист — сопротивление Указу на местах будет самое отчаянное, и исполнительной власти придется приложить массу усилий, чтобы противостоять саботажу и демагогии о распродаже России.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

В «Известиях» №№ 210—211 помещена статья проживающих в США Э.Тополя и А.Гранта «Кремлевский пленник», в которой излагается одна из версий пребывания Дмитрия Якубовского в Москве летом нынешнего года (на эту тему см. статью А.Мальгина «Приказано исчезнуть» в «Столице», № 44). В предисловии к своей статье Э.Тополь и А.Грант выступили с неожиданным заявлением: записанные ими в Москве магнитофонные кассеты, переправленные через таможенку с неким «надежным человеком», на следую-

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

щий день «каким-то мифическим образом попали в редакцию журнала «Столица», после чего редактор журнала «Столица» (т.е. А.Мальгин) решил присвоить «добытую» Э.Тополем и А.Грантом информацию. Далее следуют рассуждения о «нравах некоторых новых российских журналистов».

Редакция «Столицы» обратилась в «Известия» за разъяснениями, которых, увы, не последовало. После чего вынуждена была отправиться в суд для защиты своих чести и достоинства от клеветы. Сумма морального и материального ущерба оценена редакцией в 20 млн рублей. С таким же иском

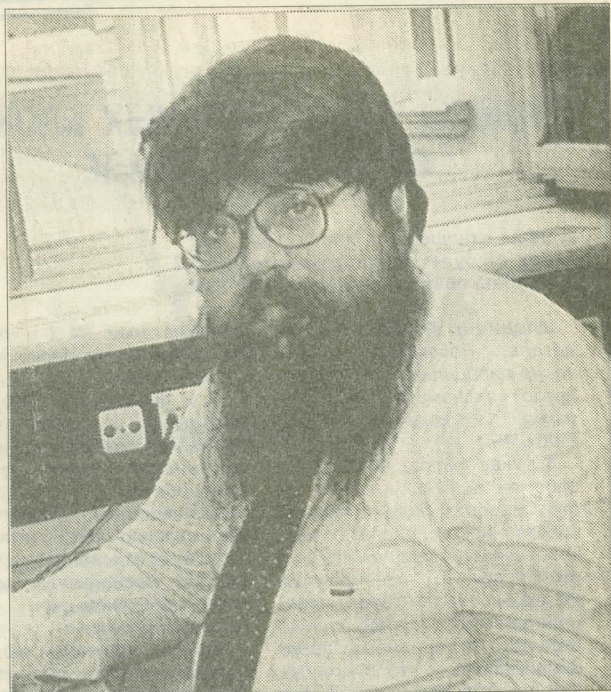
обратился в суд и главный редактор «Столицы». Иски приняты к рассмотрению Фрунзенским районным судом.

Что касается Э.Тополя и А.Гранта, то претензии к ним ни редакция, ни редактор не имеют, т.к. их поведение найдется вполне в рамках нравов русской эмиграции: ложь, подтасовки, выяснение отношений и т.п. давно стали там обычным делом. Переносить эти нравы на отечественную почву нам бы не хотелось, поэтому от дискуссии на страницах периодической печати мы уклоняемся.

«СТОЛИЦА»

Максим
СОКОЛОВ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПРОВОКАТОР КАК ЖЕРТВА ЛИБЕРАЛЬНОГО ТЕРРОРА

Среди культурных деятелей старшего поколения весьма многие, как-то: В.Е.Максимов, А.С.Ципко, С.С.Говорухин, В.С.Розов et alia — отдавались делу духовно-нравственной проповеди со столь запальчивой и устойчивой злобой, что стяжали себе репутацию людей, чрезмерно злоупотребляющих озвериним. Тем не менее ввиду многочисленности престарелых потребителей озверина благодушная общественность относилась к ним довольно лениво, списывая все на тютчевское «когда дряхлеющие силы нам начинают изменять и мы должны, как старожилы, пришельцам новым место дать». Более удачливым оказался советский философ Д.Е.Галковский — en masse «пришельцы новые», т.е. «восьмидесятники», оказались не склонны к потреблению озверина, а потому принадлежавший к тому же поколению Д.Е.Галковский легко сумел выделиться из него, явив в своем творчестве особо ярко выраженный дух злобы и человеконенавистия, и неумолимо напомнил гимназическое стихотворение «белый, бедный, бледный бес убежал беситься в лес (т.е. на страницы печати. — М.С.), лешим по лесу он бегал, редькой с хреном пообедал». Поскольку применимые к более зрелым мастерам культуры смягчающие обстоятельства — дряхлеющие силы, обидный по своей

внезапности выброс с корабля современности и т.д. — тут не действовали, Д.Е.Галковский был просто обречен стать жертвой либерального террора, и притом в его особо уточненной форме. Отказывая молодому философу в какой бы то ни было дуэлеспособности, общественность, не снисходя до унижающей человеческое достоинство полемики с самим Галковским, обратила свои упреки к тем, чья дуэлеспособность полностью не отрицалась, т.е. к издателям трудов философа, посягая на их право независимо формировать редакционный портфель. Издателям инкриминировалось совершенно неуместное в данном случае уклонение от превосходного принципа «счастлив дом, а также флигель, где дубинки не щадя, о, Филипп Филиппыч Вигель, в шею выгонят тебя». Первой жертвой либерального террора (или общественного мнения, которое, как говорят, является несущей конструкцией гражданского общества) оказался В.Т.Третьяков — издатель опубликовавшей большинство трудов Д.Е.Галковского «Независимой газеты».

Ответные антитеррористические меры могли быть различны. По примеру Джабы Иоселиани, заявившего: «А вы что думали, демократия — это вам лобно кушать?», В.Т.Третьяков мог бы (как бывало с ним прежде) с

аввакумовской запальчивостью отвечать: «Ох, ох, бедной... И не видела ты и не знаешь подлинной независимости». Но недостаток такой отповеди в том, что тут полемисты сразу попадают в наезженную колею противопоставления истинной свободы («все мне позволительно, но не все полезно») и похоти дурного своеволия. Горячая апология независимости даровала бы издателю «Независимой газеты» заслуженный титул русского интеллигента, но в том чрезвычайно ругательном смысле, как его употребляли авторы сборника «Вехи». Открытое изъявление солидарности с Д.Е.Галковским было бы не менее неудобно, поскольку означало бы публичное единение с молодым философом на позиции сугубых маргиналов, исходящих злобой ко всему сущему, — а это никак не согласовывалось бы с желанием сохранить для себя и для издания репутацию не только дуэлеспособных, но даже в чем-то и элитарных субъектов общественной жизни. Наконец, отмежевание от Д.Галковского по принципу «бес попутал» логично повлекло бы за собой взятие целого ряда последующих антибесовских мер, т.е. отказ от общей маргинальной стилистики издания, — а это означало бы признание тотального краха стоявших газете немалых сознательных жертв недавней общей концепции из-

дания, т.е. попытки доказать делом гармоническую совместимость элитарности с маргинальностью. И без того сложный, как мы видим, выбор был дополнительно осложнен тем, что казус носил прецедентный характер — то, как будет выкручиваться одна из первых жертв либерального террора, должно было до известной степени определить и тактику вероятных последующих жертв.

Оказавшись в столь трудной ситуации, В.Т.Третьяков избрал универсально амнистирующую теорию провокации, привлекательную тем, что в ее рамках сама категория ответственности упраздняется как таковая: «Не надо обладать особо изощренным умом, чтобы понять: Галковский по типу своего литературного поведения есть некий Феликс Круль или Хулио Хуренито (...), то есть провокатор. Но провокатор блестящий, столь необходимый нашему скучному времени». Разъясняются и отдельные примеры провокаторского блеска: «Видеть в словах Галковского «это не философ, а украинец» всплеск расистского мышления бессмысленно». Тем более что Галковский расчетливо программирует такую реакцию читателей, и многие из них попадают на эту в общем-то нехитрую удочку».

Теория провокации имеет, к сожалению, существенный органический изъян, ибо не дает ответа на вопрос «Следует ли внимать доводам?». Если следует, тогда все указания на Круля и Хуренито оказываются нестати — доводы поверяются не Хуренито, а фактами и логикой, с которыми молодой философ решительно не в ладу. Если не следует и мы имеем дело с чистым артефактом, мистификацией etc, тогда решительно неуместна та неподдельная и всесжигающая злоба, с которой молодой философ пишет про тех, кто не оценил его «Бесконечный тупик» и прочие труды. Во-первых, злоба (тем более столь отчетливо припахивающая серой) есть вернейший способ убить всякую игру и шутку (т.е. провокацию и мистификацию), во-вторых, решительно невозможно вообразить себе, чтобы классики литературной мистификации (Козьма Прутков, Черубина де Габриак — т.е. их создатели) разражались ненавистью к тем, кто не воспринимает их шутки (если не воспринимает, значит, шутка плохая и сам виноват), и уж тем более, чтобы они претендовали на перевод шуток в категорию уже отнюдь не шуток, а высокок откровений.

Принципиальная разница между мистификатором и «гениальным провокатором» заключается в целеполагании. Целью шутки является сама

шутка, и в этом смысле шутка (возможно, грубая и жестокая) честна. Целью «гениальной провокации» является победа над оппонентом любой ценой: если оппонент полемизирует по существу, он виноват в том, что не понимает шуток, если оппонент понимает шуток, он виноват в том, что боится полемизировать по существу. Но неуязвимость конструкции сама в себе несет гибель. Интеллектуальная нечестность ее столь очевидна, что с большим или меньшим опозданием эвентуальный оппонент избирает третий путь — вообще отказывается от интеллектуальной игры по переменным правилам, и в итоге блестящий провокатор оказывается у разбитого корыта: его тексты падают в вакуум. Ср. печальную судьбу А.А.Зиновьева, одного из предтеч Д.Е.Галковского — Г.О.Павловского, самого Галковского. А признаком того, что дело совсем плохо, является как раз то, что доброхоты гениального провокатора начинают говорить о гениальности, чего делать никак не следует: либо она есть и сама за себя скажет, либо ее нет, и тогда доброхот ставит себя в довольно глупое положение.

Если же доброхот, подобно В.Т.Третьякову, является еще и издателем, его положение печально вдвойне. Весь смысл существования претендующего на интеллектуальность издания в том, чтобы участвовать в sui generis литературном процессе, т.е. в более или менее качественной интеллектуальной игре — полемике, дискуссиях, кампаниях, компаниях etc. Открытое заявление, смысл которого в том, что «интеллектуальная нечестность — наше credo», по своим последствиям означает заведомое недопущение к игре, т.е. редкий в наше тщеславное время случай добровольной маргинализации.

В принципе, такого рода самомаргинализация могла бы иметь смысл как необходимое условие для удовлет-

ворения какой-нибудь иной приоритетной потребности — например, вещать с амвона и пасти народы, к чему В.Т.Третьяков имеет определенную склонность. Но, к сожалению, теория «гениального провокаторства» (и покровительства таковому) и тут довольно вредносна: по своей природе она как бы презюмирует некоторую декадентскую растленность — «все отвергал: законы, совесть, веру». Образ человека, достигшего глубин разврата (интеллектуального, конечно), — это образ как образ, бывает хуже, бывает лучше, в газетном деле и не то сходит. Но образ пастыря народов, напротив, предполагает столь же глубокую внутреннюю ясность и честность (хотя бы и лишенную признаков ума, что для данной функции и не обязательно). Тем самым апологией Галковского, символизирующей собой глубочайший декаданс, издатель «Независимой газеты» начисто отрицает свою прежде заявленную роль пастыря народов, ибо нельзя разом претендовать и на принципиальную нечестность и на принципиальную честность. С точки зрения учения о воздаянии существенно отметить, что так удачно олицетворенные в образе Д.Е.Галковского неумные ложь и злоба вместо того, чтобы для начала поразить объявленные цели (гулятелей по бесконечному тупику, обладателей разбитого компаса, стучкиных детей etc), первым делом обратили в сугубое гниловище то место, откуда прозвучали столь человеко- и боголюбивые речи. Впрочем, мысль о том, что игры как с гениальным провокатором № 1 (которого пишут на образах с рожками и хвостиком), так и с более мелкими гениальными провокаторами добром не кончаются, на редкость не нова, и остается только посочувствовать издателю «Независимой газеты», которому довольно пострадать от столь мелкого черта.

Центр быстрого чтения под руководством **О.Андреева** объявляет прием на очное и заочное отделения. Уникальная методика повышает скорость чтения в 5 и более раз. Развивает память и внимание. Каждый слушатель получит единственный в стране учебник «Техника быстрого чтения».

Адрес: 125047, Москва, 1-й Тверской-Ямской пер., 11 (ст. м. «Маяковская»). Телефон 251-99-47.

Михаил ПОЗДНЯЕВ

СМЕРДЯЩИЙ ЛАЗАРЬ

Фото М.Сидельникова

*То была пещера, и камень лежал на ней.
Иисус говорит: отнимите камень.
Сестра умершего, Марфа, говорит Ему:
Господи! уже смердит...*

Евангелие от Иоанна, 11; 38-39

ба указа — № 1 и № 6 — датированы 27 сентября и подписаны «Царем и Патриархом Российским Владыкой Лазарем». Важность момента заслуживает того, чтобы процитировать документы полностью.

«Указ № 1.

Мы, Божией милостью, Владыко Истинно Православной Церкви Лазарь, Божественный Судебный Исполнитель — Агнец Откровения Иоанна Богослова, от Бога поставленный Царем и Патриархом России, возвещаем волю Божию. Богу президенты не угодны: ни Б.Ельцин, ни А.Руцкой, ни спикер Верховного Совета РФ Р.Хасбулатов. Именем Господним трижды прокляты они навечно, прокляты и те, которые с ними сотрудничают и им служат. Пусть все проклятия Ветхого и Нового Заветов обрушатся на них. Пусть покарает их меч Божий. Да обрушится на них гнев Всевышнего, и да поглотит их земля и даже имя их навсегда исчезнет с лица Вселенной. Пусть все и вся объявят им войну, пусть стихия и люди восстанут против них. Да превратятся жили-

Пока в «Белом доме» при свечах распевали под гитару песню «Поручик Ачалов, раздайте патроны, корнет Константинов, налейте вина!», в Кремле кидали на спичках, кому обезоруживать красно-коричневую Пресню, а в Свято-Даниловом монастыре устраивали контрольную по Закону Божию для большевиков, поступающих принципами и не поступающих оными, — в России всю полноту политической и духовной власти взяла на себя «третья сила». Это произошло столь неожиданно и внезапно, что ровным счетом никто ничего не заметил. Ни стрельбы, ни ворчанья и рыканья бронетехники, ни прямой трансляции Си-эн-эн, ни заявлений из-за бугра. Ничего этого не было. Обошлось. Разосланы были из города Видное Московской области в сто адресов два указа на фирменном бланке с печатью «Межрегионального духовного управления Истинно Православной Церкви» — и делу конец.

ща их в пустыню. Пусть ангелы после смерти препроводят их черные души во владения сатаны, где дьявол, несмотря на заключенные с ними соглашения, будет истязать их за содеянные ими преступления. Аминь.

В соответствии с вышеизложенным заявляем Наши права на Престол Российский и Патриаршество — Божественную теократию и повелеваем:

1. Президент Б.Ельцин лишен всякой власти.

2. Премьер-министру В.Черномырдину ознакомить с настоящим Указом и текстом духовной присяги членов правительства. Принять присягу. В случае неисполнения — трижды прокляты. Все в свое время понесут ими заслуженное наказание как неподчинившиеся власти Божией в лице Царя и Патриарха. Аминь.

3. Об исполнении доложить до 8 октября 1993 года».

Теперь — направленный редакторам газет и журналов «Указ № 6»:

«Мы, Божией милостью, Владыко Лазарь, Царь и Патриарх Российский, повелеваем:

1. В ближайших номерах своих изданий опубликовать тексты Указа № 1 и духовной присяги на верность Царю и Патриарху Российскому.

2. Отразить содержание газеты «Небесный Град» № 8:

а) Царь и Патриарх Владыко Лазарь поста-

влен Богом для России — ее Помазанник. Все, кто не признают его, — в его лице не признают Божественную провиденциальную личность и будут трижды прокляты;

б) отметить о новом небе и новой земле, о божественной супруге и царице Владыки Лазаря;

в) подчеркнуть проклятость Церковного Института Патриархии и возглавляющего его лжепатриарха Алексия II.

3. В случае неисполнения данного Указа — да будут именем Господа нашего Иисуса Христа трижды прокляты редактора, члены редакций и дела начинаний их.

4. Об исполнении доложить до 8 октября 1993 года.

Нетерпенье батюшки-царя понятно. Но ведь даже не по-царски, а по-человечески просто надо понимать, что принятие присяги — не фунт изюму. Ведь еще зимой прошлой, в самом первом номере газеты «Небесный Град», страдал не Царь и Патриарх пока что, а «Божественный Судебный Исполнитель Откровения Иоанна Богослова, Архиепископ Московский и всяя Руси, Блаженнейший Митрополит Сибирский Лазарь» возлюбленных россиян: «Станете членами-гражданами так называемого СНГ... возьмете паспорта и приватизационные чеки» — «спасения вам не будет». И что — послушались «Блаженнейшего»? Ведь ленивый своего вавчера не получил, а если кто и покидает пределы СНГ — не без паспорта же! Призывал и власти «Божественный Судебный Исполнитель» немедленно презентовать ему Донской и Ново-Иерусалимский монастыри, да «200 га земли с речкою, лесом и пашнею», да вдобавок крупную денежную сумму «для покупки нескольких легковых автомобилей и других церковных нужд».

Ничего ему, конечно, не дали. Ни земли, ни речки, ни легкового авто. Другой бы умылся соплиями — и на паперть пошел. Петь Лазаря. У нашего Лазаря — другие песни. Он в жизни сей не христарадничает, не уподобляется птицам небесным, кои не сеют, не жнут, не собирают в житницы, а с голоду не помирают. Лазарю, как незабвенному Остапу Сулеймановичу Бендеру, нужен миллион на блюдечке с каемочкой. Может, все-таки возьмете частями? «Нет», — отвечает, и пламень генский сверкает в очах. — Я бы взял частями. Но мне нужно — сразу. Прямо 8 октября. И ни часом позже».

Посему — в тот же самый день издает «Божественный приговор» и рассылает всем, кто не поспешил дать ему присягу как Царю и Патриарху:

«Именем Иисуса Христа Господа нашего трижды прокляты вы, сеятели безбожия, суеты и мелкого человеческого тщеславия. Да будут прокляты и ваши газеты. Пусть меч возмездия Божия войдет во чресла ваши, да свершится над вами Суд Божий. Аминь».

«Он, этот Лазарь, что — сумасшедший? Или прохиндей крупного калибра?» — предвижу оторопь тех, кто сейчас только, от меня, впервые о нем слышит.

Не знаю, братцы. Я не «Божественный Исполнитель» — судить не берусь. Знаю, правда, что ни Минздрав, ни Прокуратура в тревогах мирской суеты и мелкого тщеславия личностью гражданина Лазаря до

сих пор не интересовались.

Зато интерес к его персоне, безусловно незатурядной, проявили и глава администрации города Курган В.Ельчанинов, и префект Южного округа Москвы О.Толкачев, и оренбургские казаки, и Баркашов со товарищи, и «Вести» Российского ТВ, и «День» Проханова — мало ли кто еще. Много кто еще.

А началось — в Кашире, три года назад. Священник Константин Васильев получил Указ митрополита Ювеналия, своего правящего архиерея, перейти служить в другой приход, в другой храм, победнее и подальше от столицы. И отказался подчиняться.

По церковным Канонам непослушание епископу — тяжкий проступок. Но, к сожалению, новейшая церковная история изобилует таким числом примеров, когда епископы, совершая назначения или перемещения своих клириков, преследовали цели какие угодно — только не к пользе духовной, не ко благу Народа Божия, что и в этом случае многие усмотрели нарушение прав мирян и нанесение урона приходу о.Константина. Каширские бабушки вышли на демонстрацию с плакатами в защиту батюшки, выставили пикеты на подступах к храму. Взволновалась и столичная общечестность: о правах верующих позволительно уже было говорить не только вслух, но в повышенных тонах. Сюжет развивался стремительно.

Во-первых, каширских бабушек и их пастьра поддержали на страницах «Московских новостей» люди с репутацией униженных и оскорбленных, заплатившие за религиозные и моральные убеждения опалой, лишением свободы, риском для жизни и живо обсуждалось новое «Законодательство о культурах» — и принятие его связывалось прежде всего с правами рядовых верующих, мирян. И наконец, в третьих, тоже как раз в ту пору, пока что очень робко, стала просачиваться в нашу печать правда о расколе, происшедшем в Русской Православной Церкви в середине 20-х годов, когда всемогущая и многомиллионная религиозная организация усилиями извне разделилась натрое: одна часть последовала за митрополитом Сергием (Страгородским), признавшим власть большевиков единственно законной и обещавшим Сталину совершенную лояльность, в обмен на возможность молиться и причащаться на родине; другая часть — русская эмиграция со своим первоиерархом Антонием (Храповицким) — осудила «Декларацию» Сергия и провозгласила своей миссией сохранение в изгнании Духа Истины и Церковного Благочестия; третья, во главе с владыкой Иосифом (Петровых), ушла в глубокой подполье, в катакомбы, подобно тому, как это было в богоборческом Риме, предпочтя роскоши храма, где возглашаются здравницы «вождю и учителю», тесную комнатушку, чердак или погреб, а легализованному «совершению обрядов» — честную бедность. Теперь, на рубеже 80—90-х годов, во «время благоприятное», то в одном, то в другом уголке России вдруг стали объявляться общины «катакомбников», не избегавших за шесть десятилетий рассеяния и разобщенности, разделения на

несколько «ветвей». Широкая гласность и предельное упрощение регистрации общин не только защищали этих людей от гонений, но и позволяли открыто исповедовать свою Веру.

Ни митрополит Ювеналий, ни либеральные заступники бабушек из Каширы глазом моргнуть не успели — скромный многодетный батюшка Константин объявил себя главой «Истинной Православной Церкви» епископом Лазарем. Обстоятельства поставления Васильева во епископы до сих пор темны; они породили массу слухов и догадок, но развеемны ни Лазарем, ни кем-либо еще. Лазарь уверяет, что во епископа он был поставлен «тремя архиереями Украинской Автокефальной Православной Церкви», что у него есть доказательство — Ставленническая Грамота. Однако даже и у руководства УАПЦ, насколько мне известно, существуют опасения, что епископская хиротония Лазаря недействительна.

А потом началась уже форменная чушь. Лазарь последовательно провозглашает себя архиепископом, затем — митрополитом, патриархом, «Божественным Судебным Исполнителем» и, вообще, «Ангцем Откровения». Не менее головокружителен и его взлет по лестнице светской власти. Начав с объявления себя «духовным наследником Царя Николая Александровича Романова», Лазарь известил затем Россию, что он — сын Государя-мученика, а нынешней смутной осенью — вззошел на Царский престол.

Как все это случилось? Как оказалось возможно?

Карьера Лазаря-Васильева легко и просто вписывается в контекст политической жизни России кризисных 1990—1991 годов, когда, после падения десятков царей и кумиров самого разного калибра, от членов Политбюро ЦК КПСС до секретарей Союза писателей, опустевшие ниши в президиумах и умах наших сограждан стремительно заполнил всяческий сброд — иного слова не подберу. Никто из сколько-нибудь авторитетных лиц общественно-политического и духовного «андерграунда» не вышел на авансцену, не основал партии и движения, могущие потеснить партию большевиков и «силовой блок» промышленников, военных, банкиров, идеологов карательных органов. Ни в одном из составов правительства Горбачева, а затем и Ельцина, не была представлена э л и т а — все это сплошь люди свиты, люди системы, снявшие с завидной быстротой прежние лозунги, будто волосы вместе с шапкой, а вместе с волосами — и головы, похуже. Иначе — к чему бы все сегодняшние разговоры о «профессиональном парламенте», «профессиональном правительстве» etc? Профессионалы, если угодно, это одиночки, рыцари без страха и упрека, не повязанные ни деньгами, ни кровью, ни политическими взаимными обещаниями — но единственно здравым смыслом.

Вспомним, кого выдвинул в первый ряд политического театра теперь уже легендарный I съезд народных депутатов СССР. «Диссиденто-межрегиональщики»? Этих, как мы сейчас понимаем, вполне безобид-

ных и более чем осторожных интеллигентов, казавшихся Горбачеву экстремистами, а на деле — поборников плавного, зато безудержного эволюционирования, «бархатной революции»? Нет: они, все до одного, сдвинуты были на обочину, ни одному из них не дали сколько-нибудь ключевой роли в начатом тогда сериале с неизвестным концом, расчистив дорогу циникам, бесстыжим, жестоким и непредсказуемым. Это нам кажется только, что в той первой серии главную роль играл Сахаров — она отведена была, например, прокурору Сухареву и следователю Гдлян. Что за беда, коли ни тот ни другой сегодня вовсе не на коне: их разборки на съезде видятся с трехлетнего расстояния репетацией склоки о коррупции в парламенте Хасбулатова. А Коротич, потрясающий папкой с «компроматом» на Лигачева, тут же переданной в белы ручки Михаил Сергеевичу, — не прообраз ли это Руцкого с его чемоданами? Друг и сподвижник Руцкого, наставник в патристических потугах Никита Михалков — не было ли подготовлено его воцарение в Фонде культуры тем насмешливым равнодушьем, с коим выслушана была тогда, три года назад, отчаянная речь к съезду Д.С.Лихачева? И нынешняя осенняя смута, фарс «обороны Бидэ» — не самым ли прямым образом связаны с обсуждением на том, лукьяновско-нишановском съезде вопроса о шестой статье Конституции, с лихой атакой афганских головорезов на защитника жертв той войны Сахарова, с мрачным триумфом «агрессивно-послушного большинства»?..

Держу предположить: выступил тогда, на том съезде, митрополит Ленинградский с иной речью, ничуть не благостно-безмятежной, но раскрывающей всю правду о Церкви — заложнице атеистической власти в России, так, может, и не пришлось бы ему, теперь Патриарху Алексию II, этой осенью пройти через то, через что он прошел. А с ним — прошла и вся его паства.

История учит: всякая смута на Руси — это вакуум не одной политической, но и духовной власти. В такие часы людям свойственно забывать, что «не в силе Бог — а в правде», и пред лицом Истины, подступившим вплотную, лицом к лицу, охота хватиться, ища опоры, за что-то простое, как мычание, за что угодно — за Конституцию ли, за депутатский мандат, за оружие, за полу священнической рясы.

Полтора года назад, выступая на «круглом столе» в редакции «Столицы» (где обсуждались пути воссоединения Русской Православной Церкви, преодоления в ней настроений и ересей), я высказал убеждение, что, как и у однофамильца Васильева — лидера «Памяти», у самочинного лидера «Истинно Православной Церкви» не пошло бы все так резко и гладко, не проявляй к нему интереса КГБ — в чем, в чем, а в церковных междоусобицах и внутренних расприх, в духовной смуте господства «кураторы» всегда

были заинтересованы. Список можно составить обширный — начав с «Живой Церкви» митрополита Александра (Введенского) и едва ли закрыв его религиозной войной на Украине, еще и доселе не оконченной. Я обращал внимание собеседников и на то обстоятельство, что взлет «Владыки Лазаря» совершился в тот самый момент, когда был поставлен во епископа и принят под омофор Зарубежной Церковью многолетний узник ГУЛАГа, носящий в монашестве то же имя — Лазарь. Долго ли спутать двух Лазарей?

Лазарь-Васильев откликнулся на мое выступление (материалы «круглого стола» вышли отдельной брошюрой в Австралии) — прислал в «Столицу» «Решение церковного суда» по моему «делу».

«Сытый утробный иудей, дерзкий интеллигентный мальчишка, боящийся простуды и сквозняков, болтун и пустозвон» приговоривался ни много ни мало как к смертной казни. Уж не знаю, отсрочен или вовсе отменен вынесенный мне приговор, а только, не скрою, был ничуть не удивлен (и не прошу от гражданина Васильева К.А. сатисфакции), когда, вослед за октябрьскими «указами» и «приговорами» «Божественного Судебного Исполнителя», получил по почте газету «Новый Иерусалим» — издание бывших сподвижников «Царя и Патриарха, Агнца Откровения и духовного Главы возрождающейся России».

«Новый Иерусалим» (переименованный «Небесный Град»: тираж 50 тысяч экземпляров, типография газеты «Красный воин»), первый его номер целиком посвящен личности и деяниям моего героя.

«При ближайшем рассмотрении», «Падший ангел, или История Владыки Лазаря», «Лазарь, кто ты по-настоящему?», «Лазарь, ты не прав!» и, представьте, даже «Антихрист» — такие вот заглавия.

У меня аж сердце екнуло. Право, выработался в последние годы у нас всех инстинкт защищать кого ни попадя: «Белый дом» ли, «Матросскую тишину», Кремль или Лефортово — все едино! Если б так Сахарова с Солженицыным во время оно защищали... Ныне — у нас все борцы с диктатурой, с тоталитаризмом, с фашизмом, каждая сколько-нибудь высунувшаяся из толпы башка окружена ореолом мученичества.

А тут еще — Постановление собрания верующих из города Курган в отношении гр. Васильева К.А.! Захотелось, забыв бывшие обиды, тотчас же броситься на подмогу бедному Лазарю. Хорошо, сперва все-таки прочел, что они там, в Кургане, слушали-постановили:

«...Нарушил ряд Апостольских правил, в т.ч. 25-е (будучи монахом открыто сожительствует в блуде с гр. Щетиной Л.А.), 38-е (присвоил себе церковную казну и имущество, принадлежащие Московской и Каширской общинам ИПЦ), 81-е (претендует на пост земного царя)... Помимо вышесказанного в вину гр. Васильеву К.А. вменяется и распространение еретических взглядов на основе толкования Откровения Ап. Иоанна Богослова на страницах газе-

ты «Небесный Град».

Выражая недоверие гр. Васильеву К.А., собрание также постановило прервать с бывшим Архиепископом Лазарем каноническое общение и выйти из административного подчинения Межрегиональному управлению ИПЦ, возглавляемому им, как уже сделали это общины верующих ИПЦ г. Лебедянь Липецкой обл., г.Каширы Московской обл. и г.Москвы»...

Finita la commedia?

Позволю усомниться.

Не таков гр. Васильев К.А. Нешто он похлипче будет пресловутого Филарета Киевского, заявлявшего не однажды, что сместить его может одна смерть? Неужто он потопляем более, нежели Иоанн Береславский, вождь «Богородичного центра» или, прости Господи, Мария Дэви Христос (гражданка Цвигун)?

Епископского сана лишит ли Лазаря лишь те архиереи, что его рукополагали (по его утверждению). А где они — ищи свици. Один, говорят, за границей, другой — вовсе в затворе. Да и не признает Лазарь ни их суда, ни какого иного. Он сам себе и «Божественный Судебный Исполнитель», и Бог, и Царь, и герой. Захочет — за Проханова, прямо к нему в кабинет придет молиться. Захочет — отправится к Мавзолею, изгонять «дух коммунизма». А захочет — всех нас с вами, всю Россию, весь «Союз нерушимый» трижды проклянет и добавок к смертной казни приговорит. И амины!

Так что не пропадет Лазарь. Помяните мое слово. Только это — новая, совсем другая история будет.

Меня только одно тревожит. «Лазарь, гряди вон!» — сказано теперь теми, кто его возвышал, сопутствовал ему во все три года головокружительной карьеры. Свидетели против него — «брат Иван Голубов» и «сестра Наталия Гончарова». Это теперь они клычат Лазаря, именуют его казнокрадом и еретиком. А что же они раньше-то молчали? Чем заняты были?

А вот и были заняты. Занимали при Царском троне, на котором восседал «Агнец Откровения», особо почетные места. Из номера в номер «Небесного Града» выступали в ролях апостола Иоанна Богослова и св. Марии Магдалины. Теперь вот только им невтерпех стало.

Ну, ничего. Найдут какого-нибудь нового «Агнца». Малость почище. Ведь не всю казну Лазарь присвоил. Кой-чего в кубышке осталось. Газета переименована. Спонсоры и типография «Красный воин» милуют-жалуют. Дураков, опять же, в России много. Впрочем, и это уже совсем другая история. И нечего тревожиться.

В действительности — тревога у меня тоже иная.

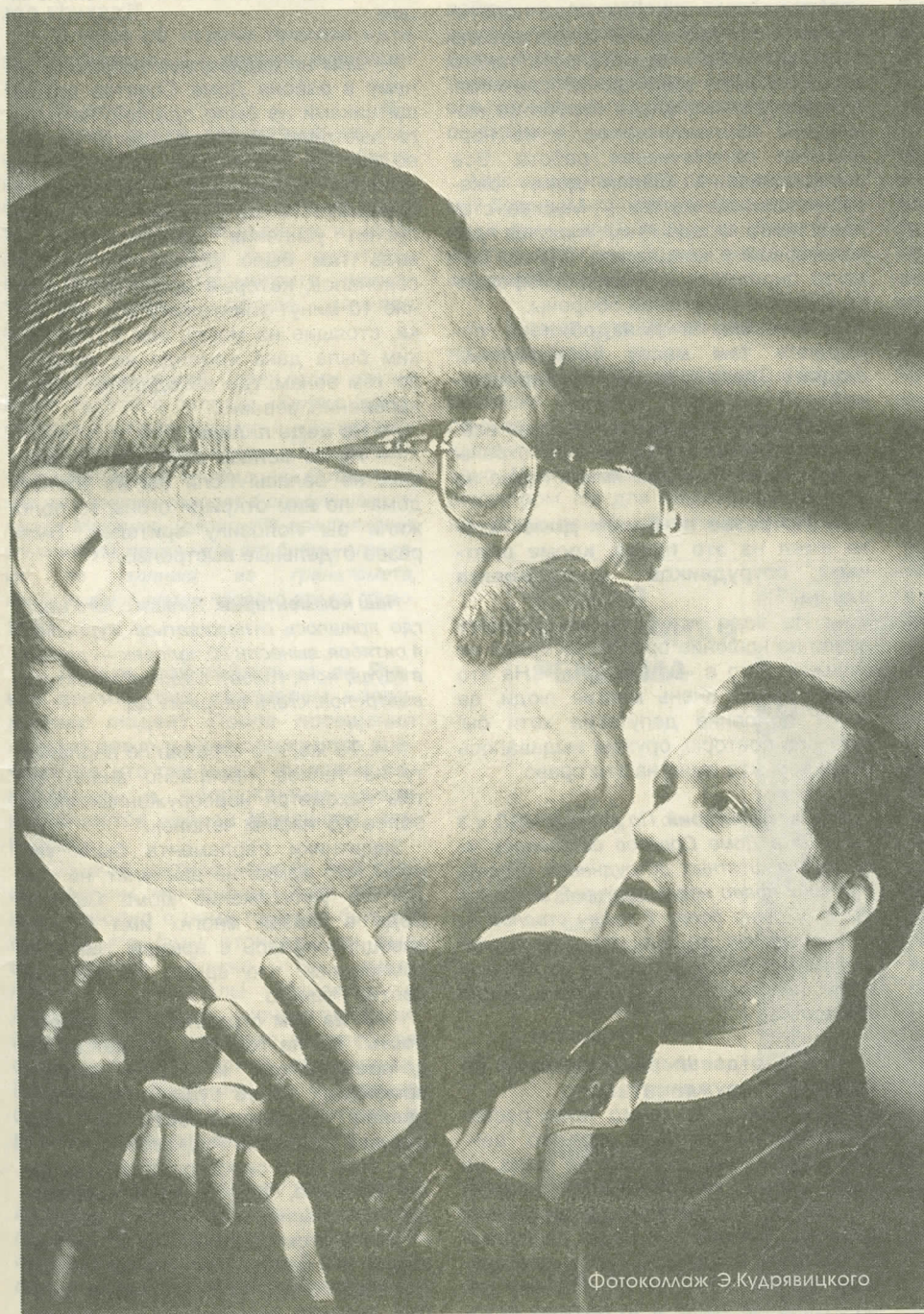
Что, если я — единственный, кто в осенние смутные дни удосужился все присланные в редакцию «указы» и газетки прочесть трезво и внимательно? Что — если ни в Прокуратуре, ни в Министерстве юстиции, ни в Министерстве печати, ни в Минздраве, ни в Патриархии — нигде, ни у кого руки не дошли? Кому — им или мне — вся эта история должна быть любопытна по долгу службы?

Что — если я такой один? Что вы думаете? А?

Владимир ВОРОНОВ

РУЦКОЙ ЖДАЛ, ЧТО ЕГО ПРИСТРЕЛЯТ ПЕРВЫМ

Разговор с советником экс-вице-президента

Фотоколлаж Э. Кудрявицкого

Вожди, даже с приставкой «вице», имеют обыкновение пользоваться услугами помощников. Иногда их еще именуют советниками — «тайный советник вождя» — звучит?!

Вот в таком качестве у вице-президента и работал наш сегодняшний собеседник — Андрей ФЕДОРОВ. Порой его даже называют реальным вдохновителем Руцкого, его «мозговым штабом». Так ли это? Сам Федоров от таких вопросов уклоняется. У него нормальная

«комсомольская» биография — окончил философский факультет МГУ, работал в Комитете молодежных организаций (КМО), пользовавшемся заслуженной репутацией трамплина для службы в КГБ и МИДе. Затем — в организациях с такой же дурной славой — Всемирной федерации демократической молодежи и Международном союзе студентов (был вице-президентом!), несколько месяцев работал в Международном отделе ЦК КПСС.

И неожиданный поворот — заместитель министра иностранных дел России — до сентября 91-го года, когда Андрей Федоров перешел в аппарат вице-президента. Где и работал до последних дней. Был со своим патроном в «Белом доме» — до утра 4 октября...

— Что из себя представляла политическая «кухня» вице-президента? Как он принимал те или иные решения?

— Как и любой политик — на основе взвешенного анализа полученной информации, на основе советов и рекомендаций аппарата и советников. Но все решения, подчеркиваю, все — Александр Владимирович принимал только сам. И это нормально для любого ответственного политика. Хотя после референдума аппарат Руцкого был отрезан от источников информации в МВД, МБ — раньше мы получали оттуда материалы... У вице-президента была хорошая черта — он каждый день читал все газеты. По договоренности с ним мы давали ему все материалы, в которых он упоминался, — пусть даже самые грязные!

Еще в апреле я разработал полную концепцию и программу проведения выборов — мы уже тогда были к ним готовы. Да и указ № 1400 не застал нас врасплох — он логически вытекал из хода политического развития России. Конечно, мы не можем отрицать, что наша реакция на указ была полностью продумана — конкретные формы и методы его реализации предвидеть все же было трудно, но существовала надежда, что все пойдет гораздо цивилизованнее.

— А насколько «цивилизованными» были ответные действия самого Руцкого?

— Считаю, что Руцкой в те дни все сделал честно, как и положено офицеру. По крайней мере, он не ушел в кусты, а взял на себя высокие моральные обязательства защищать Дом Советов и собравшихся там людей. Две основные задачи он все-таки сумел реализовать: дал провести съезд и организовал образцовый порядок в «Белом доме». Если бы Руцкого там не было, то не состоялось бы и никакого съезда. А насчет порядка судите сами — за две недели осады не произошло ни одного ЧП: потасовки или выстрела внутри здания. И все это благодаря Александру Владимировичу. Не уверен, что нынешние демократы смогли бы так долго сохранять порядок — за гораздо меньший срок они изгадили бы все.

Наш комментарий. Честный офицер либо выполняет приказ своего командующего, либо уходит в отставку, но не стреляет в спину. Может, порядок в БД был и идеальным, но первая кровь пролилась, когда 23 сентября боевики Верховного Совета попытались захватить штаб Объединенных Вооруженных Сил СНГ.

— Если бы 27—28 сентября не

появилась колючая проволока и бронетехника, то уже к 30 сентября мы имели бы нормальное политическое решение, которое, кстати говоря, сейчас и реализуется. Но колючая проволока ясно показала, что ставка была сделана на насилие.

— Но разве в Верховном Совете сидели невинные младенцы, разве там не было жаждущих крови?

— Конечно, не все однозначно, очевидно, что пролитие крови было просто необходимо вполне определенным людям по обе стороны баррикады. Но не заставляйте меня называть их имена — они не в Лефортове сейчас, а на свободе. Для ряда политиков мирного выхода не существовало в принципе. Да и возможность такого варианта была лишь до 28 сентября. А потом уже началась борьба за выживание парламентариев, а не нормальная политическая работа. Все находящиеся в «Белом доме» ожесточились: как же так — Москва, столица, центр города — и... колючая проволока, как в концлагере, БТРы... Тогда-то парламент и трансформировался в своего рода штаб обороны.

— Поэтому и понадобилось содержать там массу вооруженных людей? Сделать ставку на Баркашова?

— Оружие выдавалось прежде всего сотрудникам департамента охраны и тем лицам, которые имели право на его ношение.

— Но разве в «Белом доме» кто-то имел на это право, кроме штатных сотрудников департамента охраны?

— Не надо искусственно ужимать право на ношение оружия до права на «ношение его в «Белом доме»! На это имели право очень многие люди, да почти половина депутатов хотя бы! Еще раз повторю, оружие выдавалось лишь тем, кто имел на это право.

Наш комментарий. По данным МВД, к 3 октября в Доме Советов оставалось не более 50 штатных сотрудников охраны, имевших право носить оружие. Всего же было роздано более 2 тысяч стволов — от пистолетов до гранатометов. Баркашовцы, к примеру, и боевики из Абхазии и Приднестровья прав на ношение оружия не имели.

— Кто отдавал распоряжения по раздаче вооружения?

— Ну, там было много таких распоряжений, какого-либо единого центра отдачи таких команд не было, но был единый контроль над оружием — его и осуществлял департамент охраны. Поэтому не надо рассказывать байки о том, что якобы все оружие свободно гуляло по «Белому дому»! Конечно, было и то оружие, кото-

рое люди приносили с собой. Но в первую неделю кризиса в парламент можно было слона провести!

Наш комментарий. Информаторы МБ утверждают, что извне оружие не поступало и его раздача производилась только из арсеналов «Белого дома».

По нашим сведениям, доставка автоматического вооружения «неизвестными» в камуфляже открыто велась практически весь день 22 и 23 сентября. Внешнее оцепление из сотрудников МВД, также вооруженное автоматическим оружием, взирало на все спокойно, не делая никаких попыток пресечь явно незаконную акцию.

— ...Вы не задавались вопросом, почему в районе Дома Советов его защитниками не было сделано ни одного выстрела из гранатомета, не был подбит ни один танк или БТР? Да хотя бы потому, что этим вопросом занимался лично Руцкой — он не допустил усиления кровопролития. А ведь там было достаточно профессионалов, которые могли бы в течение 10 минут уничтожить все эти танки, стоящие на мосту, все БТРы! Руцким была дана команда не стрелять по тем зонам, где находилось мирное население, зеваки...

— Но ведь палили!

— Ну не велась стрельба по зевакам, не велась! Если бы из «Белого дома» по ним открыли огонь, то положили бы половину зрителей. Были разве отдельные выстрелы...

Наш комментарий. Только с того места, где пришлось отлеживаться журналисту 4 октября, вынесли 20 человек — ранения в грудь, ноги, голову. Судя по траектории выстрелов, огонь велся из БД.

— ...Те же, кто стрелял по парламенту из танков, прекрасно знали, что там находятся невооруженные люди, более 1,5 тысячи человек.

Защитники парламента были уверены, что армия не выступит, не пойдет на уничтожение Дома Советов. Ведь в глазах многих имя Руцкого ассоциировалось с армией. Никто не сомневался, что армия не выступит против Руцкого.

— А на чем строилась эта уверенность? Не на том ли, что между вице-президентом и рядом высших армейских чинов существовала негласная договоренность о поддержке действий Руцкого?

— Нет! Не в силовых структурах дело. Конечно, Александр Владимирович прекрасно знал многих военных — что в этом удивительного? Но очевидно, что он не делал ставку на силу. Это просто был один из мифов, который помогал защитникам «Белого до-

ма» поддерживать свой моральный дух: армия, мол, идет на помощь.

Наш комментарий. Утверждают, что Руцкой пытался выйти на связь с целым рядом военачальников, но сговора не было. Анонимные же источники настойчиво муссируют в этой связи имена генералов Громова и Дейнекина (главком ВВС), буд-то бы обещавших Руцкому помощь. Что и подвигло вице-президента на активные действия.

— Если решили не применять насилие, зачем был нужен «поход на «Останкино»? Разве не Руцкой отдал приказ?!

— Вопрос об отдаче приказа идти на «Останкино» — вопрос интерпретации...

— То есть?

— Этим никто специально не занимался. Да и не так все это было, как описывают. Туда, на телевидение, были посланы депутаты... Ну не было там такого, чтобы подъехали и начали стрелять — там были депутаты, шел разговор... Посмотрите внимательно пленки, откуда начался огонь...

Наш комментарий. Сразу после взятия мэрии Руцкой с балкона «Белого дома» призвал к штурму Кремля и «Останкино» — так «гласят» видеозаписи и личные впечатления многих очевидцев. Останкинские же «пленки» говорят о следующем: генерал Макашов (депутат?!) предъявляет ультиматум, после чего его бойцы стреляют по зданию из гранатомета, проламывают дверь первого этажа грузовиком.

— Кстати, действительно ли Руцкой держал под контролем вооруженных людей? После посещения «Белого дома» у меня сложилось впечатление, что там много «полевых командиров» и вооруженные люди подчиняются скорее Макашову, чем Руцкому...

— Руцкой держал всех их под своим жестким контролем. Хотя Макашов проводил с ними гораздо больше времени. Не буду отрицать, он был им гораздо ближе. Но вице-президент, генералы Макашов и Ачалов постоянно контактировали. Вся активность военного плана была ограничена территорией парламента. Неужели вы считаете, что у Руцкого было время сидеть над картами и разрабатывать планы операций?!

Наш комментарий. Кто же тогда над ними сидел? Кто разрабатывал захват штаба ОВС СНГ или узла связи Госкомитета по чрезвычайным ситуациям? Как тогда быть со словами о «жестком контроле»?

— ...У нас была надежда на то, что в движение включатся регионы. Они включались, но наша страна настолько огромна, механизм настолько неповоротлив, медлителен...

— Зачем же тогда было переходить 3 октября к активным действиям, если вы надеялись «пересидеть» оппонента?

— Я уже говорил, что по обе стороны были те, кто хотел кровавой развязки. Да и в самих событиях 3 октября много непонятого. Почему, например, не остановили демонстрацию, хотя заранее знали о ее целях? В той ситуации вполне можно было пойти на применение всей необходимой полицейской мощи — перекрыть путь теми же бронетранспортерами, использовать водометы и слезоточивый газ. Почему это не было сделано?

Наш комментарий: В самом деле, почему? Боялись, что применение силы сыграет на руку «страдальцам» из «Белого дома», позволит им на весь мир вопить о «кровавом режиме»?

— Может, это было умышленной провокацией?

— Не знаю... За несколько дней до развязки Анпилов просил у Руцкого оружие — автоматы для организации каких-то дружин. Но ему было отказано. Многие называли Анпилова провокатором. Но для иных он был вполне приемлемой политической фигу-

рой. Особенно в атмосфере блокадного противостояния.

Наш комментарий. Многие источники по обе стороны баррикад утверждают, что Виктор Анпилов сотрудничает с КГБ еще со студенческой скамьи и что все его политические акции, типа побоища 1 мая, направляются «кураторами» с Лубянки.

— Александр Владимирович понимал, что все его начинания дискредитируются такими людьми, самим фактом сотрудничества коммунистов и баркашовцев. Но не удалять же было их из «Белого дома» силой! Внутри «Белого дома» были люди, которым выгодно было присутствие Баркашова, были те, кто саботировал указание Руцкого держать на здании парламента лишь российский флаг. Вот поэтому и висели красные знамена.

— Внутри здания Верховного Совета находилось много людей без оружия — почему их не удалили в безопасное место 4 октября?

— Ни у кого и в голове не укладывалось, что будет военная атака. Да и сам Руцкой не верил, что по «Белому дому» будут стрелять. Не выгонять же было людей ночью на улицу. После первых выстрелов была все же надежда на гуманное решение проблемы. Хотя лично он, Руцкой, не сомневался в том, что его пристрелят, если такой случай представится.

САМАЯ НЕОБЫЧНАЯ РЕКЛАМА

- Воздушные шоу
- Съёмка клипов в свободном падении
- Услуги воздушных операторов

Звоните сейчас, и Вы на высоте!

Тел. 923-19-71.

У слова ПАМЯТЬ в сегодняшней традиции безусловно отрицательная смысловая и эмоциональная окраска.

Я, Боже сохрани, не об обществе «Память» — хотя и показательно, какое именно соборное прозвание выбрали себе те, кто в иных, более подходящих условиях с охотой взялся бы за обязанности и инквизиторов, и экзекуторов.

Я — о речевой и поведенческой норме, от которой почти никто у нас не свободен.

О том, что ВСПОМНИТЬ — это, говоря по-русски, по-нашенски, значит вспомнить что-либо непременно плохое или ужасное: окликнуть трагедию, воскресить страницы, залитые кровью и гноем, призвать либо к покаянию, либо к мести.

О том, что НАЗВАТЬ ПО ИМЕНАМ — значит восславить немногих подлинных героев, подвижников, страстотерпцев, всем остальным вбивши в могилы и пенсионные книжки по осиновому колу: за соучастие в преступлениях, за сотрудничество с гнусным режимом, за нежелание или за фатальную неспособность противиться государственному злу.

Иск памяти. Суд памяти. Приговор памяти. Кара памяти. Боль и проклятие памяти... И все — или почти все, — увы, по делу, все — или почти все, — к несчастью, не без оснований, ибо, что уж там, действительно во грехе и скверне прожили миллионы, десятки миллионов людей последние десятилетия российской истории. Едва ли не о каждом скольконибудь заметном человеке есть что вспомнить дурное.

Вот и вспоминают. Со следовательским азартом, с прокурорским блеском в очах обшаривают лицо за лицом: и этот, оказывается, состоял... и тот, сука, участвовал... и те, чистюли, тоже привлекались... Что ни номер газеты, то очередное разоблачение. Что ни мемуар, то реестр либо преступников, либо обидчиков — а им, как известно, первый кнут. Причем — вот что важно — это хищное, агрессивное правдоискательство, а вернее сказать, правдодознавательство подогрето уверенностью: достаточно найти в чьем-либо прошлом хоть ложку дегтя, и она в глазах общественного мнения с лихвою пе-

Сергей ЧУПРИНИН

МЫ ПОИМЕННО ВСПОМНИМ ВСЕХ...

ревесит любую бочку меда, все доброе, благодарное, наконец, снисходительное, что можно было бы вспомнить, произнести о том или ином имяреке.

Вот и ищут. Воздают, прежде чем Он воздаст. Незаметно — иногда даже для самих себя незаметно — уравнивают подлецов с оступившимися или дрогнувшими, палачей — с теми, кого понудили присутствовать при казнях. И выходит, что нет в анналах советской философии разницы между Митиным и Эвальдом Ильенковым: оба всю свою жизнь интерпретировали Маркса. И получается, что Константин Симонов — ровня Анатолию Сузову, а Леонид Мартынов в той же мере ответственен за травлю Пастернака, что и Давид Заславский или Семичастный. И оказывается, что память может быть у нас только такой — карающей, карательной, разрушающей грань между стихами Ахматовой о Сталине и стихами Софронова о нем же, между «Новым миром» Твардовского и «Октябрем» Кочетова...

Повторюсь, чтобы быть верно понятым. Меня не занимают сейчас клеветушки — с ними пусть разбираются районные суды по месту жительства. Я обращаюсь именно и только к говорящим правду, ко всем помогающимся правды:

— Не пора ли остановиться?

Теперь, когда схлынуло первое эйфорическое опьянение гласностью, уже ведь ясно: СВОЮ душу не очистишь созерцанием ЧУЖИХ грехов. И другое ясно: разоблачения, вызванные даже самыми благородными помыслами, увы, не убавили, а скорее, умножили в нашем мире количество зла, ведро за ведром выплескивая бензин в клокошущее и без того пламя всеобщего остервенения.

Так что же, спросят: лучше беспамятство? Что называется, наплевать и забыть?

Спаси нас Христос от беспамятства! Пусть каждому и впрямь будет воздано по делам его. Но — ПО ВСЕМ ДЕЛАМ, по их живой совокупности. С непременным рассмотрением как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств. С акцентом во всех случаях, когда это только возможно, не на зло, но на добре, содеянном за свою жизнь тем или иным человеком: памятуй добро, а зло забывай, как подсказывает нам всеведущий В.И.Даль.

Было время разбрасывать камни, из-под глыб высвобождая запретное слово и тех, кто подлинно ни в чем не повинен.

Наступает, мне кажется, время собирать камни, а значит, и отличать форменных негодяев от тех, кто во многом — может быть и действительно — виноват перед Богом и людьми, но без чьей помощи, без чьих усилий ни книги хорошие не выходили бы, ни мысль живая не прорастала бы сквозь бетон, ни режим не подтачивался бы изнутри.

Это только ночью кажется, что все кошки серы.

Сейчас же, я надеюсь, все-таки рассветает. И памяти нашей пора не разрушать, но строить, не казнить, но врачевать. Тогда, может быть, мы и современников своих привыкнем наконец оценивать не по неудачной фразе или ложному поступку, но истинно по заслугам. По делам. По всей их живой совокупности.

Вячеслав СЫСОЕВ

Постперестройка. Наша история

НАША ИСТОРИЯ. Дорогие дети! Раньше, до революции, на Красной площади стоял мавзолей Ленина. На нем по праздникам стояли вожди. Проверим, хорошо ли вы знаете историю Отчизны. Вырежьте фигурки вождей и расставьте их по линии А-А в правильном порядке, в три этапа:

- 1) После Октябрьского (1917 г.) переворота.
- 2) во время перестройки. (1985 г.)
- 3) После Августовской (1991 г.) революции.

После игры аккуратно сложите фигурки и, соблюдая противопожарные правила, **СОЖГИТЕ**. СПАСИБО, ДОРОГИЕ ДЕТИ. ДОСВИДАНИЯ!

фиг.1

фиг.2

фиг.3

фиг.4

фиг.5

фиг.6

фиг.7

фиг.8

фиг.9

Разыскивается офицер КГБ, который допрашивал майора Робертсона...

По Четвертому каналу Лондонского телевидения шотландская группа продюсеров показала бесплодные — пока — поиски молодой американки мисс Дебры Робертсон своего отца Джона Робертсона, сбитого в 1966 году советским МиГом во Вьетнаме.

Таинственная фотография

По особому соглашению между правительствами США и ДРВ большая часть американских военнопленных после окончания войны была правительством Вьетнама возвращена. Но около тысячи человек так и не вернулись на родину. На все запросы вьетнамская сторона отвечала, что никаких американцев в стране нет. Они или были убиты или умерли в лагерях.

Три года назад Дебра Робертсон стала получать странные письма из Камбоджи. В этих письмах говорилось, что ее отец, летчик майор Джон Робертсон, пропавший без вести во время войны во Вьетнаме, жив и находится в Камбодже. Однажды пришло

письмо, которое окончательно взбудоражило семью пропавшего майора. В нем была фотография трех — теперь уже немолодых — американских летчиков. Среди них — майор Робертсон. Под снимком его военный номер. Внизу фотографии... портрет товарища Сталина. В письме говорилось, что кроме Робертсона в живых в настоящее время осталось двести двадцать два американца. Ничего в обмен на их «освобождение» пишущий письма камбоджиец не требовал.

Робертсоны списались с родственниками других исчезнувших во Вьетнаме американцев. Эти семьи потратили год, пока правительство США согласилось создать специальную комиссию по расследованию «дела Робертсона» и других военнопленных и попытаться вытащить их — если они живы — из Вьетнама и Камбоджи. Первым делом специальная и очень известная компьютерная лаборатория, помогающая полиции при расследовании дел о поддельных документах, изучила фотографию. Правительство Буша — расследование началось в прошлом году — оказалось в неприятном положении. Американская пресса подняла скандал, суть которого заключалась в том, что правительство забыло и не пыталось или плохо пыталось разыскать своих граждан, которых оно послало сражаться во Вьетнам. Представитель Буша в ответ на это сделал неожиданное заявление: фотография, присланная из Камбоджи, — подделка, снимок был сделан в тридцатых годах для пропагандистского (*мои слова*) журнала «Советский Союз сегодня». На ней изображены три колхозника, лица которых подделаны под лица летчиков. Однако специалисты лаборатории, сделав особые анализы снимка, не подтвердили правительственной версии.

Подделан ли был снимок, выполненный фотографом агентства печати «Новости»?

Шотландская группа, работавшая для британского телевидения, предложила Дебре Робертсон поехать в Москву и проверить подлинность снимка. В агентстве печати «Новости», фотограф которого снимал «колхозников», Дебра получила странный ответ, не от руководства АПН и не письменно, а от рядового служащего. Мисс Робертсон был показан негатив фотографии, которая числилась в архиве, но... негатив этот был копией, а не оригиналом. Где же оригинал? Ни имени фотографа, который якобы снял «колхозников» в 1935 году, ни места, где была сделана фотография, ни имен «колхозников» выяснить не удалось. Несчастная американка вернулась домой ни с чем.

Поездка в Пномпень

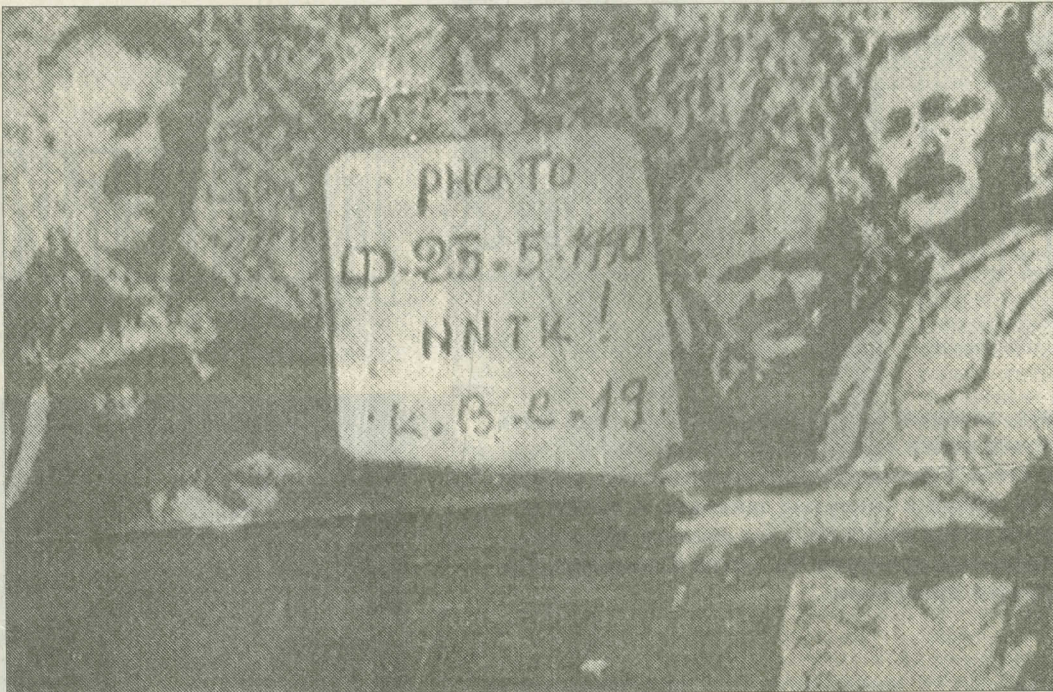
Поиски отца ведут Дебру Робертсон в Камбоджу, откуда приходили письма и откуда была прислана «поддельная» фотография. Мисс Робертсон в сопровождении шотландской группы телевидения, которая, кстати, финансировала все ее поездки, появляется в Пномпене. С Камбоджей у США нет — пока — дипломатических отношений. Совсем недавно там по договоренности было организовано маленькое бюро, представляющее интересы США. Разговор мисс Робертсон с тремя равнодушными чиновниками был снят скрытой камерой. Следов майора Робертсона в Камбодже нет, было сказано ей совершенно официально. Тогда Дебра встретилась с «другом»-камбоджийцем, который посылал ей письма и фотографию.

Камбоджиец теперь уже ясно сказал, что ему нужно заплатить шесть тысяч долларов «за труды». Никаких доказательств, что летчик Робертсон жив, и обязательств, что он действительно будет возвращен за эту сумму, камбоджиец не дал.

Поездка в Сайгон

Дебра Робертсон продолжает искать своего отца и едет в коммунистический Вьетнам, чтобы встретиться с настоящим американцем, который живет там и у которого есть связи в правительстве. Американец подтверждал в своих письмах и факсах, что майор Робертсон жив, что его держат «бандиты» где-то в джунглях Вьетнама. Ну как не поверить своему человеку, американцу? У мисс Робертсон улучшается настроение.

Она встречается с этим американским бизнесменом, который оказался солидным мужчиной лет шестидеся-

То самое
сомнительное
фото

ти. Американец перед камерой повторяет, что майор Робертсон жив и что в операцию по его «спасению из рук бандитов» вовлечены высшие члены правительства. При этом он не требует денег с Дебры, но говорит, что «группа», которая держит ее отца и его товарищей, выставляет ряд требований взамен на их свободу.

Вскоре в отеле появляются два вьетнамских «комсомольца», по крайней мере, они так выглядят. Из разговора становится ясно, что эти люди совершенно не в курсе дела. Да и неизвестно, кто они такие. Однако быстро выясняется другое — американский делец пытается заключить какие-то эксклюзивные контракты в коммунистическом Вьетнаме. Коммунисты не возражают, но выставляют свои требования. Поскольку прямо заявить властям США, что во Вьетнаме незаконно держат людей уже двадцать шесть лет, они не желают, то скрываются под маской группы «бандитов».

В коммунистической системе подобные операции — монополия государства, но откуда об этом знать молодой американке?

В списке «бандитов» требование номер один — снять эмбарго США на поставки ряда важнейших товаров во Вьетнам. Странное требование для «бандитов», не правда ли? Второе требование — деньги. И сумма намного превышает ту, что просил камбоджиец. Картина проясняется еще больше.

Зачем же упускать возможность заработать? За жизни американцев США хорошо заплатят — вполне коммунистическая психология. Очевидно, Робертсон и его товарищи содержатся не у бандитов, а в официальном лагере, но люди, которые непосредственно охраняют их, решили легко, как им казалось (и главное — быстро), подзаработать, обратясь непосредственно к семьям от имени «друга»-камбоджийца.

На авансцене вновь появляется этот «друг». «Майор Робертсон вот-вот прибудет в Пномпень, в отель, чтобы встретиться с дочерью», — уверяет он. Конечно, как и следовало ожидать, Робертсон не прибыл в Пномпень. За два дня до окончания срока визы мисс Робертсон камбоджиец говорит, что она должна лететь в джунгли, где «бандиты» держат ее отца, и немедленно заплатить требуемую сумму. Ни письма от отца, ни телефонного звонка в доказательство, что он жив, — ничего. Потом, однако, камбоджиец понял, что дураков не много, и сказал, что представитель «бандитов» сам приехал в отель, чтобы поговорить с мисс Робертсон об ее отце. Действительно, в отеле появляется «бандит». В маске, понимая, что его снимают. На вопрос, почему он скрывает свое лицо, если история, которую он рассказывает, — правда, заявляет, что «его убьют». «Бандит» подтверждает, что майор Робертсон находится под контролем его группы.

Дебра Робертсон и шотландцы в джунгли, естественно, не поехали. Мисс Робертсон снова ни с чем вернулась в Америку.

Следы ведут в Москву

До августа 1991 года вьетнамская служба безопасности, в руках которой находятся — или находились, если не убиты, — американцы, была под полным контролем КГБ СССР. И поскольку майор Робертсон не новобранец, которого призвали отслужить год во Вьетнаме, а профессиональный американский военный летчик, многое знающий, то, несомненно, какой-то офицер КГБ должен был прилететь во Вьетнам из Москвы для того, чтобы допросить его, да и других. Такая встреча, предположительно, могла иметь место между 1966—1968 годами. Не исключено, что это был офицер ГРУ. Вполне нормальный способ всех разведок мира — «выявлять» военные секреты противника путем допроса военнопленных. Только офицер из КГБ или ГРУ, который «вел» дело Робертсона, может сказать, был тогда же уничтожен американец или ему сохранили жизнь. Нет сомнения, что в КГБ такие документы есть. Может быть, этот офицер откликнется?

Джин ВРОНСКАЯ

Лондон

Владимир ВОРОНОВ

«НАШИ» В РИМЕ: ДЕНЬГИ

Коммунист коммунисту друг, товарищ и... спонсор. Поэтому надо быть сумасшедшим, чтобы пытаться найти «деньги партии», да еще в Италии! Миланский следователь Тициана Паренти попыталась сделать это — ее тут же итальянская пресса в чокнутые записала. А потом и вовсе от дел отставили. Вроде хотел отыскать след «золота Москвы» все там же, в Италии, генеральный прокурор Валентин Степанков. Но нет больше такого генерального прокурора...

ЧАСТЬ I. ДЕНЬГИ

«Золотой теленок»

В стране, где рыночная экономика столь же естественна, как КГБ в России, можно было даже ее, экономику, заставить работать на «светлое будущее». Идея проста, как «Манифест коммунистической партии»: посредничество. Трудно сказать, кому именно принадлежит авторство — деятелям итальянской компартии или людям со Старой площади. Впрочем, можно бы спросить про то у председателя палаты депутатов итальянского парламента господина Джорджо Наполетано — именно ему принадлежит ключевая роль в целом ряде финансовых операций 80-х годов.

Тех, кто желает знать подробности, отсылает к № 38 «Столицы». Тем же, кто не читал, поясним: по итальянским законам политические партии и их лидеры, государственные деятели не имеют права получать деньги ни от иностранной державы, ни от предпринимателей, ни от собственных финансово-торговых операций. Плох закон или нет — не нам судить. Но желавший получить выгодный контракт с СССР итальянский предприниматель под давлением советских чиновников вынужден был соглашаться с участием посредника, отстегивая тому неплохие проценты от суммы сделки. В роли же ангелов-посредников, как правило, выступали руководящие деятели ИКП (не во всех, конечно, но в самых крупных сделках, где счет шел на миллионы долларов). У того же, кто не понимал, что нужен «посредник», возникали непреодолимые трудности с контрактом. Хотя в итоге хорошо было всем:

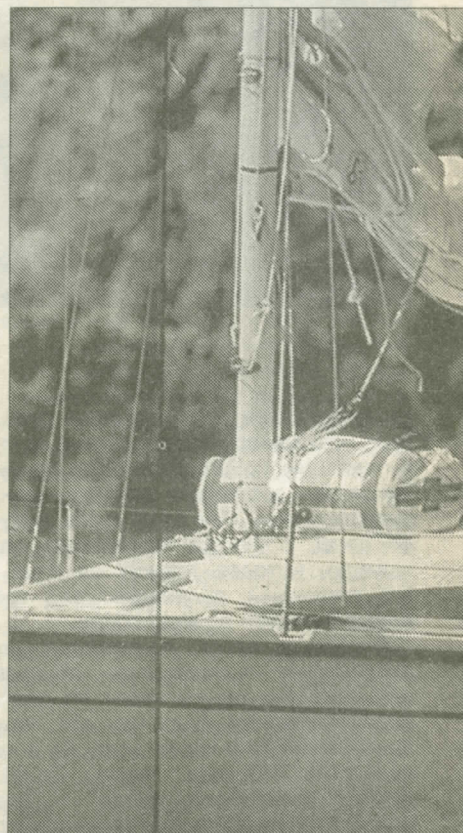
коммунистам, предпринимателям, чекистам и цекистам.

Для Италии это не слишком большой грех — многие партии и так замешаны в финансовых махинациях и имеют сложности с законом. Но коммунисты всегда почитались на Апеннинах почти за святых. Поэтому скандалы с их участием — нечастая вещь. Не каждый же день в серьезных нарушениях обвиняют руководителей парламента! Особенно в канун выборов.

Партийная разборка

И вполне естественно, что после предания «Столицей» огласке части грязных делишек итальянских коммунистов член руководства ИКП (сейчас она именуется по-иному — Демократическая партия левых сил), а по совместительству еще и председатель палаты депутатов сенатор Джорджо забил во все колокола. Не знаем, вызывал ли он на ковер российского посла в Риме, но то, что названивал итальянскому послу в Москве, — факт. Требование чисто партийное — разобраться и принять меры.

Позже выяснилось, что почти все издания, включая коммунистические, опубликовали изложение материала «Столицы». Поэтому сенатор Наполетано попробовал тут же опровергнуть обвинения и даже пригрозил подать в римский суд на наш журнал. Только-только автор статьи начал сушить сухари, предвкушая отсидку в теплой Италии, а редакция предвкушала выездное заседание редколлегии в зале суда, как сенатор Наполетано вдруг пошел на попятную. Про судебный иск более ничего не слышно — но в суде-то выплывет намного

Следователь Тициана Паренти: она занялась «деньгами партии», и ее отстранили от дел

И ЛЮДИ

Сенатор Уго
Пекколи: «агент
007»?

Акилле
Окетто
на борту
собственной
яхты:
итальянские
коммунисты тоже
любят сладкую
жизнь. За чей
счет?

больше того, о чем писала «Столица». Зачем это нужно коммунистам в преддверии новых выборов?

«Рога и копыта»: итальянский вариант

И все-таки посредничество не так уж и удобно — не на всякую же сделку поедешь. Поэтому большую часть операций по финансированию ИКП проводила через подставные фирмы. Не думайте, что «Рога и копыта» чисто наше изобретение. «Посредникам» — подставной фирме ИКП — перечисляли крупную сумму, после чего от нее оставалось лишь легкое воспоминание: испарялось все, начиная от

документов и кончая секретарями. Деньги же, после многочисленных прокруток в различных банках, оседали на тайных счетах, контроль за которыми был лишь у нескольких представителей высшего эшелона компартии.

Иные конторы служили делу партии долго и верно — были рассчитаны на перспективу. Например, «Джиза» из Реджо-Эмилия.

Не менее тесно связана с компартией Италии фирма «Коголо ди зулиано» из Удине. Несмотря на огромные суммы контрактов, она почему-то всегда оказывалась в убытке. Налоговые инспектора только в 1989 году обнаружили бюджетную «дыру» почти

в 300 миллионов долларов. Куда уплыли эти деньги?..

Когда возникает название «Сицилия», то сразу мерещится жуткий образ мафии... В бытность нынешнего босса компартии Италии Акилле Окетто «первым секретарем сицилианского обкома», в конце 70-х годов, между большим объединением винодельческих компаний острова и «Союзплодимпортом» был заключен крупный контракт на поставку вина в СССР. Среди поставщиков оказалась контролируемая уже французскими коммунистами фирма «Интерага» и тесно связанная с ИКП компания «Кольтива» из Болоньи. В сделке приняла участие и фирма «Агривин» — она находится под контролем братьев Сальво, которые более известны как «крестные отцы» сицилианской мафии. Классная связка получается: ФКП—ИКП—Мафия—СССР (в лице «Союзплодимпорта»!)

ЧАСТЬ 2. ЛЮДИ

От чекиста к чекисту

Деньги любят счет, особенно в банке, желательно в швейцарском, и секретный. Что-то, разумеется, тратилось на виллы и яхты для лидеров компартии, но основная-то масса средств шла на совсем другие дела.

Прочитав документ, помеченный грифом: «Совершенно секретно. Особая папка». Это протокол заседания Политбюро ЦК КПСС № 136 от 5 мая 1974 года:

«Об оказании спецпомощи Итальянской компартии.

1. Удовлетворить просьбу Руководства Итальянской компартии принять в СССР для прохождения курса спецподготовки 19 итальянских коммунистов, в том числе 6 человек для обучения радиосвязи, работе на радиостанциях БР-3У и шифроделу... 2 инструкторов по подготовке радиотелеграфистов и шифровальщиков... 9 человек по вопросам партехники... и 2 человек по вопросам техники изменения внешности... а также принять 1 специалиста для консультаций по организации специальных видов внутреннего вещания».

Столь деликатное дело могло быть поручено лишь КГБ. Как и исполнение заявки ИКП о предоставлении 500 чистых и 50 именных бланков итальянских документов, 50 резервных комплектов уже швейцарского и французского образцов. Должен был быть подготовлен и набор средств изменения внешности...

Агент 007 в сенате

В прошлогоднем интервью итальянскому журналу «Панорама» бывший резидент КГБ в Риме Борис Соломатин обмолвился про четырех «золотых агентов», поставлявших

поистине бесценную информацию. Один из них — в Риме. Кто это был? Может, его знает сенатор Уго Пеккьоли, возглавляющий ныне парламентский комитет по секретным службам? Пеккьоли всегда считался основным специалистом ИКП по военным вопросам и спецслужбам — «теневым» министром обороны. Осведомленный человек! С 1972 года непрерывно избирался либо сенатором, либо в палату депутатов, непременно входя в пресловутый «спецкомитет». А в Италии парламентские комиссии и комитеты помощнее даже наших министерств — определяют и кадровую политику, и финансами ведают...

В № 38 «Столицы» уже был процитирован документ, касающийся сенатора сенатора: выписка из протокола заседания Политбюро ЦК КПСС от 30 января 1976 года за № 25-С-187. В материале говорится, что член Руководства ИКП товарищ Уго Пеккьоли по поручению Энрико Берлингуэра (тогдашний лидер компартии Италии) обратился в ЦК КПСС с просьбой. Какой? Да все той же: помогите подготовить спеццов по технике конспирации, по устройству тайников и по подслушивающей аппаратуре, изменению внешности и подделке документов. Ну и радистов с шифровальщиками заодно обучить. Запрос был аргументирован тем, что эти меры должны «обеспечить безопасность партии на случай внезапного ухудшения политической ситуации в стране». Естественно, что подготовка ложилась на плечи все того же КГБ.

Сенатор Пеккьоли после публикации в «Столице» предпочел отмолчаться, а потом заявил: чепуха все это, нет, мол, ничего такого в русских архивах. А спустя какое-то время все-таки признался: был, мол, грех, ну и что?!

В данный момент сенатор Пеккьоли очень занят: пытается провести реорганизацию системы итальянских секретных служб. Не на манер ли столь хорошо ему знакомого КГБ?

«Щит и меч» коммунистов

Трудно сказать, был ли именно сенатор пресловутым «золотым агентом», этаким Кимом Филби на итальянский манер. Но то, что он долгое время возглавлял так называемый закрытый сектор ИКП, — сомнению не подлежит. Сейчас в Италии эту структуру именуют «Гладио россса» — «Красный меч». (Была в 60-е годы на Апеннингах секретная организация «Гладио», созданная правительством на случай оккупации страны советскими войсками.)

Но коммунистам-то зачем свой «Щит и меч» создавать, не детские же игры это? Или итальянские ленинцы не слишком надеялись на победу легальным путем, на выборах, потому и

создавали структуры для захвата власти? Но зачем тогда радисты-шифровальщики и связь с резидентурой КГБ?

По подсчетам специалистов, подготовку на Лубянке прошло не менее сотни итальянских «товарищей» — с 60-х до начала 80-х годов. Многие из них были внедрены в полицию, армию, государственные учреждения, разведку и контрразведку. Неужели ведомство Андропова и Крючкова не пользовалось такими превосходными источниками информации?!

«Красные волны» Черного моря

Согласно расследованию, проведенному итальянскими журналистами Франческо Бигацци и Валерио Рива, плацдармом, с которого КГБ осуществлял свое взаимодействие с «Гладио россса», была Болгария. Читая документы о передаче «друзьям» на Апеннингах кучи радиопередатчиков и приемников, трудно усомниться в истинной цели многолетней акции — речь идет об использовании возможностей «закрытого сектора» в интересах советской разведки.

В 1970 году около Софии сооружается секретный радиодом, который в основном предназначался для передачи шифровок в Италию. Ну и для приема, конечно. Как в «Семнадцати мгновениях весны»: «Юстас — Центру», «Центр — Юстасу»... А чтобы итальянская контрразведка не запыленговала радиопередатчики местных «борцов за права трудящихся», применялась аппаратура, работающая методом «флэш» — сигнал как бы «выстреливался», и огромный текст можно было выдать в эфир за одну-две секунды. Да, тяжело было итальянским охотникам за шпионами бороться с такими спецами! И ведь ни одного радиста они так и не поймали. Документы ЦК КПСС прямо-таки пестрят наименованиями радиоаппаратуры: «Селенга», «Сдвиг-69», «ВТ-53»...

Через Болгарию путешествовали в Москву и многие из «курсантов», направленных на учебу в КГБ. Журналисты Бигацци и Рива публикуют документ из архива ЦК КПСС 1977 года, где подробно расписывается, сколько болгарских левов потребовалось товарищу Доменико Дарди для перелета через Софию в Москву и обратно. Сеньор Дарди — тоже один из руководителей «Гладио россса». Увы, его уже нет в живых, и он ничего никому не расскажет. Но об этом чуть позже.

«Бомба для председателя»?

А машина лучше!

Всему приходит конец — даже партийным «щитам и мечам». 13 мая 1981 года турок Али Агджа стреляет на площади Святого Петра в папу римс-

кого. В поисках организаторов покушения итальянская контрразведка вышла на «болгарский след» — зря, что ли, фиксировали интенсивный радиообмен между Софией и целой сетью радиоточек в Риме, Милане, Турине, Венеции, Триесте, Болонье, Неаполе, Палермо?!

Дабы не попасть в сети спецслужб, пришлось итальянским «штирлицам» свертывать активность своей «Гладио россса» — заглохли и «Красные волны», несшиеся в Софию. В июне 1981 года Франко Рапарелли, «номер два» в спецслужбе ИКП после Пеккьоли, информирует Владимира Крючкова, шефа разведки КГБ, что итальянские «друзья» вынуждены ликвидировать три радиостанции... сеть, состоящая из прошедших выучку в Москве и Софии «курсантов», консервируется. Надолго?

...Было шесть коммунистов, шесть руководителей «Гладио россса». А ныне в живых лишь двое — Армандо Коссута да Уго Пеккьоли. Но не от старости или тяжелой болезни завершили свой земной путь остальные четверо, а в последовавших одна за другой после свертывания активности автомобильных катастрофах! И даже на одной и той же дороге! В том числе и слишком много знавший про софийский Центр товарищ Доменико Дарди...

С сеньором сенатором и одновременно шефом комитета по спецслужбам вам все ясно? Не надо разжевывать, почему он не только жив здоров, но и в отставку не собирается? Похоже, что он еще в состоянии сам кого угодно отправить «в отставку».

А что сеньор Коссута на автомобилях не ездит? Ну, во-первых, он ныне свою партию возглавляет, тоже коммунистическую, где в наставниках образ Иосифа Виссарионовича. У него и собственный «Щит и меч» имеется. А во-вторых, раз ему ежегодно, аж до краха СССР, чекисты-курьеры из Москвы чехомданчик доставляли, где 300 тысяч долларов лежали, значит, не так плохи были его дела.

...Много еще можно было написать. Часть третью: «Их люди в Москве», например, — про состоявших на поденном жалованье КГБ итальянских журналистов. Но в другой раз. А вот про то, что до сих пор данные о сотрудничестве лидеров перекрасившейся ИКП с ЦК КПСС, с КГБ тщательно скрываются, стоит сказать. И какая выгода утаивать эти документы работникам архива бывшего ЦК, российской прокуратуре и российскому МИДу (а там эти материалы есть)? Зачем им брать на себя грехи уже не существующего СССР? Чем им так милы итальянские коммунисты?

КТО НЕ ЛЮБИТ КОММУНИСТОВ

За три месяца до своего очередного 28-го съезда Французская компартия решила поинтересоваться, как она выглядит в зеркале общественного мнения. Руководство ФКП обратилось с просьбой во Французский институт общественного мнения, который провел опрос около тысячи представителей самых различных слоев населения страны. Результаты этого опроса были опубликованы в одном из номеров воскресного приложения к коммунистической газете «Юманите».

Главный итог — французское общество явно не питает теплых чувств к компартии. Как стыдливо признала в своем комментарии редакция газеты, «усилия ФКП, направленные на собственное обновление, пока еще плохо поняты». 65 процентов респондентов прямо заявили, что имеют о компартии «плохое мнение».

Естественно и понятно, что наибольшая доля «плохих мнений» об ФКП приходится на правое крыло французского политического спектра (80 процентов). Однако эта доля велика также среди экологистов (63 процента) и социалистов (59 процентов). Более того, поражает, что она оказалась довольно значительной и среди самих коммунистов. 29 процентов из них тоже высказали «плохое мнение» о собственной партии.

80 процентов опрошенных считают необходимым «изменить французское общество». Но если 42 процента респондентов возлагают свои надежды на левые силы, то мало кто рассчитывает, что ФКП может внести сколько-нибудь существенный вклад в этот процесс преобразования и обновления. 76 процентов убеждены, что компартия должна измениться, 51 — что она обречена на исчезновение, 49 — что она обязана изменить и обновить свое руководство, 38 — изменить методы своей работы. 66 процентов респондентов считают, что ФКП «не предлагает своих собственных, оригинальных решений» для проблем, стоящих перед страной.

С МИРУ ПО НИТКЕ

МЯСО ОТ КИМ ИР СЕНА

Расположенная на восточном побережье КНДР Кванхосская птицефабрика, которая специализируется на производстве утиного мяса, отметила знаменательную дату — 40-летие руководства «великого вождя» Ким Ир Сена ее работой. «В этом году, — сообщает агентство ЦТАК, не называя, однако, конкретных цифр, — фабрика снабжала трудящихся утиятиной больше, чем в прошлом».

Как выяснилось, товарищ Ким Ир Сен еще в годы же-

сточайшей войны против американского империализма выработывал план строительства крупной птицефабрики. После войны он осудил пути ее построения, решил вопрос кормов и неоднократно осуществлял руководство на месте. Благодаря участию «великого вождя» количество уток на фабрике сильно увеличилось, и теперь она служит надежной базой снабжения утиным мясом рабочего класса Северной Кореи.

Рис. А.Зайца

ОХ УЖ ЭТИ ПАРЛАМЕНТАРИИ...

В Бразилии разразился очередной скандал, который, по мнению аналитиков, может привести к шумным судебным процессам и сенсационным разоблачениям в высших эшелонах бразильской власти, а, возможно, и к досрочным выборам в стране. Начало ему положили, по сообщению бразильской печати, признания бывшего директора департамента Национального конгресса по вопросам федерального бюджета Жозе Карлуса Алвиса, который подозревается в убийстве своей жены, контрабанде наркотиков и изготовлении фальшивых денег. Сейчас Карлус Алвис находится под следствием и по ходу дела «сдает» своих

бывших коллег.

Он заявил, что на протяжении нескольких лет в парламенте Бразилии действует разветвленная сеть коррумпированных чиновников, которые использовали государственные средства для личного обогащения. В их числе 20 конгрессменов, два министра, три губернатора штатов... Все они, естественно, поспешили категорически опровергнуть утверждения Алвиса. Однако, как считают многие политические деятели, необходимо срочно провести всестороннюю проверку заявления бывшего директора департамента. В этих целях в Национальном конгрессе создана специальная комиссия.

ШПИОНЫ НА СЛУЖБЕ БИЗНЕСА

«Если вашей компании нужны сотрудники, которые умеют по-настоящему хранить коммерческие секреты, многое повидали в жизни, проверены, благонадежны и свободно говорят по-русски, по-китайски или на любом другом языке, прекратите бессмысленные поиски и обратитесь в «банк талантов» увольняющихся сотрудников ЦРУ. Такой совет дает предпринимателям газета «Ю-Эс-Эй тудей».

После окончания «холодной войны» конгресс США приступил к уменьшению бюджета ЦРУ, которое, в свою очередь, начало сокращать свои штаты. К 1997 году они должны быть урезаны почти на 18 процентов. Чтобы облегчить дальнейшую жизнь своим уволенным или ушедшим в отставку сотрудникам, ЦРУ выплачивает им «пособия» в размере 25 тысяч долларов.

Еще в августе руководство ЦРУ обратилось к американским бизнесменам и предложило им принять на работу в их компании бывших разведчиков. Идея оказалась заманчивой, и сейчас в ЦРУ лежит более полутора тысяч предложений занять солидные места в компаниях США.

«Искусными и квалифицированными личностями с разнообразными талантами и опытом» назвал своих уходящих в отставку сослуживцев директор ЦРУ Джеймс Вулси в послании руководителям американских компаний. И действительно, у разведчиков есть «набор навыков», которые ценятся в бизнесе. Кроме того, бывшие шпионы, особенно если у них есть навыки работы за рубежом, способны быстро адаптироваться к новым условиям и гибко приспособиться к деятельности коммерческих фирм.

Как сообщает «Ю-Эс-Эй тудей», помимо «оперативников» в разведывательном ведомстве работает много сотрудников, занятых в аналитических подразделениях, в том числе экспертов в области мировой экономики, международных отношений, военных проблем, а также инженеров, ученых, переводчиков, которые тоже представляют интерес для американского бизнеса.

АКЦИИ ИПОТЕЧНОГО БАНКА МОЖНО ПРИОБРЕСТИ И БЕЗ ОЧЕРЕДЕЙ. НАДО ЛИШЬ ЗНАТЬ — ГДЕ

В нашу повседневную жизнь входят новые слова, термины, определения — как из области политики, так и экономики. Конечно, можно пропускать их мимо ушей или намеренно игнорировать, а потом жаловаться на то, что вас ограбил «рынок». А можно попробовать проникнуть в их смысл и значение и постараться выплыть в неспокойном море рыночной стихии.

Рынок бывает не только колхозным, а магазины — не только продовольственными или промтоварными. В рыночной экономике товаром смогут являться ценные бумаги, которыми торгуют специальные «фондовые» магазины. Один из них не так давно открыт на Лубянке в помещении республиканской лесной биржи.

Что же можно приобрести в этом «Фондовом магазине»? Во-первых, акции предприятий, прежде всего лесной промышленности. Во-вторых, акции таких чековых фондов, как «Возрождение», «Партнерство», «Профинвест» и «Первый чековый». Из ценных бумаг, выпущенных банками, в продаже мож-

но найти акции Нефтехимбанка, векселя «Ялосбанка» и очень популярные сегодня в народе акции «Ипотечного банка». Причем если в самом «Ипотечном банке» за акциями надо выстаивать немалые очереди, то в «Фондовом магазине» их нет, и только потому, что не все знают, что эти акции можно приобрести не только в банке.

Чем так привлекательны банковские акции вообще и акции «Ипотечного банка» в частности? Прежде всего, видимо, ликвидностью, то есть возможностью быстро продать акции, если вдруг срочно понадобились деньги. А на сегодняшний день быстро продать можно лишь банковские акции. Ну а пока акции находятся у вас, они приносят определенный доход, тем больший, чем успешнее работа банка. Размером годового дивиденда, а также быстротой ликвидности и определяется привлекательность «ипотечных» акций. Ведь «ипотека» — кредитование под залог недвижимости — одна из самых рентабельных банковских операций. Сегодня акцию номиналом в 10 000 рублей можно обменять на один ваучер.

Какие дополнительные преимущества дает обладание акциями «ипотеки»? Акционер может на льготных основаниях получить под залог недвижимости кредит на срок от трех до десяти лет — с процентом на уровне межбанковского кредита. Четыре раза в год эти акции участвуют в квартирной лотерее, в каждом тираже которой разыгрывается одна 3-комнатная квартира в Москве и некоторое количество автомобилей. Кроме того, акционеров могут совершенно бесплатно проконсультировать по проблемам операций, связанных с недвижимостью.

«Фондовый магазин» может действовать и как обычная комиссия: если у вас есть какие-либо акции, вы можете сдать их на реализацию, поручив магазину продать их наиболее выгодно. Работают в магазине не просто продавцы, а специалисты, аттестованные министерством финансов. Магазин имеет лицензию инвестиционного консультанта, и если у вас появились вдруг свободные средства, а сами вы не можете решить, как их наиболее эффективно использовать, то можете смело довериться специалистам: даже с учетом очень недорогой оплаты их услуг вы сможете получить выигрыш в доходе.

«Фондовый магазин»
находится по адресу:
Б.Лубянка, д.15
Тел.: 921-99-89

**Владельцам
элитных квартир
и офисных
помещений
в центре Москвы:**

«Катрин Мамэ» поможет Вам выгодно и надежно распорядиться Вашей недвижимостью, сделает ее источником стабильного и высокого дохода.

- Агентство недвижимости «КАТРИН МАМЭ» предлагает:
Одно-, двух-, трехкомнатные квартиры улучшенной планировки в городе Зеленограде, 1 кв.м стоит 450 ам. долларов.
Одно-, двух-, четырехкомнатные квартиры в новом 22-этажном доме на Юго-Западе Москвы. Стоимость 1 кв.м — от 1000 до 1100 ам. долларов.
Виллы в Подмосковье «под ключ» в новом поселке западного типа (40 км от Москвы по Минскому шоссе) по цене 160 000 ам. долларов.
- Располагая обширным банком данных, «Катрин Мамэ» сможет подобрать для Вас первоклассную недвижимость в России и во Франции.
- Мы предложим Вам новые квартиры в элитных домах Москвы, коттеджи в ближнем Подмосковье или апартаменты пятизвездочного уровня на Лазурном берегу Франции.

**103104, Москва, Тверской бульвар, 25.
Тел. 291-19-41/61. Факс 202-04-49**

**АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ
«КАТРИН МАМЭ»**

**Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.**

**Редакция выдает
разрешение на распространение.
Редакции еженедельника «Столица»
требуется оператор фотонабора.
Тел. 921-02-57**

**Во Францию
для горнолыжного
и обычного отдыха
Место: Пасси-Шамони
Время: круглый год
Стоимость: 390\$ (7 дней)
плюс проезд до Женевы
и дополнительные услуги
Российская горнолыжная школа
Тел.: (095) 160-22-46,
Факс: (095) 372-05-25**

«Если министерству экономики поручат заниматься вопросами проституции, то оно согласится», — сказал Марко Каданик, пресс-секретарь этого уважаемого ведомства бывшей советской социалистической республики на самом северо-западе шестой части света. Не дергайтесь, мужики: за этим делом вовсе не обязательно ехать в Эстонию. И, тем не менее, «Постфактум» откопал факт, достойный внимания делового мира. По сведениям из официальных источников, правительство Эстонии отвлеклось от проблем вывода российских войск и приняло протокольное решение, согласно которому проблема первой древнейшей профессии действительно отнесена теперь к компетенции упомянутого министерства.

Пожелаем министерству экономики, столь оригинальным способом определившему ночных бабочек по своему ведомству, успехов в организации борделей и взиманию акциза на специфические услуги. Тем более, что неординарных проблем, связанных с экономикой, похоже, хватает не только в Прибалтике. В Казахстане, к примеру, управы не могут найти на грызунов, которым приглянулись теплицы и складские помещения. Сметнув, что урожаю грозит полное истребление, штат охранников АО «Лэу» в Алма-тинской области пополнили полусотней котов. Четвероногие леопольды, в отличие от экранного прототипа, начали успешно истреблять мышей, позволив хозяевам сэкономить на «Вискас».

Сложнее вышло с двуногими блюстителем интересов частных фирм. Телохранители и охранники новой генерации российского бизнеса впервые соревновались в Екатеринбурге на предмет кто кого. Наблюдатели отмечали, что зрелище было не для слабонервных и выбивать зубы правилами не возбранялось. Шестерых рембо пришлось снять с дистанции как не прошедших в сознание. Зато сотрудники «Интербосса-Е» и «Кондора», сохранившие восприимчивость внешнего мира, получили в качестве приза микроволновые печи, деньги и рекламу своих услуг в при-дачу.

Агентство «Постфактум»,

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ, НО КАК ИХ НЕ ХВАТАЕТ!

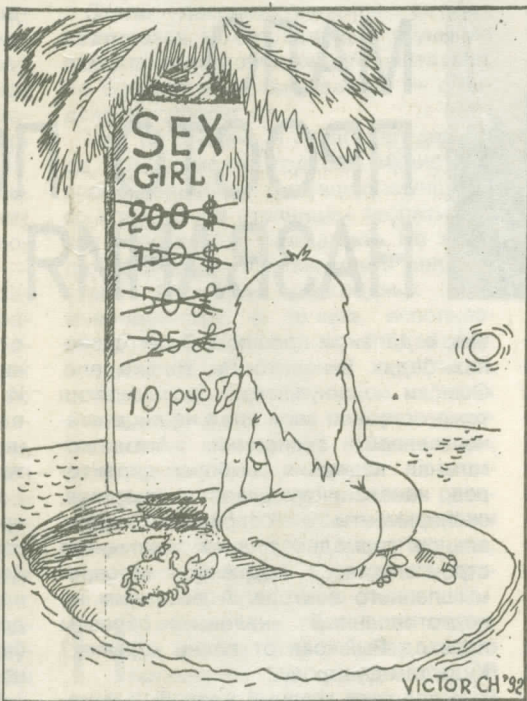

Рис. В. Чумачева

сообщившее о защитниках тела и дела, преуспело в сборе информации об экономических заботах и способах выхода из сложных ситуаций. Скажем, решили вы создать собственное швейное дело, а то, с помощью чего можно строчить, либо дорого, либо отсутствует. В результате ростовские пинкертонеры поначалу не могли понять причин эпидемии краж с предприятий швейных машин и оверлоков. Потом их осенило, что делается это по заказу предпринимателей, занимающихся надомным производством.

Копилку специфических проблем пополняют «Интерфакс» и ЕАН. В Армении опасаются, что с наступлением холодов опять пойдут на дрова сады и парки. Прошлой зимой республика лишилась около полутора миллионов единиц зеленого друга. Решив не повторять печальный опыт и понимая, что коты и супермены положения не спасут, правительство решило прибегнуть к санитар-

ным рубкам, истребить на корню большие деревья, сухостой и заготовить 300 тысяч кубометров дров. Население купит их по цене ниже рыночной, и к топору звать будет некому и незачем.

А в Кыштыме 16-летняя мамаша решила свои экономические проблемы, продав трехмесячное чадо чете бездетных педагогов.

Но покончим с экстраординарными способами решения специфических проблем. Позитива, хочу, позитива, обмена опытом, как говорили во времена пленумов ЦК. Нате вам бравурную информацию!

Уфимский филиал Московской академии сферы быта и услуг (во даю!) запатентовал изобретение — шины, которые нельзя проколоть. В Санкт-Петербурге в парке Авиаторов открыли постоянно действующую автомобильно-тренировочную площадку для детей от семи и старше. Теперь наши потомки вместо того, чтобы торжественно пополнять ряды

пионеров, будут, подобно их заокеанским одногодкам, с младых ногтей усваивать навыки управления «Джипом», «Формулой-1» и «Спортом». Детский вариант автомобиля развивает скорость до 30 километров в час. Но когда будущие ротшильды сядут за руль собственных «мерседесов» да покатают по автобанам, которые, надеюсь, у нас построят, тогда держись, птица-тройка!

Благие вести сыпятся из «Постфактума» как из рога изобилия. В Ростове-на-Дону создано объединение предпринимателей-христиан. Верующие бизнесмены возглавляют несколько малых и средних предприятий, производящих оборудование для пищевой промышленности, ширпотреб и поставляющих пищу. Персонал компаний, заметьте, тоже люди верующие. А вы говорите, дикий капитализм!

На Сахалине возродили ностальгическое понятие — «народная стройка». Будут тянуть железную дорогу от Солнцевского угольного разреза до основной островной магистрали. Но не погонят, к счастью, педагогов и студентов забивать костыли в шпалы. Образовано АО открытого типа, дабы привлечь народные деньги. Ведь километр пути кусается — вынь да положь миллиард.

Тем, кого интересуют цифры со многими нулями, рекомендуем посетить золотую биржу, которая, видимо, откроется в Москве. Тогда, сообщает ИТАР—ТАСС, цены на золото добытчикам будет диктовать не правительство, а коммерческие банки. В Беларуси же на одном из заводов Минска ведутся работы по созданию автомата типа «узи». «Постфактум» утверждает, что по техническим параметрам белорусское малогабаритное чудо не уступает израильскому, а стоит будет намного дешевле. Так что держись, банки!

А вот американцы к деньгам относятся с пониманием. Служба Гэллала опубликовала данные опроса общественного мнения, целью которого было выяснить именно отношение американцев к деньгам. Большинство опрошенных считают, что деньги не могут быть заменой счастью. Вот так-то.

Александр АГОПОВ

Александр ТИТКИН,

президент финансово-инвестиционной компании «ТИРОСС»

В ЭКОНОМИКЕ МАЛО ПРОСТО ПОМЕНЯТЬ НАЗВАНИЯ

К педагогике и медицине, в которых «понимают все», в последнее время добавилась экономика. Вряд ли найдется среди политизированных слоев населения смельчак, публично признающийся в экономической некомпетентности. И уж тем более не найдется в верхних эшелонах власти, кто бы сказал: «Я в экономике, что в макро-, что в микро-, плохо разбираюсь...»

И вот мы сидим перед окнами, в которых — зимний пейзаж образца 1993 года, и многие из нас с тоской вспоминают примерно такой же пейзаж 1982 года, когда «страна понесла невосполнимую утрату» в связи с уходом из жизни Леонида Ильича Брежнева, пламенного борца, выдающегося деятеля и прочая, прочая, прочая...

Вспоминаем смешные для сегодняшних подростков цены, заводские гудки, звавшие на распродажу по талончикам профкома, вспоминаем собственную уверенность в завтрашнем дне...

Забываем только о несущественной для желудка мелочи — о поездках, мчавших изголодавшихся провинциалов в Москву за отдельной от остальной части России колбасой, о говядине, которую немосквич и мог только купить на рынке. И нечасто, поскольку цены в сравнении с зарплатой кусались, и еще как кусались. И уж тем более не вспоминаем о постоянном дефиците всего-всего-всего, включая какое-нибудь подобие экономической свободы.

Наконец, забываем о самом главном — дороге, которой мы шли семьдесят три года, вела нас в исторический тупик. Туда, где у края горизонта маячила разруха, а вслед за ней, как акт отчаянья, мировая бойня.

И хватит о прошлом. Во всяком слу-

чае, о далеком прошлом. В сегодняшних бедах виновато не только оно. Ошибки минувшего восьмилетия тоже оставили свой след на лице отечественной экономики. Антиалкогольная кампания, выборы директоров, начальников цехов и участков, эксперименты с госприемкой, ирреальное громадьё планов жилищного строительства, подъема агропромышленного сектора. А вспомним не подготовленный никоим образом переход Рыжкова от плана к рынку? Куда там Суворову...

И все-таки главный удар был нанесен дезинтеграцией, разрывом исторически сложившихся хозяйственных связей. Особенно это стало ясно после распада СССР. Суверенизация (о, не можем мы обойтись без этих «...ций») помимо иллюзии политической свободы принесла с собой абсолютно неиллюзорный промышленный кризис. В прошлом году только из-за распада хозяйственных связей Россия потеряла не менее 20 процентов промышленных мощностей. Добавим к этому финансовые неурядицы, лихорадящие нашу экономику, гореконверсию — и эта цифра возрастает более чем вдвое.

За два года суверенитета Россия практически потеряла текстильную промышленность, кожевенную промышленность вообще, легкую промышленность. За эти два года темпы падения в строительстве достигли таких масштабов, что наше бедственное жилищное положение восьмидесятих покажется цветочками в двухтысячном году. Ниже прожиточного минимума опустилось более двух третей населения страны.

Заложником дезинтеграции экономической стала дезинтеграция политическая. «Президентация» СССР

с эпидемической быстротой перекинулась на республики России. И заявленный суверенитет автономий в свою очередь откликнулся разрушением хозяйственных связей на территории самой России.

Попробуйте удержать рыночные преобразования на плаву, если Татарстан жестко дотирует розничные цены на хлеб, эти дотации, естественно, оборачиваются налоговыми недоимками центрального, российского бюджета, бьют по карманам, скажем, норильчан и дальше по цепочке...

Попробуйте-ка обеспечить теплоснабжение в Чите при условии, что читинские котельные могут работать только на якутском угле (так устроены их печи), а суверенная Якутия-Саха решила экспортировать львиную долю угля в Японию, оставляя Читу без топлива...

Попробуйте сохранить научные кадры в сфере высоких технологий, если вы не поддержали их в критические периоды безденежья...

Таких «попробуйте» более чем достаточно накопилось за минувшие два года. И одно из них относится к скоропалительной приватизации, к ваучеризации всей страны.

Англичане, когда их спрашивают, почему почти два десятилетия шел процесс разгосударствления малой толики британской промышленности, отвечают: «У казны не было такого количества денег, чтобы провести эту операцию быстрее». И дальше идут перечисления — на что именно были нужны деньги. На льготное кредитование переоснащения частными владельцами недавно еще государственных предприятий, на социальные компенсации, связанные с переквалификацией высвобождающихся работников, на

увеличение фонда пособий по безработице...

Немцы, когда с ними заводишь разговор об идущей сейчас приватизации на восточных землях, называют цифру — около 80 миллиардов марок, ушедших из бюджета на это самое разгосударствление за один только год! На что? Да все на то же — кредиты, социальная защита, диверсификация...

В России же приватизация объявляется... источником доходов бюджета! И ведь на полном серьезе Анатолий Борисович Чубайс называет миллиарды рублей, поступивших в государственную казну за счет аукционов, торгов... А дальше-то как быть этим предприятиям?

Ответ, в общем-то, простой. Дальше большинство из них в условиях кредитного и инвестиционного голода ждет санация. Банкротство.

Постойте, скажете вы, приватизация — это прежде всего большая работа с ваучерами, и цель этой работы сделать собственниками всех граждан России. Вроде бы верно, но есть нюансы. Количество предприятий, выкупающих себя за ваучеры, смехотворно мало в сравнении с теми суммами и объемами, которые в процессе приватизации осваиваются чековыми фондами. Не секрет, что подавляющее большинство чековых фондов главным учредителем имеют государство в лице Госкомимущества. Аккумулируя в своих руках ваучеры, играя с ними на рынке вроде бы ценных бумаг, фонды получают солидные доходы, выплачивая при этом сверхсолидные налоги опять-таки в бюджет. Вроде бы хорошо — проводится поголовная «собственнизация» России, а вдобавок латаются дырки бюджета. Но выгода эта весьма призрачная. Потому как на самом деле все обстоит несколько иначе.

Фактически происходит замена названий без изменения содержания. Раньше предприятием командовало государство в лице министерства, главка, треста. После приватизации основной владелец акций — чековый фонд, в котором уши государства не просто торчат, а выпирают наружу. Деньги поступили в бюджет, а из бюджета на экстренные даже нужды предприятия ничего не поступает. Оно лишается государственного статуса и протекции, получив взамен долговые обязательства и не получив главного — средств на перевооружение, переоснащение, переосмысление...

Если вы полагаете, что бюджетных средств, вырученных в ходе приватизации, хватит на социальные гарантии, то снова ошибаетесь. Не хватит. И вместо того чтобы стать орудием

структурной перестройки хозяйственного механизма, в нынешнем виде приватизация превратилась в инструмент его деструктуризации. В скалку, раскатывающую российскую промышленность на мелкие кусочки пельменного теста. Попробуйте теперь выжить на российском рынке, и тем более на мировом. Там, где вас окружают финансово-промышленные гиганты типа «Фуджи», «ИГ Фарбениндустри», «Боинг», «Самсунг»...

Столь пессимистический анализ, разумеется, может привести в уныние любого неподготовленного читателя. Не сгущает ли краски автор? — с надеждой спросит он.

Нет, не сгущаю. Я отработал два года в парламенте, год был министром промышленности. Ситуацию изучал не со слов, не по страницам теоретических монографий, а на земле. На заводах, фабриках. Итогом моего анализа стало несколько докладных премьер-министру, а точнее, исполнявшему его обязанности Е.Т.Гайдару, наконец, Б.Н.Ельцину. Я предлагал, просил, требовал. На одной из моих докладных, в которой я выражал несогласие с концепцией приватизации, разработанной в недрах Госкомимущества, президент наложил резолюцию: поставить вопрос на заседании правительства до приватизации... Увы, распоряжение президента правительство выполнять не стало.

Но вернемся к теме пессимизма. Да, анализ тяжелый, как и само положение. Но выходы есть. И вполне реально даже в этой сложной ситуации попытаться выбраться из экономической западни. Нашелся же выход из кризиса неплатежей. Ясно, что технические векселя не сразу заработают, но в том, что они заработают, у меня сомнений нет. Обидно, правда, что упущено время: вопрос о техническом векселировании ставился не раз и не два — в частности, еще в феврале прошлого года экономистом Е.Ф.Сабуровым. Увы...

Предложения о налоговых кредитах инвестиций в промышленность и в развитие сельского хозяйства поднимались едва ли не на каждом заседании Совмина. И опять остались без внимания.

Правда, когда я работал министром, мне удалось убедить президента подписать такие льготы для Российского промышленно-инвестиционного фонда, и опыт работы Фонда показывает — это способ оживить промышленность, дать инвестиционную подпитку перспективным проектам. И если «опрокинуть» такие меры на всю промышленную сферу, тогда можно плавно затормозить спад, подготовить почву для развития.

Неоднократно, еще будучи народным депутатом, я, как и многие мои коллеги, настаивал на том, что значительная, большая часть налогов оставалась бы в распоряжении органов местного самоуправления. Сюда, в райцентр, придет старушка за пенсией, своего главу администрации она будет трясти за грудки, требуя обеспечить то, что написано в указе, — повисить пенсию... Значит, здесь и должны быть средства, позволяющие этот указ выполнить. Не произошло. Снова Москва издает постановления, не обеспеченные деньгами, а в районной кассе пусто...

Можно это сделать? Можно. А можно пойти и другим, например, американским, путем, когда федеральные субсидии распределяются представителями федеральной же службы социальной защиты населения. И тогда: сами объявили — сами и исполняйте исполнять.

Можно выделить пятьдесят, сто наиболее важных предприятий оборонки из числа тех, что напичканы современным оборудованием, а главное, технологиями, инновациями? Выделить с тем, чтобы Центр взял на себя бюджетную заботу о конверсии этой сотни? Можно. Американцы, к слову, именно так и поступили, назвав это методом точечной конверсии. И смогли диверсифицировать сотни заводов и производств. А мы? Экономист Волконский все это предлагал сотни раз. Отмахнулись. А не отмахнулись бы, сейчас уже несколько десятков заводов из пресловутой оборонки набрали бы вполне «гражданские» обороты. Но и сейчас не поздно вернуться к этой модели, посмотреть на нее повнимательнее, внедрить ее...

И так — шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Без надрыва и популизма.

Я снова иду на выборы. Кандидатом в депутаты Совета Федерации.

— Зачем мне все это нужно? — спрашиваю сам себя. — Неужели же не научила меня жизнь в политике, что лучше бы от этой политики быть подальше? Оттого и иду, что научила: не получилось с первой попытки, впредь — следующие.

У прыгунов в высоту и то их три на каждой высоте.

Я пока использовал только одну. А траектория следующей изложена в этих заметках.

БЕРИТЕ ПРИМЕР С КОРОЛЕВСКОГО КРАБА!

О некоторых
уроках
самосовершенствования
японских
менеджеров

Нет, все же технические революции не обходятся без божественного промысла. Эта мысль возникает всякий раз, когда речь заходит о Японии — стране сколь традиционной, столь и не поддающейся никакому социальному или психологическому прогнозу. Страна восходящего солнца за короткий срок после второй мировой оставила позади колоссы, которые, как казалось раньше, определили темпы человеческого прогресса.

По какой-то причине интеллектуальная плотность на ее территории оказалась настолько высокой, что благодаря этому или вопреки произошло нечто похожее на извержение научно-технических чудес, поставившее эту на редкость однородную, сплоченную нацию вне конкуренции на мировом рынке. Может быть, эта однородность и позволила японцам в своем поиске революционных решений выбирать такие пути и методы, которые всему остальному миру казались и кажутся до некоторой степени ирреальными, фантастическими и даже... смешными. Но, как говорится, смеется тот...

Представьте: двадцать здоровенных мужиков под звуки томно пульсирующего танго вливаются в полутемный зал. Аргентинское танго! А на столах с подсветкой не что-нибудь, а золотые рыбки, плавающие в склянках. В руках у вышеназванных джентльменов по команде «дирижера» в черном появляются увеличительные стекла. Участники мистической сцены с изумлением, будто в первый раз, разглядывают сквозь эти стекла рыбок и быстро-быстро записывают что-то в блокнот.

Что за чертовщина? Не сцена ли это из театрального представления?

Отнюдь. «Мужики» — не актеры, а начальники крупнейшей в Японии компании «Шизейдо» по производству косметики. «Дирижер» — руководитель практического семинара, регулярно проводимого компанией для управляющих всех звеньев. А рыбки... Кто бы мог подумать, что именно эти золотые рыбки в банках призваны разрушать жесткую иерархическую структуру, традиционно довлеющую над японскими компаниями, и систе-

му управления, хорошо послужившую становлению японского чуда в незапамятные времена, но способную сейчас, на пороге нового века, погубить его.

Рост и еще раз рост! Таков лозунг нынешней философии менеджмента в Японии. Эта страна задумывает новый, грандиозный эксперимент по производству невиданной еще в мире продукции, поиску новых рынков сбыта, заполнению ниш в мировой промышленной структуре.

Что для этого нужно? Новый человек, работник с независимым мышлением и способностью импровизировать в деле организации бизнеса.

Компания «Шизейдо» конструирует новую человеческую душу. И это отнюдь не уникальный опыт в Стране восходящего солнца. Компания «Омрон корпорейтед», изготовитель средств электронного контроля, имеет солидный опыт по организации ежемесячной «дзуки» — «школы натаскивания» для своих служащих. На занятиях «дзуки» учащиеся перевоплощаются в средневековых рыцарей, част-

ных детективов и даже участников авторалли «Формула один». Цель одна: обнаружить в глубинах человеческого сознания новые творческие возможности. Пути к этой цели каждый выбирает разные. На занятиях в компании «Фуджи фильм», к примеру, изучают такие далекие от основного бизнеса предметы, как история Венеции или социальная психология в стае обезьян.

Служащие «Шимидзе корпорейтед», крупнейшей строительной компании, проводят несколько дней в году в санаториях, чтобы помимо изучения серьезных дисциплин поиграть в такие игры для взрослых, как «Возвращение с Луны на поврежденном космическом корабле». Оказывается, когда перед человеком ставятся неразрешимые проблемы, интеллект включает творческий потенциал на полную мощность.

Семинары компании «Шизейдо» проводятся в шикарных отелях на снежных склонах Фудзиямы. Авторы метода «философской интроспекции» помогают служащим компании осоз-

нать принципы корпоративной культуры. На предыдущих семинарах руководители подразделений компании «вживались» в такие, казалось бы, далекие друг от друга темы, как «Время и пространство», «Экспрессия и язык». Программа обучения менеджеров предусматривает и другие «сюжеты»: «Красота и правда», «Тело и душа». Все в рамках этих программ предусмотрено до мелочей, начиная с того, что менеджеры прибывают на сборы не по принуждению, а добровольно. А пиком учебы является совместная медитация с одним из самых почтенных в Японии буддийских монахов.

Семинары на склонах Фудзи — плод интеллектуальных и организационных усилий шестидесятилетнего президента «Шизейдо» Фукухары. Правда, нелегко поначалу понять, почему компания настроена так решительно в своих революционных преобразованиях. Ведь, несмотря на довольно резкое падение уровня производства в целом по стране, «Шизейдо» умудрилась не только сохранить

доходы, но и увеличить объем сбыта своей продукции. В нынешнем финансовом году сумма доходов, которую, как ожидается, огласит «Шизейдо», составит 136 миллионов долларов.

Почему же президенту Фукухаре не спится по ночам? Почему его так сильно беспокоит проблема преодоления традиционного иерархического подхода к бизнесу? «Наша компания, — говорит он, — не должна напоминать воинское подразделение, в котором командир отдает приказ, а все сразу беспрекословно бегут его выполнять. Компании, ориентирующиеся на такую систему ценностей, в будущем не выживут». Идеал Фукухары — такой уровень культуры производства, который позволил бы служащему самому формулировать стоящие лично перед ним цели, а затем без помощи со стороны искать пути их осуществления.

Постороннему очень трудно проникнуть на семинары «Шизейдо». Но те, кому это удалось, увидели следующую картину...

День первый. Хотя для большинства менеджеров компании такие семинары — не впервой, они при знакомстве в конференц-зале чувствуют себя слегка не в своей тарелке. На всех вместо привычных черных костюмов и белых рубашек — красочные свитера, приобретенные за счет компании. Солидные джентльмены напоминают смущенных студентов: сразу спешат занять места на «камчатке». Приглашенный компанией в качестве ведущего независимый консультант Сейго Мацуока начинает «большую игру» довольно прозаическими рассуждениями о множественности смыслов словосочетания «человеческое существо». Писатель, телепродюсер, издатель журнала, покровитель искусств, Мацуока, по его выражению, наводит мосты между отчужденными друг от друга мирами техники, бизнеса и культуры. «Нам надо переосмыслить, — заявляет он, — чем на самом деле является человеческое существо. Отчего в нашем сознании рождаются фантазии? Что такое человек как форма жизни?» Японские менеджеры — тоже люди. И для них подремать на лекциях с отвлеченной тематикой — одно удовольствие. Но здесь, на семинаре, все почему-то слушают лектора с неослабевающим интересом. И даже подробно конспектируют ход мысли Мацуоки. Хотя все же некоторая нервозность чувствуется. Может быть, участников семинара беспокоит объявленная в программе тема вечерней дискуссии: как каждый из них борется с отрицательными качествами характера, мешающими работе? Неприятное, но крайне полезное занятие.

На предыдущих семинарах многие признавались, что их самая большая личная проблема — семейные неурядицы. Сегодня же они смело говорят о некоторых позитивных изменениях в личной жизни. Один из менеджеров рассказывает, что раз в месяц стал готовить ужин для семьи. После того как у его домашних прошел шок от этого «подвига», обстановка в семье значительно улучшилась. «Раньше мой дом был для меня просто спальней, — рассказывает он. — Я практически не общался со своей семьей».

Директор отдела международных связей Ясутака Мори признается, что раньше стеснялся выступать с личными инициативами, хотя именно это и входило в круг его прямых обязанностей. До недавнего времени каждое предложение должно было получить одобрение не только в кругах высшего руководства, но и среди специалистов. Неписанный закон требовал консенсуса: если подавался хоть один голос против, предложение не проходило. Потому все считали, что гораздо безопаснее — вообще не выступать. После нескольких занятий в «школе натаскивания» Ясутака Мори быстро «вылечился». Практический результат — очень дельная идея о создании нового подразделения компании в развивающемся районе Южного Китая. Начальство незамедлительно купило это предложение.

День второй. Что нужно организации, чтобы стать жизнеспособной системой, свободно адаптирующейся к окружающей обстановке? На эти вопросы пытается ответить в своей лекции профессор Токийского университета Хироши Шимидзу. После обеда — практическое занятие: пора сравнить компанию с реальной жизненной системой. С золотой рыбкой, например.

Президент Мацуока просит участников семинара думать только о компании «Шизейдо», пока он задает вопросы. Почему золотая рыбка находится в воде? Почему строение ее тела симметрично относительно центральной оси? Почему у рыбки огромная голова, которая является как бы и телом? Почему ее «одежда» состоит из огромного количества чешуек? Каково вообще предназначение этого, казалось бы, бесполезного существа?

Большинство менеджеров вынуждены сделать скорее эмоциональное, чем логическое умозаключение: золотая рыбка — это работающая компания, способная сохранять жизнедеятельность до тех пор, пока она находится в безопасной для нее водной среде.

На смену рыбке приходит королевский краб. Бездна достоинств? Поле зрения у краба — триста шесть-

десят градусов. Прекрасная, почти бронированная защита панциря. Жизнеспособность даже в случае потери одной из конечностей. Недостатки? Неуклюжему крабу хорошо бы стать поменьше, тогда он был бы гораздо проворнее. Двигается краб крайне медленно и все норовит вбок, а не прямо. У краба есть проблемы с внешностью: никто не хочет быть похожим на него.

Какая из этих двух живых моделей подходит «Шизейдо» больше?

Руководитель одного из отделов Мазами Хамагучи считает, что, если бы компания находилась в стадии наращивания мощностей, ей лучше было бы быть золотой рыбкой. Но именно сейчас, когда происходит скрытая стратегическая перестройка, компании надо уподобиться крабу с сильной коллективной, «панцирной», философией в качестве защиты от не всегда дружелюбной окружающей среды.

День третий. «Семинаристов» посещает Сам — президент компании Фукухара. После демонстрации видеопленки с выступлением своего любимого актера из театра Кабуки (для психологической зарядки) Фукухара заводит разговор о наиболее сложном: о трудностях роста в стране, пересыщенной материальными ценностями. Момент откровения — обоснование Фукухарой собственной философии бизнеса. До сего момента, рассуждает президент, Япония полагалась на успехи технологий и высокое качество продукции, благодаря чему особым проблем со сбытом не было. В недалеком будущем этого будет недостаточно. Компания должна научиться делать вещи, обладающие помимо идеальной оболочки еще душой. Волей-неволей Фукухара вынужден поставить вопрос ребром: много ли еще времени и усилий понадобится каждому из присутствующих, чтобы вырваться, наконец, из кокона старых привычек и представлений и стать настоящим бизнесменом, идущим на оправданный риск. Немногие осмеливаются поднять руки, чтобы ответить на такой прямой вопрос. Но встреча в данном случае очень полезна.

После ленча «раскачка» менеджеров продолжается. Их просят описать внешние особенности и причуды товарищей по семинару, а потом собрать все характеристики у руководителей занятий. Психолог Сейко Ито объясняет, что человек представляет собой совокупность манер и привычек, отраженных в глазах близких людей. Потому он и зачитывает вслух психологические портреты «семинаристов», созданные коллективно. Менеджеры нервно смею-

тся. Затем Ито просит учащихся объяснить свои привычки и особенности поведения. Один из присутствующих признается, что часто водит рукой по волосам потому, что его стрижка очень похожа на прическу отца, которую он всегда презирал. Комплексы! Потом начинаются психологические игры. Нужно сыграть, к примеру, американца. Все будто сходит с ума: энергично ходят по залу, громко разговаривая и утрированно жестикулируя.

Успех руководителя, как известно, во многом зависит от умения управлять своим телом и речевым аппаратом. Потому не случайно выступление перед менеджерами руководителя известной танцевальной группы «Санкайдзуку», демонстрирующего японский авангардный танец «буто». Одетый в одну лишь набедренную повязку, танцор гипнотизирует зрителей, мучительно медленно извиваясь. Его тело принимает немыслимые позы. После выступления он обращается к аудитории с заданием: попытаться установить сваренное вкрутую яйцо на «макушку». Да, каждый теперь может переоценить важность таких категорий в работе, как равновесие и терпение...

Из-за склона Фудзи показывается краешек утреннего солнца, а менеджеры уже предаются медитации. **Четвертый, последний день семинара.** «Спросите себя, — отдает команды духовный наставник, — какое «я» в вас сейчас включено? Прислушайтесь!.. Это не удивленное и не смущенное «я» из вашего недавнего прошлого. Это «я» — разбуженное, полное решимости».

К прощальному ленчу все надевают черные костюмы и галстуки. За ленчем многие признаются: что-то необратимо меняется в душе. Но что именно? Это станет ясно лишь в процессе работы.

Потом, сидя в шикарном токийском офисе, где кроме него прописаны сонный пес и сварливый кот, ведущий семинара Мацуока признается: «Кто знает, много ли из того, что мы пытались дать своим подопечным, будет использовано в повседневной работе. Но успех уже в том, что каждый сумел почувствовать, как важно вырваться из плена корпоративной психологии». В Японии, изнывающей в тисках традиций и социальных табу, поощряются даже такие маленькие победы.

По этому поводу хорошо было сказано в одной из японских газет: «Невозможно приказывать подчиненным: творите! Нужно так вести работу, чтобы каждый с удовольствием выкладывал на стол личные козыри...»

Подготовил С.ТОЛКАЧЕВ

Фото из журнала «Newsweek»

ПРЕДЛАГАЮ:

Эмиграция в Аргентину. Документы на выезд.
Тел./факс (095) 955-34-09.

Курс английского языка. Занятия в Центре.
Тел. 208-15-54, звонить с 9.00 до 14.00.

Перетяжка мягкой мебели.
Тел. 235-56-75.

Патентные услуги для состоятельных лиц. Вера.
Тел. 202-82-63.

Внештатную работу по составлению указателя по ключевым словам, необходимо образование по органической химии.
Тел. 155-43-36, Ильина.

Специалист по public relations предлагает свои услуги.
Тел. 246-98-14, вечером, Татьяна.

Народный целитель международного класса Т.В.Чистякова проводит индивидуальный курс лечения заболеваний: желудочно-кишечный тракт, урология, гинекология, бронхиальная астма, кожные заболевания, снимает порчу, сглаз.
Тел. 476-90-69, с 16.00 до 22.00.

Индивидуальные занятия по русскому языку и литературе. В Люберцах. Недорого.
Тел. 284-01-27, Сергей Павлович. Звонить до 17.00, кроме субб., воскресенья.

Автомобильные аксессуары.
Тел.: 162-25-69, 168-78-47.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений — прыжки с парашютом.
Тел.: 272-20-38, 490-60-10.

Психотерапевт, кандидат психологических наук. Консультации по проблемам личной жизни, снятие эмоциональных стрессов.
Тел. 427-32-48.

ПРОДАЮ

Herbalife.
Тел. 187-13-47.

Зимнюю дачу в Переделкине. 30 соток.
Тел. 249-31-45.

Очаровательных высокопородных щенков афганской борзой.
Тел. 426-51-67.

Механическую пишущую машинку «Эрика» в отличном состоянии.
Тел. 492-12-57.

Детскую шубку из цигейки, размер 30, шапочку.
Тел. 119-09-16.

Продаем кожу КРС, Уругвай. Саша.
Тел. 203-41-12 с 11.00 до 16.00.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

3-комнатную квартиру общей площадью 65 кв. м, полезной — 46 кв. м, кухня 8 кв.м, на 4-м этаже пятиэтажного дома у метро «Октябрьская».
Тел.: 932-38-04, 474-66-01.

КУПЛЮ

Профессиональную кинокамеру «Эрифлекс». Модель 3-35; 1-BL; 2-BL; 3-BL. Другие не предлагать.
Тел. 134-48-05.

Довоенные книги.
Тел. 306-40-19.

Книги Я.Чернихова, А.Крученых.
Тел. 337-72-21.

Довоенные журналы, плакаты.
Тел. 256-34-65.

Картины XIX века, 1900—1930-х гг., 1960—1970-х гг., Зверева, Штейнберга, Немухина, других.
Тел. 151-82-17.

МЕНЯЮ

2-комнатную квартиру, 30 кв. м, с изолированными комнатами и кухней 10 кв. м, на первом этаже 5-этажного дома у метро «Сокол», и комнату 18 кв. м в 3-комнатной квартире у метро «Октябрьская», на хорошую двухкомнатную квартиру в Центре. Тел. 943-32-20.

2-комнатную квартиру на Олимпийском проспекте на 3-комнатную квартиру в Центре с доплатой.
Тел. 288-31-67.

3-комнатную квартиру, 39 кв. м, комнаты изолированные, кухня 6 кв. м, рядом с метро «Новогиреево», паркет, балкон, с/у раздельный, встроенные шкафы, на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами вблизи метро и комнате.
Тел. 303-67-13.

Комнаты в Центре (м. «Парк культуры») на квартиру вблизи метро.
Тел.: 246-98-14 до 23.00, 147-50-04 с 10.00 до 18.00, Татьяна.

Участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102», возможен вариант с продажей.
Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

2-комнатную квартиру 37,7/61,7 кв. м в кирпичном доме рядом с м. «Текстильщики» в отличном состоянии на две однокомнатные квартиры рядом с метро, кр. 1-го этажа.
Тел. 173-50-42.

ВНИМАНИЕ

Требуются квалифицированные рабочие строительных специальностей и проектировщики-конструкторы жилищного строительства на высокооплачиваемую работу.
Тел. 180-40-31.

Редакция журнала «Столица» разыскивает Антонину Старостину, хозяйку брачного агентства «Антонина». Вам очень много писем.
Тел. 928-22-74.

Создаю службу знакомств для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмоскowie, в Дмитрове.
Тел. (222) 312-05. Ольга.

ВОСХОД «ГАВАЙСКОГО ЗАКАТА»

Москвичи любят «Фрукт страсти». На «Фрукт страсти» они денег не жалеют. Конкуренцию ему могут составить только «Гавайский закат», «Тысяча и одна ночь», «Карибский» да еще «Сливки».

«Скажите, — спросила я у продавщицы, — а как все эти сорта делаются?» «Не знаю, — честно ответила она, — чай собирают в Китае, в Индии, на Цейлоне. Ароматизируют в Германии. Но каким образом — наверно, секрет фирмы».

Чай из жестяной коробки был нормального черного цвета. Но при этом от него исходил тонкий сложный аромат взбитых в пенку сливок. В «Карибском» же угадывались, как говорят парфюмеры, «тона» неведомых тропических фруктов.

Приведу некоторые другие названия просто ради удовольствия еще раз их написать. «Ревень со сливками». «Экзотик». «Манго». «Капакабана». «Эрл Грэй Блю». Цены — от двадцати тысяч рублей за килограмм.

Магазин, где продаются эти сокровища, открылся в начале октября в здании МХАТа. К тому, что разного рода культурные учреждения ради заработка пускают к себе коммерсантов, мы уже привыкли. Но Олег Ефремов отнесся к этой задаче творчески — и вместо очередного «комка» в проезде Художественного театра, (теперь Камергерский переулок) появился магазин «Чай, кофе и другие колониальные товары». Длинное название «под ста-

рину» не случайно — именно такой лавкой владел в Таганроге отец Антона Павловича Чехова.

Если владельцы магазина ставили своей целью воссоздать ту самую историческую лавку, то затея им решительно не удалась. Реальное заведение Павла Егоровича Чехова имело такое же отношение к красивой бонбоньерке в центре Москвы, как Россия, которую мы имели несчастье потерять, к фильму Говорухина. Таганрогская лавочка была обычным провинциальным заведением, где чай хранился рядом с мылом (тут же можно было купить «банку помады, дрянной перочинный ножик... пряжку для жилетки»). И пахло в лавке не «гавайским закатом», а водкой. Причем каждый желающий мог тут же вместо чая пропустить рюмочку.

Художники, оформлявшие магазин во МХАТе, помнили, что чеховская тема — это бледные краски, нежные тона. Потому на стенах — изображения дам с осинными талиями, лихих приказчиков с усами, которым позавидовал бы сам Руцкой.

Интересно, что европейские ценители чая презирают всяческие ухищрения. Для них идеальный напиток — обычный черный чай. Он, кстати, тоже продается в магазине, но особой популярностью не пользуется. наших людей слишком долго поили обыкновенным черным чаем, да еще грузинского происхождения. Они хотят экзотики. Им нравится «Фрукт страсти».

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

Фото Э.Кудрявицкого

ВСЕ ТАРЕЛКАМИ ПУГАЮТ

А откуда, собственно, берутся летающие тарелки? Почему объявляются именно там, а не здесь, к примеру? Ученые спорят, что-то там исследуют. А лихие газетчики уже все знают наперед...

Корреспондент воронежской молодежной газеты «Утро» Альберт Попов опросил всех местных археологов, хоть раз в жизни имевших «контакт» с НЛО, и пришел к сенсационному выводу: «тарелочки» неизменно появляются над районами могильников в момент раскопок. То ли энергией тысячелетних «покойников» подзаряжаются, то ли сами являются духами этих покойников, то ли просто любопытствуют вместе с археологами: а что, собственно, зарыто?

В том же выпуске газеты «Утро» содержится еще одна сенсация: редакция-де «располагает неопровержимыми данными, свидетельствующими о пребывании снежного человека под Новохоперском». Ни убавить ни прибавить.

В полном разгаре страда подписная...

Леонид ЖУРАВКИН

НИКОГДА ЕЩЕ ШТИРЛИЦ НЕ БЫЛ ТАК БЛИЗОК К ПРОВАЛУ

Ну, бывает, выпьет мужик, покурелсит — с кем не случается. Но чтобы так...

Электромонтер Уральского завода тяжелого машиностроения П. «заправился», что называется, до поросычего визга. «Гулял» всю ночь. А наутро, слегка протрезвев, пролетарий обнаружил себя лежащим... на стене, отгораживающей от внешнего мира следственный изолятор № 1 города Екатеринбурга.

Каким образом, а самое главное, зачем он взобрался на многометровое бетонное препятствие — «скалолаз» не смог объяснить даже чутким слушателям из компетентных органов.

Олег ДУЛЕНИН

А ЕСЛИ ВОДКУ ГНАТЬ НЕ ИЗ ОПИЛОК...

Уникальное открытие, сулящее настоящий переворот в вино-водочной промышленности, сделали сотрудники Кировского НИИ биотехнической индустрии. Исследования пытливых ученых мужей показали, что превосходный питьевой спирт можно запросто получить из самой обыкновенной молочной сыворотки. При этом кировчане готовы поделиться своим передовым опытом с соседями. В частности, они уже предложили омским молокоделам воспользоваться этой уникальной технологией. Омские спецы пока думают.

Но нетрудно догадаться, каких объемов достигнет в случае положительного ответа производство «огненной воды» в области, которая издавна считается «молочной».

Необходимость расширения производства спирта подтверждают и статистические выкладки — с начала текущего года омичи (включая немощных старцев и грудных младенцев) уже «оприходовали» по 2,5 литра условного алкоголя на брата — это один из самых высоких показателей в России.

Игорь БАРИНОВ

С удовлетворением сообщаем, что благотворительная акция журнала «Столица» по спасению кошек из бывшей резиденции Александра Баркашова успешно завершена.

Как известно, 4 октября с.г. помещение Свердловского райсовета г.Москвы было закрыто и опечатано представителями победившей демократии. Во-первых, как рассадник ныне отмененной советской власти, а во-вторых, как гнездо нацистской партии Баркашова.

Но, к несчастью, под охраной автоматчиков вместо баркашовцев оказались две кошки. Большая и маленькая. Кошки постоянно столовались в райсовете, а в момент решающего штурма там же и спрятались.

Подъез все кухонные отходы, кошки начали истошно кричать от голода. И были услышаны сотрудниками «Столицы», отделенной от бывшего райсовета лишь тонкими стенами.

Страшные автоматчики, охраняющие бывший райсовет, на призывы к их совести не реагировали. «Знаем», — отвечали они и захлопывали двери. Звонки в дирекцию территориального управления «Тверское» тоже успеха не имели. «Пусть потерпят, — сказала дирекция, — вот за-

ТЕНЬ БАРКАШОВА МУЧАЕТ КОШЕК

кончим дележку помещения — тогда и откроем».

Но кошки не хотели терпеть даже ради высокой политики. Пятнадцатидневное голодание их так истощило, что пронзительное мяуканье, к ужасу сердобольных журналистов (и особенно корректоров), переросло в заунывный плач.

«Столица» пошла на решительные, но законные меры. В присутствии представителя 17-го отделения милиции был выломан кусок доски, разделяющей сопредельные территории, и через образо-

вавшуюся дыру (впоследствии тщательно заделанную) кошки вышли на свободу.

Слегка подкормившись, кошки в знак благодарности начали облизывать коллектив редакции: в первую очередь бухгалтерию (знает кошка, чье мясо...), затем секретарей и наконец заместителя главного редактора. Потом большая кошка ушла на вольные хлеба, а котенок-подросток остался. Он (вернее, она) был торжественно принят в сыны (дочери) полка и наречен(а) Баркашовкой.

Е.С.

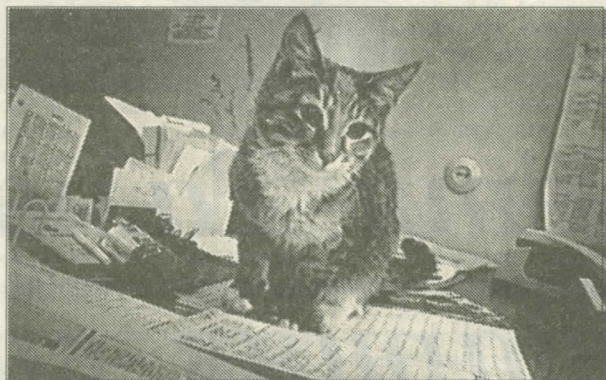

Фото Э.Кудрявицкого

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Уж теперь-то, когда все большие политологи и публицисты высказали свои глубоко прочувствованные мысли по поводу октябрьской свистопляски, можно и мне немножко? Спасибо.

Так вот. Когда я чего-то такое итожу и роюсь в днях и т.д. и т.п., я вспоминаю одно и то же. 4 октября — последний день советской власти. «Белый дом» горит, как свечка, и вовсю плюется свинцом. Солдаты-«дзержинцы», матерясь, оттаскивают в укрытие раненых. Здоровенный спецназовец прикрывает телом бабулю, бегущую к своему подъезду через простреливаемый снайперами двор. В Москве идет война.

И в это самое время, в этот самый момент (14.00, точно помню) многосотенная толпа зевак из «группы скандирования», разбив стекло в дверях

Кирилл РЫБАК

ВЫНЕСЕМ ВСЕ

бюро пропусков, ломится ВНУТРЬ жуткого БД. Навстречу неизвестно чему. Буквально перескакивая через свежие лужи крови. Народ жаждет острых ощущений и сувениров. Народ полочает то и другое. «Эй, братва, — перекивая стрекот «калашей», — там склад шинелей нашли!» — «А-а! О-о!» Какой-то серьезный дядечка отламывает микрофон в зале заседаний. Какой-то молодец кооперативного вида свинчивает смеситель в депутатском сортире. Еще один — ур-

вал каску и омовский щит... Запирайте этажи, отпирайте погреба! Гуляет нынче гольфа.

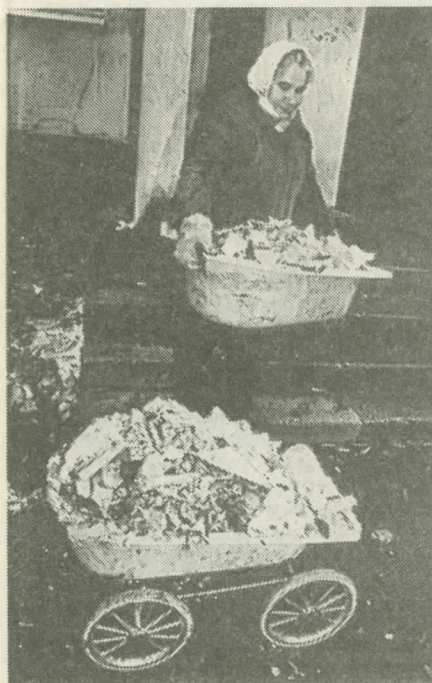
Вот тогда-то (а не предыдущей ночью, когда войска все шли, шли — будто с Чукотки) мне стало страшно. И с тех пор я все думаю. Думаю так: этот (или наш — без разницы) народ не просто заслуживает всех правителей, которые его имели и имеют. Мы вообще заслуживаем любой гадости, которая с нами произойдет — и произойдет непременно.

Еврейские (чеченские, азербайджанские) погромы; «БТР — лучший вид транспорта»; стукачество, возведенное в принцип; отстрел «лишней» части населения как способ преодоления производственного кризиса; Угрюм-Бурчеев в президентском кресле; Держиморда в мэрах; Мишка Япончик в оберпрокурорах — ничему не удивляйтесь. Все — по Сеньке: да, скифы мы, да, азиаты. И снова интеллигенция будет слезливо стонать, что, мол, вынес достаточно русский народ, вынес и то, и другое, и пятое-десятое. И снова светлое будет только будущим. Обидно, но неизбежно.

P.S. Пишу «мы», потому что сам разжился в БД трофеями. Вынес два чистых бланка пропусков в Дом Советов (валялись на полу). Теперь стыжусь.

Тётя Тамара — ударник комтруда

Каждое утро под окнами нашего дома раздаётся один и тот же, ставший уже привычным звук — скрип тележки. Если полюбопытствовать и выглянуть на улицу, можно увидеть довольно странную, на первый взгляд, картину: полная женщина в черном халате тащит за собой установленную на четыре колеса детскую ванночку. Ванна наполнена мусором. Иногда вслед за женщиной идет девочка лет шести. А за девочкой семенит собачка.

Дойдя до помойки и взявшись покрепче за края ванны, женщина поднимает ее с неженской силой и вываливает мусор в переполненный контейнер (непереполненных контейнеров в нашем дворе попросту не бывает). Потом возвращается, дребезжа тележкой, к очередному подъезду и, нагрузив ванну тем же самым, повторяет свое неромантическое путешествие.

Зовут женщину Тамарой Филипповной. Профессия — уборщица мусорокамеры. Девочка, что с ней ходит, — Машенька, внучка, которую не с кем оставить. А собачка — местная, дворовая...

Фраза «все работы хороши» по меньшей мере неправдива. Вероятно, тот, кто ее сочинял, не брал в расчет выше-названную профессию или просто не знал о существовании таковой. Так же, как не знают (или не замечают) граждане, которые ежедневно, ежечасно выбрасывают содержимое своих мусорных ведер в глотки мусоропроводов. Сделав это важное дело, они и не задумываются о дальнейшей судьбе того, что полетело вниз. А ведь без таких работников, как Тамара Филипповна, граждане давно бы уже заросли мусором по уши и задохнулись от продуктов собственной жизнедеятельности.

Естественно предположить, что держать человека на такой отвратительной должности могут только деньги да жилье. Жилье Тамара Филипповна выслужила уже давно — на должности дворника. Что же касается денег, то за свой труд она получает — ни больше ни меньше — ...19 908 рублей в месяц (данные на начало ноября).

«Так что же вас тут держит?» — спра-

шиваю. «Да я, милая, уж привыкла, ничего другого-то и не знаю», — отвечает Тамара Филипповна.

Что такое ее профсоюз, она тоже не знает. А он, оказывается, есть и довольно активно борется за права тружеников жилищно-коммунального хозяйства. Недавно профлидеры добились выделения дополнительных двенадцати миллиардов рублей из городской казны — на повышение зарплаты. И сейчас «среднеотраслевой» месячный заработок составляет около пятидесяти тысяч целковых.

А как же тетя Тамара? Может быть, здесь какое-то недоразумение? Совсем нет. Мэрия дала деньги только муниципальным предприятиям, то есть тем, которые принадлежат городу. Работники, обслуживающие так называемое ведомственное жильё (и Тамара Филипповна в том числе) остались за бортом. «Ведомства» же, как правило, убыточны, им не до повышения зарплаты, выжить бы — и то ладно.

Условия труда. Специнвентарь — не предусмотрен. Когда-то отечественная промышленность выпускала металлические тележки — но то было очень давно. Потому люди выкручиваются каждый по-своему: кто ящик сколотит, кто ванну раздобудет. Спецодежда: халат выдается на год, телогрейка — на два с половиной года. Хотя уже через пару месяцев халатик превращается в тряпку, а ватник — в жуткое скопление грязи и микробов. Обувь — за свой счет.

В ближайшем будущем труженикам мусороуборочного фронта не приходится, видимо, рассчитывать даже на молоко — профессия официально не относится к категории вредных. Вот электросварщики или маляры — другое дело, — у них там газы, краска. От контакта с гниющими отходами тоже частенько случаются тяжелые отравления, но... «Не положено» — и все тут.

Считается, что лучше других живут те, кто подрядился вытаскивать отходы в новых домах: там и система мусороуборки современная — контейнерная, и вода в бытовку подведена — после работы можно хоть руки вымыть. А в старых домах, кстати, уборщицам лестничных клеток приходится наполнять ведра в какой-нибудь квартире (если хозяйка сжалится, впустят).

Тамара Филипповна обслуживает четыре подъезда девятиэтажного дома. Ежедневно вытаскивает из каждого подъезда по шесть ванн мусора. Итого выходит двадцать четыре ванны в день. День за днем, месяц за месяцем.

Кто такие нагрузки выдержит? Только наши женщины. Они-то в основном и заняты упомянутым трудом. Понятно, не от хорошей жизни.

Нележкой она была и у Тамары Филипповны. Трагическая гибель родите-

лей, брата, неудачное замужество... За муж вышла, как она сама говорит, «в Москву» — уехала из родного села Грязное Рязанской области в шумную столицу. Было ей тогда двадцать семь. А муж подвел. Пьяницей оказался, хоть и мастером был на все руки, и гармонистом замечательным — ни одно застолье без него не обходилось. Где застолье, там и выпивка — так и пошло-поехало, пока не попал он в тюрьму, где вскоре и умер.

Осталась Тамара одна, с девятилетней дочкой Риммой. Какое-то время жили у родителей мужа — «золотые были люди», но стеснять не хотелось, надо было зарабатывать себе квартиру. Пошла в дворники, восемнадцать лет махала метлой да лопатой. А до этого была сперва секретарем-машинисткой в райкоме, потом — няней в детском саду. Детишки, говорит, ее «просто обожали» за доброту и ласку. Как обожает сейчас и внучка Машенька. Римма уже взрослая и семью имеет, и работу. Она тоже убирает мусор, только в другом районе — в Сабурове. И своеобразная эта «династия» мусороуборщиков — не от любви к профессии (какая уж тут любовь), а от нужды: работает Римма, как и ее мама в свое время работала, — «за жильё». Уже пять лет «оттрубила», осталось еще пять.

Дочь да внучка — вот и вся радость тети Тамары. Когда Римма ей поможет «ванны поворочать», а когда и она дочери подсобит — с Машей посидеть. Так и живет...

Для разрядки предлагаю слегка углубиться в несколько иную специфику мусороуборочного труда. Оказывается, в нем есть своя «романтика». Вот, например, встреча с крысой — чем не приключение? Ладно хоть не нападают. Просто сидят, смотря.

Сам мусор, по мнению тети Тамары, разнообразием не отличается. Хотя иногда можно найти и что-нибудь полезное: при мне она выудила откуда-то целую стопку цветных глянцевых картинок от прошлогоднего детского календаря. Бережно отерла рукавом: «Машеньке, внучке, пой-

дет». А вот совсем хороший лимон — почему бы не взять?

Между прочим, в бытовых отходах сохранились и некоторые «знамения времени». Случалось Тамаре Филипповне деньги порванные в нем находить. Видно, не нужны они кому-то стали, эти деревянные. А ведь когда-то и пара червонцев считалась большими деньгами: Тамара Филипповна с гордостью демонстрирует одну из своих почетных грамот, выданную в 1987 году к пятидесятилетию. С припиской: «выплатить премию в размере 30 рублей».

Да, времена были... Труд людской уважали: Тамаре Филипповне звание ударника коммунистического труда присвоили. Хоть и не давало оно ничего, а все приятно! А теперь что? Трудно жить, вот что!

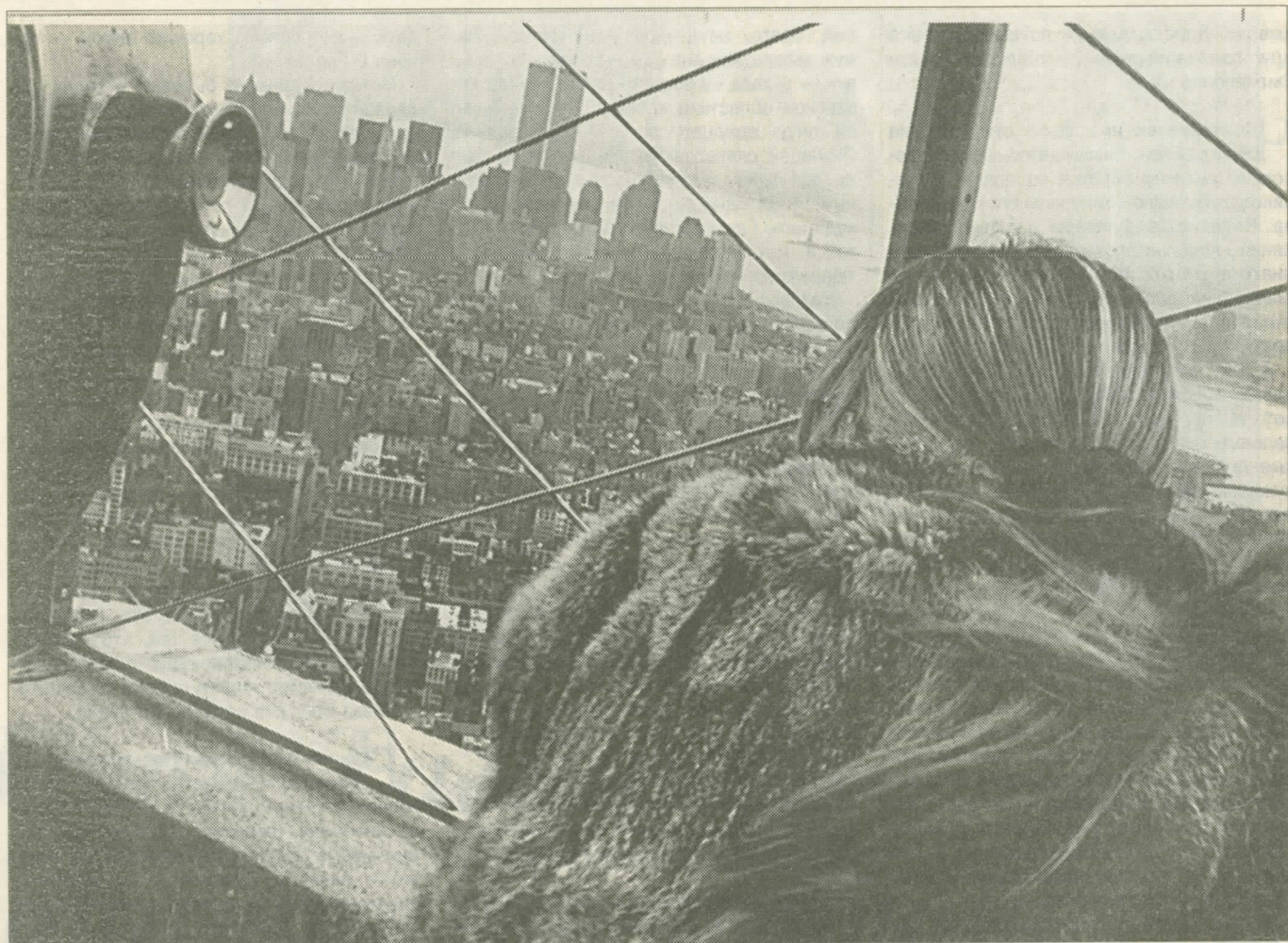
Главную «приманку» — предоставление жилья с обработкой его в течение десяти лет — недавно отменили. Потому число мусороуборщиков в Москве составляет лишь 45 процентов от нормативной потребности. Правда, эта «недостача» обычно устраняется тем, что рабочие выполняют по полторы-две с половиной нормы. Качество уборки — сами понимаете. Слава Богу, они пока не бастовали.

Ранним воскресным утром я вышла из дома. Было пасмурно и промозгло. Моросил противный дождь. У ступенек стояла знакомая тележка. Какой-то пожилой мужчина в телогрейке выносил из подсобки ванну с мусором. А в сторонке, прислонившись к двери, стояла Тамара Филипповна. Домашние тапочки на шерстяной носок, опухшие, красные от работы руки, измученное лицо, простуженный голос: «Ох, милая, совсем я сегодня обессилела. Спасибо, дворник помогу».

Пока мы разговаривали, из мусоропроводной трубы с тихим шелестом все падал и падал мусор. А из серого московского неба все падали и падали тяжелые капли. И ни там, ни здесь не было просвета.

Наталья АЛЯКРИНСКАЯ
Фото Э.Кудрявицкого

Елена АВЕРИНА

Космополитка Люся

Люся появилась у нас во время бурной пьянки. Наш друг привел и представил ее как студентку американского колледжа из Астрахани. Тогда Люся была хорошенькой брюнеткой. Она потребовала, чтобы поставили пластинку «Дорз», обвела всех жизнерадостным взглядом и запела вместе с Моррисоном. Мужики совершенно офигели и перестали жевать салат оливье. Они сдались без боя. Астраханская студентка из Америки покорила их сердца моментально. В воздухе запахло дуэлью...

Возможно, в дальнейшем наш ве-

чер был бы наполнен страстями и драматизмом, но все завершилось неожиданно: Люся выпила подряд три стопки водки, а на четвертой вдруг сломалась, прервала пение и умчалась в ванную. Там она приходила в себя до утра, а мужчины, потрясенные таким поворотом событий, вскоре потеряли к отсутствующей Люсе интерес и вспоминали о ней лишь в связи с неудобствами, которые приносит занятый санузел.

Мы печально заметили, что вот ведь как — в одном человеке угнез-дилось и русское желание пить, и со-

вершенно нерусское неумение это делать. Мы попали в точку: в Люсиной душе боролись Восток и Запад. Люси-на жизнь была нелегка.

Судьба свела нас снова через год, опять же во время бурной вечеринки.

На этот раз Люся была порочной блондинкой с холодными глазами и саркастическим ртом. Мужчины засуетились, занимая очередь в ванную, но Люся ничего эдакого вытворять не стала. Она устало сидела в углу и курила сигарету за сигаретой. Мы включили «Дорз», но даже это не развеселило ее. Оказалось, что теперешним

своим приездом из Штатов она обязана фирме, которая взяла ее на временную работу. И вообще, ради этого билета до Москвы она, собственно, и начала наконец работать. «Ну, как тебе родина?» — конечно же, спросили мы. Родина Люсю разочаровала. Издалека она казалась такой прекрасной и желанной, а вблизи выяснилось, что она грязная, хамская и пьяная, а от этого Люся уже отвыкла. К тому же тут стреляют и бьют прохожих по почкам. Чтобы проверить свою любовь к родине, надо уехать далеко-далеко и надолго. «Большое видится на расстоянии», — привела цитату Люся.

Недавно Люся приезжала на один день в родную Астрахань и целых полчаса виделась с мамой.

— Знаешь, а я там чуть замуж не вышла.

— Ну ты, как всегда, — заметила мама, но даже не поинтересовалась, кто этот счастливчик, и все полчаса учила дочь жизни. А дочь в этом совершенно не нуждалась, потому что давным-давно стала самостоятельной, и вообще, она уже взрослая, ей двадцать два года.

Сейчас она живет у своей знакомой, в обычной московской квартире с тараканами, целый день работает на американцев за какие-то центы. Очень скучает по американским друзьям. А там она всегда скучает по русским друзьям. «Я — космополитка», — сообщила Люся.

Наверное, космополит с российским происхождением — это тот, кому везде плохо.

В свое время она уехала из Астрахани в Америку очень легко. Профессор из ее будущего колледжа прислал документы. Чтобы получить визу, Люсе не пришлось стоять в очереди, унижаться и «подмазывать» всех подряд. Сбылась мечта юности, она уехала из дома.

Учеба в колледже ее совершенно не «напрягала», поскольку надо было только и делать, что читать книги (правда, сначала — усовершенствовать свой английский). Но закончить колледж там — это совсем не то, что закончить институт здесь. Объем изучаемого у них такой же, как в отечественных вузах, но в колледжах нет нашей халавы. Там практически невозможна пересдача, легче взять предмет на следующий год снова. Преподаватели — звери: первым делом устраивают переключку — как будто это главное в учебном процессе.

Многим студентам платят стипендию, особенно иностранцам, но прокормиться на нее невозможно. Поэтому все студенты подрабатывают. Люся

пару недель поработала в библиотеке, а потом ей надоело. Жить было не на что. Иногда ее кормили друзья. А когда не кормили, она жила на кофе с сигаретами.

Сначала чуть ли не весь колледж приходил в гости посмотреть на новенькую русскую. У нее постоянно устраивались parties (вечеринки). А потом, когда насмотрелись, ходить перестали. На первом курсе колледжа студент делает выбор: или учиться и на parties не ходить, или становиться party animal.

На каждом шагу подстерегали «ужасы» американской жизни. Совсем одолели лесбиянки. Первой стала приставать негритянка из студенческого буфета. Но она пользовалась настолько противным дезодорантом, что ни о чем таком и речи быть не могло. А вообще, Люсе нравилась пикантность момента: вот вроде бы разговариваешь с девушкой, но чувствуешь, что это — мужчина. И помимо воли ведешь себя соответственно: кокетничаешь, избегаешь «скользких» тем, следишь, чтобы юбка не задралась (или — чтобы, наоборот, задралась на нужную высоту)...

Феминистки тоже не дремали. Они были изумлены, когда узнали, что Люся не разделяет их убеждений, и неоднократно пытались «завербовать» ее в свои ряды.

Как-то раз Люся выбрала в колледже семинар по Уитмену, и, когда пришла на занятия, несколько удивилась, что присутствуют одни жен-

щины. Вместо анализа поэзии Уитмена они стали обсуждать, какие мужики козлы, а одна даже сказала: «Я каждый день пользуюсь ручкой. Мужской шовинизм распространился так далеко, что даже такой нужный в обиходе предмет, как ручка, имеет форму фаллоса. И я вынуждена этот фаллос брать в руку!» Люся посоветовала ей печатать на машинке и сменила семинар.

Все Люсино нехитрое имущество сейчас в Нью-Йорке. Выходит, там — ее дом. Но в России она говорит: «Здесь, у нас». Еще за океаном остался бойфренд, американец. Он учит русский язык и собирается двинуть вслед за Люсей в Москву. А деньги на жизнь будет зарабатывать продажей американских лифчиков. Он любит приключения. В Москве столько «рашн экзотик!» На всю жизнь хватит воспоминаний.

Люся считает, что живет глупо. Другая не стала бы забивать мозги искусствоведением, а пошла бы в какую-нибудь школу бизнеса (почти все русские учатся в Америке на бизнесменов или программистов). Через некоторое время начала бы заниматься этим самым бизнесом. А потом стала бы «средней американкой», которая с утра пораньше мчится на работу, а дома с ужасом заглядывает в почтовый ящик, ожидая увидеть колоссальные счета.

В Америке у Люси сейчас есть право на работу и вид на жительство, который достался ей — так же как и приглашение в Штаты — совершенно без проблем.

И русские девочки говорили Люсе в Америке: «Ты ничего не знаешь о том, что испытали мы. Сколько здесь потрачено сил. И там... Родина плюнула нам в лицо, мы никогда туда не вернемся. Зачем же ты возвращаешься?»

А она вовсе не возвращается. Она уедет через пять месяцев. Из Америки она увидит, что Россия прекрасна, будет искать деньги на билет до Москвы, плакать и тосковать. А приехав в Москву, сразу же захочет американского порядка, комфорта и стабильности. Чтобы можно было потрещаться с подружкой о том, что все, в принципе, «файн». И знать, что завтра все будет так же спокойно, как: вчера: под окнами не стрельнет танк, проезд в метро не подорожает вдруг в три раза, а в рыбную лавку, как обычно, завезут свежих омаров...

— Люсь, ну как ты живешь-то?

— Нормально... Одиночество полное.

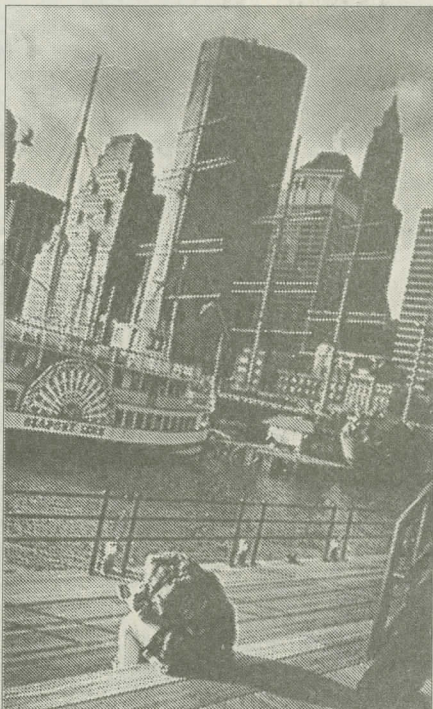

Фото Э.Кудрявицкого

Консуэло
СЕГУРА

О
Ж
Е
Р
Т
В
Е

НЕСЧАСТНОЙ...

В одном из недавних номеров журнала «Столица» некий наш жизнерадостный автор написал статью о коварных соблазнительницах — изнасилованных девушках и их жертвах — несчастных мужчинах, отданных под суд за невинную мимолетную слабость — не устояли перед соблазном. Мужчина, утверждает автор, по природе своей насильник. Поэтому не надо будить в нем зверя. А пробудить его, судя по всему, сущий пустяк: посидела с ним барышня часок в закрытом помещении, выпили они чего-то там алкогольного, и все — звериная сущность тут же проявилась. Без вины виноватый (разве можно судить за проявление природных инстинктов?) насильник идет за решетку, а жестокая соблазнительница, торжествуя, попирает обломки его разбитой судьбы. Но... есть у тучки светлая изнанка: «Рад сообщить, — пишет автор, — что в центральной префектуре Москвы на излете лета зарегистрирован первый случай в отечественной практике, когда в зале суда вместо насильника, оправданного «за отсутствием состава преступления», была взята под стражу... потерпевшая, изменившая в ходе следствия показания...». Трепещите, девушки! У вас появились все шансы (не только морально, но и юридически) полностью перейти из разряда «жертв» в разряд «преступников».

Преступник и жертва. Замечали ли вы, что если где-то, когда-то происходит некое мало-мальски сенсационное преступление, пресса моментально сосредоточивает все внимание на преступнике? В газетах появляются его фотографии — в юности, в кругу семьи, среди друзей и сослуживцев. Публикуется биография. Психологи объясняют побудительные мотивы, корни которых уходят в трудное детство. Телерепортеры (если им позволено) берут у него интервью. Помните хотя бы дело Чикатило. Словом, преступнику обеспечена не только тюрьма, но и мирская слава.

А что же жертва? Что мы знаем о ней? Уж куда меньше, чем о преступнике. Да и какой интерес представляет существо пассивное, почти эпизодическое, в разыгравшейся драме жизни? Вот преступник — это да! Это герой пьесы. Герой и отловивший его детектив (милиционер, полицейский...). А на месте потерпевшего мог бы быть каждый. «Слава богу, что не я!» Вот все, что мы, как правило, думаем о жертве. Она ассоциируется у нас с несчастьем, и мы инстинктивно сторонимся ее, опасаясь, что такая же участь может постичь и нас.

Сама же жертва о себе практически никогда ничего не рассказывает. Молчит. Либо потому, что покоится

вечным сном, либо из нежелания вспоминать страшные подробности происшедшего, либо (обычно это касается преступлений на сексуальной почве) испытывая вполне понятное в подобных случаях смущение. И становится, таким образом, жертвой вдвойне — преступления и социального наплевательства. Это в лучшем случае. А в худшем — и осуждения: не туда пошла, не с тем связалась, неправильно себя вела и т.д.

Америка — страна передовая во многих отношениях. И ее жертвы первыми решили не мириться с подобной несправедливостью.

Большую роль в процессе переоценки ценностей сыграло дело 49-летней миллионерши Марты Крафорд фон Бюлов, ставшее широко известным в начале 80-х годов. В канун Рождества она внезапно потеряла сознание и впадала в коматозное состояние. Под подозрением оказался ее второй муж, Клаус фон Бюлов, который в случае смерти жены должен был получить в наследство 14 миллионов долларов. Некоторые улики наводили на мысль, что фон Бюлов ввел в вену любимой супруге сильную дозу инсулина. Он был арестован и осужден. Прошло три года, и адвокаты фон Бюлова добились пересмотра дела. На втором процессе они заявили, что потерпевшая сама была виновата в том, что произошло, а Бюлова осудили в результате сознательной подтасовки улик. Преступник на этот раз был оправдан.

Сын Марты от первого брака не желал мириться с этой несправедливостью и решил, что настала пора действовать. Так родился Национальный центр жертв — организация, оказывающая материальную помощь пострадавшим «от преступного посягательства на их жизнь, имущество и права», которую и возглавил Александр фон Ауершперт — сын Марты фон Бюлов.

«По статистике 67 миллионов американцев ежегодно становятся жертвами серьезных преступлений, — заявил он в одном из интервью. — Раньше я не задумывался над этими цифрами. Мне казалось, что преступники живут в каком-то особом мире, и у обычных людей вроде меня не бывает с ними ничего общего. Но теперь я понимаю, что безразличия к судьбе других и является главной причиной распространения преступности. Мы считаем нашу страну свободной, но разве пристало свободным людям устанавливать решетки на окнах своих домов и бояться выходить на улицу с наступлением темноты?! Все наши представления о законности и демократии ничего не стоят, если мы не способны всерьез

подойти к решению этой проблемы».

У фон Ауершперта множество единомышленников. Один из них — Доминик Данн, дочь которого погибла, задушенная ее приятелем — неким Джоном Суини. Его защитники пытались доказать на суде, что убитая девушка была распущенной и коварной и, можно сказать, сама заставила Суини задушить ее. Обвинители указывали совсем на другие факты, говорящие о жестокости преступника. Джона Суини все же осудили, но уже через три года он вышел из тюрьмы. А отец убитой девушки пополнил ряды американцев, ведущих борьбу за права жертв.

Во время суда над Суини в зале часто появлялась, чтобы выразить чувство солидарности с потерпевшим, Тереса Сальдана, которая сама незадолго до этого стала жертвой преступления.

Однажды вечером у самого дома актрисы Тересы Сальдана в Голливуде на нее напал полусумасшедший бродяга и нанес ей несколько ударов ножом. Сальдану удалось спасти, но жизнь ее оставалась в опасности, так как преступник не скрывал своих намерений «добраться до актрисы и довести свое дело до конца».

Маньяк был задержан, осужден и посажен в тюрьму. Однако, несмотря на то, что он постоянно заявлял о своем намерении убить Сальдану, тюремное начальство посчитало, что его следует освободить «за примерное поведение». Актриса пыталась оспорить это решение, но безрезультатно. Тогда в отчаянии она обратилась за помощью к средствам массовой информации — выступила в ряде газет и на телевидении. Поток зрительских и читательских откликов на это преступление заставил окружного прокурора, от которого зависела дальнейшая судьба преступника, изменить свою позицию. Опасный маньяк остался в тюрьме.

Тереса Сальдана создала собственную организацию «Жертвы в поддержку жертв». Эта организация оказывает непосредственную материальную и моральную помощь пострадавшим. Но главная ее задача, как считает Сальдана, борьба с тем предубеждением, которое определенные круги американского общества все еще испытывают к своим несчастным согражданам, ставшим жертвами преступлений. «Вместо того чтобы выяснять корни преступлений, наши социологи стараются во всем обвинить самих пострадавших, — с возмущением заявляет Сальдана. — Если на тебя напали, значит, по их мнению, ты сам каким-то образом спровоцировал этот инцидент. А когда пострадавший обра-

щается за помощью к психотерапевту, тот начинает копаться в его детстве, пытаюсь там отыскать причину его тягелого душевного состояния».

Кстати, о визитах к психотерапевтам многие жертвы отзываются весьма скептически. «Нам рекомендуют ходить к психотерапевтам, — рассказывает одна из пострадавших, — но это же нелепость. Эти врачи никогда сами не проходили через подобные испытания, а в этих вещах никакая информация не заменит личный опыт. У всех у нас есть друзья, но они живут в другом, благополучном мире, и им очень трудно представить то, что вытерпели мы. Зато с товарищами по несчастью я отвожу душу, и это лучшее лекарство, какое можно себе представить».

Так думают и другие члены нью-йоркского клуба, официальное название которого — Общество помощи жертвам. Здесь собираются самые разные люди: пожилая негритянка, сын которой убит в драке на расовой почве, пара молодых супругов — их сын погиб в результате бандитского нападения. Все они приходят сюда вовсе не для того, чтобы беречь старые раны. «Если бы не эти встречи, я, наверное, не выдержала бы, — замечает одна из женщин (ей особенно тяжело: двое ее детей стали жертвами уличных бандитов). — Общество стало для меня новой семьей. Здесь мне никто не предлагает все забыть и начать жизнь сначала. Эти люди понимают мои чувства». «Дело не только в этом, — добавляет пожилой джентльмен. — Раньше мы считали себя какими-то злополучными пасынками судьбы, которых можно только жалеть. Но такие, как Марла Хансон, помогли нам по-новому взглянуть на себя. Война с преступностью идет по всей Америке, и мы невольно оказались на переднем крае. Мы первыми приняли удар, предназначенный всему американскому обществу. И мы заслуживаем уважения».

Кто же такая Марла Хансон и чем она помогла жертвам? О ней в своей передаче рассказал Гералдо Ривера, популярный ведущий одной из американских телепрограмм: «Она была красивой юной манекенщицей, перед ней открывалась прекрасная карьера, но в тот вечер на одной из глухих нью-йоркских улочек случилось событие, навсегда перечеркнувшее все ее планы...»

Когда Марла Хансон стала жертвой двух бандитов, порезавших ей лицо бритвами, она решила, что жизнь ее кончена, и могла думать лишь о постигшем ее несчастье. Через несколько часов после покушения какой-то телерепортер поднес микрофон к самому ее лицу и попросил ска-

зать несколько слов. «Я была шокирована этой назойливостью, — рассказывает Марла, — но взяла себя в руки и сообразила, что мои друзья в этот момент очень волнуются обо мне. Так пусть же знают, что я жива и в состоянии говорить. Я сказала пару ничего не значащих слов и тут же забыла об этом эпизоде».

Она вспомнила о нем через пару дней. Палата, где лежала Марла, наполнилась цветами, а медсестры стали пачками приносить девушке письма. Когда Марла вышла из больницы, ее встретила целая толпа. Все поздравляли, словно героиню, просили автограф, предлагали моральную поддержку, материальную помощь. Даже какой-то двенадцатилетний мальчик прислал 5 долларов, которые он долго копил на совершенно другие нужды, но решил пожертвовать их Марле.

Телеведущий Гералдо Ривера пригласил ее в свою программу «Помощь жертвам». У Риверы уже был опыт участия в программах, посвященных всевозможным острым проблемам, волнующим американское общество. Он выносил на суд телезрителей такие темы, как «Лесбиянки-матери», «Сиамские близнецы», «Гомосексуалисты в армии». Но ни одна из них не увлекла его столь сильно, как программа «Помощь жертвам». «Это лучшее из всего, что я когда-то делал, — заявил он. — Думаю, что и другие наши передачи приносили определенную пользу, но эта стоит на особом месте. Зрители сразу поняли ее и горячо на нее откликнулись. Не следует думать, что рядовой американец не в состоянии отличить случайную сенсацию от подлинно важной проблемы. И доказательство тому — реакция нашей публики на программу о жертвах».

Сами жертвы, однако, первое время испытывали смущение и стеснялись рассказывать о себе и о своих трагедиях. Понадобился определенный психологический сдвиг, чтобы преодолеть этот барьер. Большую роль сыграла в этом Шерри Прайс, которая в течение нескольких лет возглавляла нью-йоркское отделение Национального центра жертв. Не так давно мисс Прайс была никому не известной служащей в одной из городских контор. Но ее постигло несчастье: на девушку напали бандиты — избили, ограбили, изнасиловали. Пережив тяжелую психологическую травму, Шерри Прайс пришла к выводу, что должна бороться за права всех тех, кто пострадал так же, как и она. Шерри выступила в программе у Риверы, затем в других программах. «Я знала, что будет нелегко, — рассказывала она, — но понимала, что эти передачи

смотрит огромное количество людей, и потому сочла своим долгом выступить. Мне ужасно этого не хотелось, но я понимала, что так нужно для нас всех. После моих выступлений ко мне стали приходить письма. Очень много писем. «Вы такая сильная, — пишут мне. — Вы, конечно, сможете помочь мне». И у меня уже нет выхода, я не могу обмануть доверие этих людей. В каком-то смысле на меня навалилась теперь тяжелая ноша: я читаю эти бесконечные послания и должна отвечать на них. Самое поразительное в том, что во мне стали видеть чуть ли не героиню, почти Жанну д'Арк, когда в действительности я самая обыкновенная девушка. Я никогда не думала, что попаду в эту страшную историю. А в том, что я выжила, нет никакой моей заслуги».

Не все, однако, согласны с тем, что подобные выступления и передачи полезны пострадавшим. «Группы взаимопомощи — очень удачная форма моральной поддержки для людей достаточно сильных и психологически стойких, чтобы переживать свою травму снова и снова без ущерба для себя, — говорит доктор Стюарт Клейнман, директор психологической клиники в Бруклине. — Всем ли по плечу такая терапия? Я сказал бы даже, что люди, участвующие в этих программах, не слишком сильно задеты пережитым несчастьем. А что касается других жертв, то им, вероятно, совсем не так легко возвращаться к ужасным воспоминаниям, на которые их наталкивают эти передачи. В результате их душевные раны открываются вновь, боль усиливается, а общее состояние катастрофически ухудшается. Психотерапия — это сложное и тонкое искусство. «Силловые методы» применимы лишь в очень редких случаях, их нельзя рекомендовать в качестве регулярного лечения».

Возможно, в словах доктора Клейнмана есть какая-то доля истины, но все же большинство откликов свидетельствует о другом: люди, обессиленные горем и потерявшие веру в свои силы, как бы воскресают заново, почувствовав поддержку товарищей по несчастью.

«Мы преодолели безразличие к жертвам, прочно укоренившееся в нашей культуре, — говорит Джон Стейн, заместитель директора Национальной ассоциации помощи лицам, пострадавшим от преступлений. — Наше население теперь все больше идентифицирует себя с ними. Каждый понимает, что может оказаться на их месте. Никто от этого не защищен, Мы все — потенциальные жертвы».

Колдун был одет по-домашнему: в халате и при цепях. Сварил великолепный кофе — по собственному тайному рецепту. Зажег свечи. Включил тихую музыку. «Спрашивай». А за окном стонал институт Склифосовского...

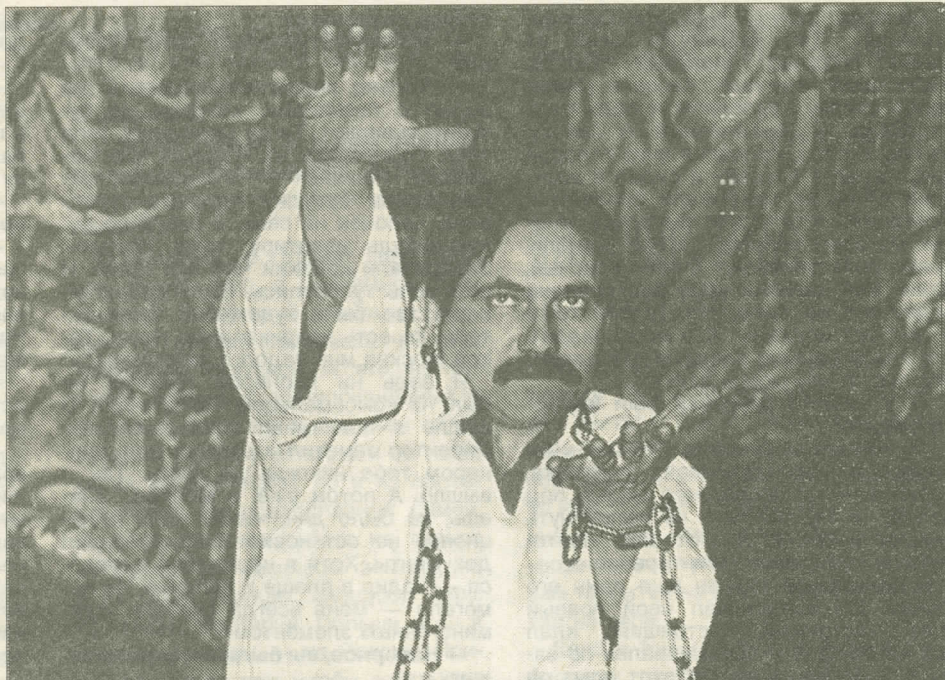

Фото ИТАР — ТАСС

ЮРИЙ ЛОНГО УСТАЛ ОТ ТРУПОВ

— Юрий Андреевич, кто был первым колдуном в вашем роду?

— Дед Дмитрий, вернее, Дмитрус Лонго.

— А до него?

— Сплошь учителя, деревенские жители. Я же и сам деревенский человек — родился в станице Незамаевской на Кубани. По соседству, километрах в двадцати, появилась на свет и Джуна.

— Тенденция?

— Думаю, да. Уже попрактиковавшись, я начал изучать деревню Черная Гора в Белоруссии, в Могилевской области, — там в каждом доме живут колдуны. Вот, например, такая бабушка — Галя Черная — уж не знаю, почему ее так называли. Она, сидя дома с закрытыми глазами, могла сказать, кто чем в данный момент занимается. Это и есть ясновидение.

Колдуны рождаются не везде и только при определенных условиях. Колдуны не могут родиться, к примеру, в Москве — здесь нет для этого почвы. И потом, колдун с самого начала, с детства должен быть одиноким человеком. И я тоже долго был в одиночестве. Нужна темная деревенская ночь, когда выходишь на улицу, а там только полная луна и лай собак. В эти минуты открывается самое важное.

— И когда же вам открылось это «самое важное»?

— Когда мне было десять лет, в школе. Я мог посмотреть на учителя и внушить ему, чтобы он не спрашивал у меня невыученный урок.

— Злоупотребляли?

— Злоупотреблял. Никак у меня не шла математика. Я смотрел в левый глаз преподавателя и приказывал ему не спрашивать меня.

— Почему именно в левый?

— А он более восприимчивый. Люди обычно смотрят на все лицо собеседника разом. А посвященные, знающие, ищут — в зависимости от ситуации — какую-то одну точку.

Но настоящим колдуном мне помог стать мой дед. В 1972 году я переехал в Москву и разыскал его.

— Мне трудно представить, как это деревенский юноша вдруг перебирается в столицу.

— Какие «левые» вопросы ты задаешь! Ведь это «левый» вопрос, в духе «Московского комсомольца». Но я отвечаю. Я приехал в Москву для того, чтобы попасть в Третьяковскую галерею. Представляешь? Из глухой деревушки. Ну кто сейчас поедет за тридевять земель, чтобы увидеть музей? В общем, посмотрел я Третьяковку и понял — жить без нее не могу. Остался здесь. Еще несколько раз приходил в галерею — восхищался. А потом... Потом забыл туда дорогу. Видимо, чудо исчезает, если приблизиться к нему.

— Можно еще один «комсомольский» вопрос?

— Давай!

— Искусство искусством, а на какие, пардон, «шиши» вы жили?

— Как только оказался в столице, тут же стал искать работу — на заводах, в жэках и... Лучше уж не продолжать. Скажу только, что жизнь у меня

началась полубродяжническая. Грузчиком был на овощной базе, разно-рабочим на стройке. Обычно меня хватало месяца на два, на три. У меня три трудовые книжки, и все они сплошь исписаны «местами работы». Не то чтобы я не уживался, нет... Просто не любил работать из-под палки. Одновременно занимался магией и колдовством, лечил людей, гадал...

— Учились?

— Все время куда-то поступал и все время что-то бросал. Было Краснодарское художественное училище — бросил. Музыкальное — то же самое. Был режиссерский факультет Института культуры — краснодарского. Из Москвы я поехал в Ленинград и там, наконец, хоть что-то закончил — психологический факультет университета. Тогдашняя наука «психология» мне очень не нравилась — какая-то выхолощенная, оторванная от жизни.

— То есть высшее образование в дальнейшей работе вам не помогло?

— Кое в чем помогало. Я научился распознавать людей. Но с точки зрения «психологии» они все были какими-то, мягко говоря, «странными», ущербными.

— Давайте вернемся к истории вашего приезда в Москву. Значит, вы отыскали деда...

— Да. Это был замечательный человек. Преподавал на Всероссийских курсах эстрадного искусства, во Всероссийских творческих мастерских. А до этого — в двадцатые, тридцатые годы — бродяжничал с цирком. Именно бродил — он не признавал никакого транспорта. Не признавал паспортов и трудовых книжек. Причем пешком они ходили не только по России — добрались до Турции, до Персии. Дед любил восточные страны.

Дмитрий Лонго был «человеком-молнией». Так назывался один из самых сложных цирковых трюков. Небольшой круглый бассейн заливался сверху керосином и поджигался. Огонь — высоченный. А сверху, из-под купола, бросался вниз головой дед, нырял в бассейн и сидел в воде, пока огонь не накрывали брезентом. Повторить этот трюк пытались многие. Из семи человек пятеро погибли. Трюк действительно очень опасный, даже мой смелый дед без стакана водки его не выполнял. Другие тоже — выпьют водки и... Кто мимо падает, кто глаза раньше времени открывает, кто пирует ненужный делает...

— У вашего дедушки был какой-то секрет?

— Никакого секрета. Только смелость и определенная сноровка. Главное — до последнего сидеть под водой, не задохнуться, не выпрыгнуть раньше времени. Я этот опыт повторять не собираюсь. Неинтересно.

В литературе описан еще один его фокус. Он вытаскивал свой правый глаз (настоящий, настоящий), клал его на блюдце и прохаживался по залу с этим блюдцем. Но этот опыт он мне не демонстрировал.

— А что демонстрировал?

— Только то, что я нигде больше не мог увидеть. Он оставил мне несколько тетрадей своих рецептов и наблюдений. И когда умирал, держал меня за руки. Все последние дни. Передавал энергию — на словах ведь можно передать лишь очень немного.

— Вы чувствовали в этот момент что-то необычное?

— Безусловно. Только после этого я смог вполне понять то, что он рассказал мне раньше. Существуют же тысячи книг по теоретической и практической магии — ни одна из них не способна научить. Даже знаменитая «Практическая магия» Папюса. В этих книгах нет ключа. Люди, прочитавшие их, недоумевают... Что бы это значило: «Взять кровь зайца, язык волка, матку ласточки, немного своей крови, соль. Смешать, высушить и подсыпать любимому человеку. Навеки будет твой». Это же шифр, как у шпионов: «Маша купила кашу».

— То есть можно обойтись и без ласточкиной матки?

— Естественно.

— Дмитрий Лонго — ваш дед по материнской линии. Почему тогда вы тоже Лонго?

— Снова «левый» вопрос. Десять лет назад я взял его фамилию. До этого я не был Лонго. А что ты, собственно, такие вопросы задаешь? Пасквиль написать хочешь?

— Почему пасквиль? Я просто спрашиваю. Вы говорили, что в Москве вели поначалу полубродяжническую жизнь...

— Да, тяжело было. Я жил в то время в Столешниковом переулке, в доме, где магазин «Букинист». Там, если пройти под аркой, был двухэтажный особнячок. Сейчас его сломали. Я занимал весь верхний этаж. Ходил на всякие «тусовки» — так, кажется, это

теперь называется...

— Интеллектуальные хоть тусовки?

— Только интеллектуальные. Я не ходил с пьяницами, которые на бутылку сшибают. Тогда молодежь, типа тебя, собиралась на «Пушке», там недалеко «Рашино» — «Российские вина». Брели бутылку красного сухого вина, человек на семь, и ехали на какую-нибудь квартиру, тоже «левую». Заваривали крепкий чай или кофе. И всю ночь тусовались. Были споры об искусстве, были художники, были актеры, то есть неприкаянные люди. Такой Москва мне надолго запомнилась.

Я ведь ни пионером никогда не был, ни комсомольцем. Не приняла. В школе я показывал пионером язык. Директор заметил и сказал: мол, пионером тебе никогда не стать. Так и вышло. А потом уже, в Москве... Знаешь, не было дня, чтобы меня милиционер не остановил и не проверил документы. Хотя я нормально одевался — ходил в плаще и кепочке. Не помогало — меня всегда считали «криминальным элементом».

— Наверное, вы были похожи на ханыгу.

— Откуда ты это слово знаешь? Это ж старое слово.

— И вы не пытались добиться официального признания как колдун?

— Это было совершенно бесполезно. Мы вообще сейчас здесь с тобой сидим и разговариваем только благодаря Горбачеву. До него колдовство, магия были под строжайшим запретом. Никаких выступлений, никаких афиш. За массовый гипноз давали до пяти лет, за незаконное врачевание (например, бабка что-нибудь нашепчет) — то же самое.

А в конце восьмидесятых годов — настоящий бум. Каждый второй — экстрасенс. А кто не экстрасенс, тот у экстрасенса лечится. Официальная медицина нас признала. Те люди, которые раньше издевались над колдунами, камни бросали, посылают к нам больных: «Вам только Лонго поможет». От некоторых заболеваний врачи попросту отказываются.

— От каких же?

— Грыжа, псориаз, заикание лечатся только гипнозом. Психические заболевания, эпилепсия.

— Вы с коллегами ладите?

— С ними трудно дружить. Потому что все — личности, и личности своеобразные. Да и вообще, из всех моих коллег я уважаю только Джуну и Тарасова. Остальные мне неинтересны. Во всяких экстрасенсорных собраниях я больше не участвую, семинарами не руковожу...

— Зато у вас есть своя школа.

— Есть.

— Обучение — платное?

— До десяти тысяч за полный курс.

— Долларов?

— Каких долларов? Рублей.

— А приемные экзамены есть?

— Конечно. Самый главный критерий отбора такой: я смотрю, с чем человек пришел, чему хочет научиться

— добру или злу. Мы учим только добру. Это, если хотите, наше кредо.

— А вы чувствуете...

— Да, чувствую. Если человек пришел со злом — это сразу бросается в глаза. Часто приходят женщины, желающие навредить мужчине, который их бросил. Таких не берем.

— Вы лично подобные заказы принимаете? А то у меня проблема.

— Я белый маг. Черной магией принципиально не занимаюсь — это нехорошо. Вот если попросите кого-нибудь приворожить — еще подумаю. Часто возвращаю мужей в семью. Или жен.

— По-моему, иногда лучше мужа оставить в покое, чем в семью возвращать.

— Прежде чем кого-нибудь приворожить, я полчаса клиента отговариваю. Потом начинаю выяснять, почему ушел, что там у них было. Спрашиваю, есть ли дети. И только в том случае, если меня все устраивает, начинаю «приворот». Причем обычно привораживаю только на два месяца, даю как бы испытательный срок. Если ничего не получится — значит, не судьба.

— Вот вы преподаете магию. А как же профессиональные секреты?

— Профессиональные секреты нельзя раскрывать. Раскрыл — значит, потерял.

— Что в вашем ремесле самое сложное?

— Телепортация. Этого я еще не достиг. Хотя... Вот вчера звонит мне девушка и говорит: «Я открыла свою сумочку и нашла там вашу визитную карточку. Как она там оказалась?» Я ей говорю: «Знаете, я вас мимоходом видел на дискотеке «У ЛИС Са». Посмотрел и подумал: какая красивая девушка!» Типичный пример телепортации. Можете проверить, я дам вам ее телефон.

— Спасибо, не надо. Вы видите свое будущее?

— Да.

— Там есть что-нибудь страшное?

— Там есть все. Страшное я могу немного смягчить. Что касается хорошего... Улучшить его нельзя, но можно использовать по назначению.

— В декабре 1990 года телевидение показало сюжет о том, как вы оживляли трупы. Вас потом обвиняли в шарлатанстве, фальсификации...

— Конечно, никакой мистификации там не было — об этом даже смешно говорить. Но больше я такими делами не занимаюсь. Во-первых, потому, что церковь выступает против подобных опытов. Во-вторых, потому, что подобные мероприятия отнимают огромное количество энергии. После этих трупов я почувствовал себя ужасно уставшим человеком. Потом уже я вышел в астрал и подсчитал, что просто выбросил из своей жизни пять лет. Я должен был прожить во семьдесят два года, а теперь проживу семьдесят семь — семьдесят восемь. Обидно.

Эдуард ДОРОЖКИН
при помощи Фонда Сергея
Фоминцева

БЛЕФ — ОН И В АФРИКЕ БЛЕФ

«Крест — он и в Африке крест» — так называется статья С.Кабанчикова, опубликованная в № 41 (151) «Столицы» под рубрикой «Блеф».

Автор живописно рассказал о том, как, по его словам, пятнадцатилетних советских балбесов, воспитанных на пиве, роке и сексе, за пару лет пытаются превратить в образцовых католических священников.

В итоге получается забавная история примерно с такой моралью: ездят тут всякие, заманивают юных «совков» учиться за границу, причем даром, ребятишки соглашаются (на халяву и уксус сладкий, можно и католиком стать), а в России «окатоличенные» ребята останутся не у дел...

Короче говоря, опять за державу обидно.

Впрочем, С.Кабанчиков никого не обвиняет, не обличает, не клеймит...

Он просто пишет неправду.

Надеюсь, что не намеренно, без злого умысла. Видимо, сам толком не знает, как все было на самом деле. Но вместо того чтобы повеселить приятелей приколами из католической жизни, он тиражирует свои фантазии в массовом еженедельнике...

Начнем с того, что опущено у коллеги, — с источников информации. «Ностальгически настроенная миссионерша из Германии графиня Верещагина» оказалась москвичкой, филологом, доцентом Ларисой Мефодьевной, действительно Верещагиной, но, увы, не графиней. Лариса Мефодьевна в Лобурге никогда не была, однако по просьбе директора гимназии Гюнтера Виттхаке организовала с преподавателями отбор ребят в двух московских школах с углубленным изучением немецкого языка.

Ребят из Москвы оказалось не шесть, как написал автор статьи, а девять.

И лет им не по 15, а очень да-

же по-разному: от неполных двенадцати до шестнадцати, чего все равно мало, чтобы пойти учиться на священника.

Однако самый большой конфуз вышел у С.Кабанчикова с тем, на что он, вероятно, ставил в первую очередь.

В гимназии не готовят священников. Более того, в рекламном проспекте Лобургской гимназии черным по белому написано, что это заведение светское и его выпускники получают общепризнанный в Германии аттестат о среднем образовании. Здесь учатся дети не только из католических, но и из протестантских, из православных семей. Сюда приезжают ребята не только из окрестных немецких земель, но и из США, Канады, Мексики, Перу, Ирландии, Болгарии, Польши и — в последние годы — из России. Приезжают не за тем, чтобы «стать патерами», а за образованием, за свободным немецким языком, за общением с ровесниками.

А на католических священников, как и на православных, учат несколько в другом месте — в семинарии. Наверное, так же нелепо выглядела бы статья о том, что какая-нибудь московская средняя школа начала выпускать попов...

Поэтому слухи о «перекрещении в католичество» и «превращении в образцовых католических священников» сильно преувеличены. А на них ведь вся интрига закручена. Хотя С.Кабанчиков иногда путается. Сначала пишет: «вопрос о перекрещении в католичество в повестку дня не вносился», а через несколько абзацев утверждает: «после трех недель обучения наши новоиспеченные католики вполне довольны». Кто же их «испек»? Не сам ли автор?

Да и фраза о «перекрещении в католичество» для людей церковных звучит абсурдно, поскольку православное крещение действительно и в католической церкви.

Итак, о чем, собственно, речь?

Очередная группа московских школьников просто поехала на год учиться в немецкую гимназию. Заметку о таком, теперь уже заурядном событии не то что в «Столицу», в стенгазету не возьмут. Однако автор сообразил, чем именно ему

следует «приправить» эту обычную новость, чтобы статья попала на полосу.

Виктор ХРУЛЬ

ХОЧЕШЬ СТАТЬ ДИПЛОМАТОМ? ПОПРОБУЙ!

Хочу выразить свой восторг по поводу статьи Э.Дорожкина «...Еще раз учиться! Где?». Лично для меня из всех столичных престижных вузов особый интерес представляет МГИМО. У нас в провинции отношение к этому заведению, так сказать, «возвышенно-трепетное». А то, что там творится на самом деле, я испытал на себе.

Дело в том, что в этом году я собирался поступать в МГИМО на дневное обучение по специальности «международные отношения». Заблаговременно отправил необходимые документы, которые были получены, как явствует из почтового уведомления, 19 мая. На этом мое поступление и закончилось — от института больше не было, как говорится, ни ответа ни привета. Ни извещения о допуске или недопуске к экзаменам, ни возврата самих документов — вообще ничего. Уже и учебный год в разгаре, а мне никак не удается получить назад свои документы. На вопрос МГИМО не отвечает, словно там язык проглотили. А ехать за документами лично — представляете, сколько стоит билет из Красноярск в Москву и обратно? И если бы при этом была твердая уверенность, что я получу их обратно. Хотя ясного ответа, что они утеряны, я тоже не получил. А может, МГИМО решил документы неудавшихся абитуриентов коллекционировать. Или прятать подальше — чтобы чего доброго не вздумали повторить попытку поступать на следующий год.

В.БАБКИН

Красноярск

Алексей
МИТРОФАНОВ

ЗОЛОТАЯ УЛИЦА

Улицы — как дети. Они наивны, часто злы, их содержание зависит от начала, от происхождения. В этом смысле улице Качалова определенно повезло — ее можно сравнить с «золотой молодежью». Она проистекает от самого благородного московского храма и самого красивого московского дома. Русло улицы — меж церковью Большого Вознесения и особняком Степана Рябушинского.

Описывать тот дом — изобретать велосипед. Эта тема — вечная, как солнце и любовь, она достойна гимна, оратории, романа. Поэтому я воздержусь от излишних собственных эмоций, лишь мимоходом поднырну под день сегодняшний — в его историю.

После того как Степана Рябушинского, собирателя икон и создателя АМО (ныне — ЗИЛ), выкинули и из особняка, построенного Шехтелем, и из страны, в том доме прописывался отдел виз Наркоминдела. И один его сотрудник, некто Залкинд, вспоминал, что иностранцам, пожелавшим покинуть Россию, вдруг ставшую советской, отказывали в визах, шантажируя тем самым их правительства.

Затем там размещался Госиздат РСФСР. И новый очевидец, некто Малкин, утверждал, что инициаторами этого не столько издательского, сколько бюрократического и идеологического образования были Горький с Луначарским.

Потом в тот особняк вселился Психоаналитический институт с детским садиком-лабораторией. Я пытался отыскать свидетельства, к примеру, Чалкина, или, хотя бы, Палкина — но не нашел. Во фрейдистском садике-рае воспитывались Вася Сталин, Жена Курский, Лена Рухимович, Таня и Тима Фрунзе, Тема Сергеев... Иной полет.

Правда, содержались там, как утверждает Артем Федорович, «также сироты и беспризорные, присланные сюда районным отделом народного образования», но вряд ли из-за них горожен огород.

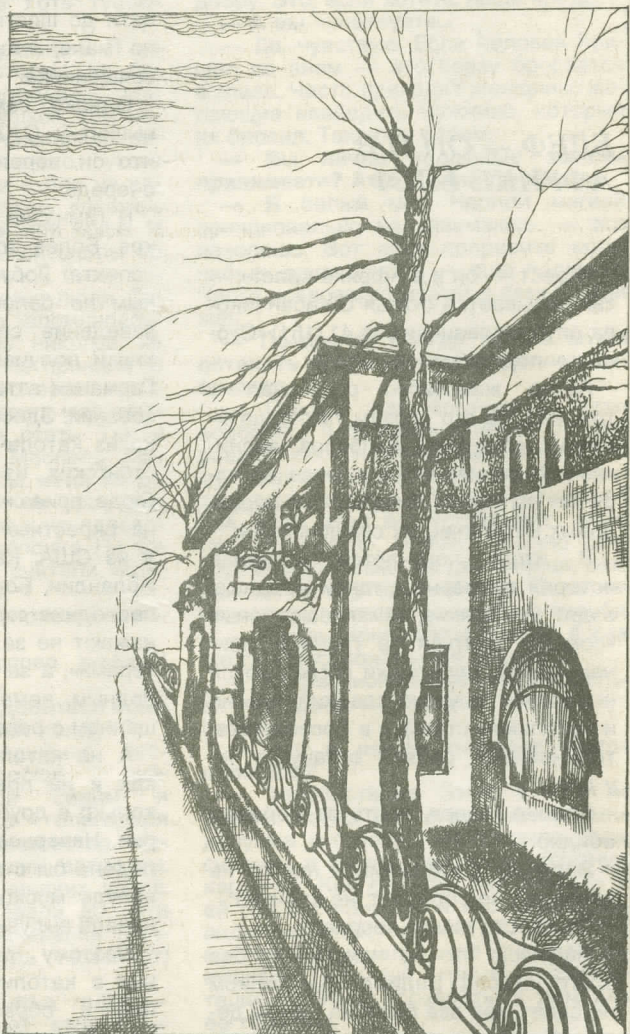

Рис. В. Фроловой

*Улица Качалова
названа так в честь
известного актера
В. Качалова, здесь
проживавшего.*

*До этого
была Малой
Никитской —
без особой нужды
«страховала»
Большую Никитскую.*

Затем турнули и «фрейдистское гнездо», а в дом вселился Горький. И начались свинячьи пьянки — правительство гуляло с литераторами.

«— Сегодня на Моховой видел человека мертвого: не то замерз, не то от голода... А многие, вероятно, думают:

завтра свалюсь я — и пройдут другие мимо меня так же равнодушно... Кстати, у нас закусить чего-нибудь найдется?

— Телятина есть холодная, куском. Макароны могу велеть сварить с пармезаном. Рыба заливная... Сыр есть», — передавал фельетонист и эмигрант Аверченко беседу

Горького с супругой.

Впрочем, не стоит особо его осуждать. Ведь еще Розанов заметил: «...решительно ничего не уступили: Герцен — Белинскому; Михайловский и Некрасов — Глебу Успенскому... Это какой-то «страшный суд» всех пролетарских доктрин и всей пролетарской идеологии».

Наверное, приятней был тот особняк во времена хотя бы Госиздата. Когда Катаев наблюдал, как на балконе «ненадолго показалась стройная, со скрещенными на груди руками фигура Валерия Брюсова». Когда приводили в издательство Хлебникова, с наволочкой, полной его гениальных, но, увы, никому не понятных творений. Когда Есенин собирал все свои старые стихи, чтобы издать большую книгу.

И пусть слава, влияние Брюсова в то время валились к саку, пусть Хлебникова увели его поклонники — он так и не дождался приема и навсегда исчез в полях России, пусть из есенинских стихов выкинули все слова «бог», и, несмотря на это, книга все-таки не вышла — все равно то время кажется приятнее, чем время обитания в особняке литературного полковника Максима Горького.

И тем не менее в нем до сих пор — музей полковника, и в доме, разрисованном орхидеями (многие знатоки модерна видят в них характерные для этого стиля ирисы), царят унылые смотрительницы и безразмерные тапочки на резинках, а чудесные окна давненько не мыты. Правда, в марте нынешнего года посетителей стали пускать и в пару комнаток второго этажа. Но и там — новая экспозиция, посвященная великому соцреалисту. Хотя, как заметил коллега Малинин, «ходят сюда давно уж не на Горького, а на Шехтеля».

Конечно же, литературная тематика, «заявленная» улицей вначале, не иссякает и на протяжении ее. В особняке под номером 12, например, сейчас находится Министерство печати и информации России, организация,

родственная Госиздату. А в 1826 году в правом флигеле этого здания проживал В.П.Зубков, причастный к декабристам. А у него бывал частенько Пушкин.

«Ему главное — покрыть не занятое стихами пространство и, покрыв, засвидетельствовать свое почтение», — писал о его творчестве Андрей Синявский. То же самое относится и к географии поэта. Трудно найти в нашем городе улицу, которая не была бы священна для каждого русского сердца именно тем, что стоит на ней дом, где бывал гениальный поэт. На улице Качалова это, конечно же, Большое Вознесение, в котором Пушкин венчался, и флигель Зубкова, где он пытался обольстить сестру жены хозяина.

А в доме 20 в 1896 году жил другой российский гений — великий мистик Л.Андреев. Впрочем, он тогда еще учился в университете, на юрфаке, а своим литературным опытом серьезного значения не придавал.

Совсем не то — иная славная персона, проживавшая в том доме два десятилетия спустя, — Василий Качалов, на правах признанной знаменитости устраивавшей тут роскошные приемы. «До чего же была уютна, радушна, тепла, сердечна, гостеприимна эта квартира! — писал один из современников. — В креслах было удобно сидеть, на диване — развалиться, а за круглым столом о пяти ножках вкусно елось, хорошо пилося и чудесно разговаривалось».

Здесь он встречался с Есениным. И после этих встреч записывал в дневник: «Белоголовый юноша, тонкий, стройный, изящно одетый, ладно скроен и как будто не крепко сшит...» Не оставался в долгу и Есенин — выделив качаловского пса из общей массы впечатлений, он, как самому достойному участнику качаловских приемов, посвятил стихотворение — ему.

И словно антитеза жилищу классического актера — дом № 21 на противоположной стороне улицы. Здесь в 1918 году открылся «Театр четы-

рех масок» Форрегера, где начинали Кторов и Ильинский. Вряд ли тот театр мог нравиться Василию Ивановичу. Как, впрочем, и сам режиссер, о котором писали газеты: «...мастер театрального шума, ошеломляющей динамики. Режиссер-эксцентрик. Жонглер и фокусник, создающий иногда из пустяка, из ничего красочное ослепляющее зрелище».

Чуть далее — дом звукозаписи, здание, построенное на месте церкви. Она именовалась церковью святого Георгия на Всполье и стояла на углу с Георгиевским переулком, который остроумные большевики, в порядке контрцерковной пропаганды переделали во Вспольный.

Но этого, конечно, было недостаточно, и в 1933 году храм все-таки снесли, а на его месте выстроили «Дом звукозаписи». И вместо традиционного воззвания святому Георгию, покровителю всяческой скотины («Егорий храбрый, прими мою животину на все полное лето и спаси ее»), там зазвучали песни, более актуальные идеологически.

А через Вспольный переулок — знаменитый особняк, в нем жил Лаврентий Берия. Там недавно раскопали человеческие кости и долго спорили — то ли это убиенные любовницы Лаврентия, то ли добропорядочные христиане с погоста святого Георгия. Одни кричали, что не найдены ни доски, ни одежды, характерные для православных

кладбищ, другие отвечали, что костям больше ста лет. Общим сторонам, пожалуй, было жутковато.

Кажется, дух Берии там обитает по сей день — окна загорожены тяжелыми решетками, а на красно-белом флаге Туниса (там сейчас его посольство) красуется пятиконечная звезда и серпик, правда, лунный.

А обыкновенному торопыге-прохожему улица вряд ли будет интересна. Ибо из доступных развлечений там только аптека (правда, со странным в наше время самообслуживанием) и букинистический магазин (правда, торгующий книгами на иностранных языках, среди которых затесалось несколько доступных для прочтения шедевров, вроде трехтомника «Контрактное право»).

*Малая Никитская улица.
Вид от Садового кольца
Фото 1910-х годов.
Из собрания
М.Струкова*

ПРИШЕЛ НАРОД К ПОЭТАМ В ГОСТИ

**Вечер поэзии
Библиотека им. Ленина**

В один дождливый вечер, минуя лабиринты пока еще Ленинской библиотеки, народ собрался на вечер поэзии, купившись, вероятно, на имена обещанных мэтров. Так что еще до начала зал был ну не то чтобы «яблоку негде», но близко к тому. Букет мэтров и правда был подобран на славу: Вознесенский, Холин, Рейн, Сапгир, Кедров и прочие. Гвоздем программы предполагался французский поэт Бруно Эдельман с прилегающим в качестве переводчика Приговым. Открыл почтенное собрание Константин Кедров, из выступления которого следовало, что вечер посвящен отнюдь не внешним, а глубинным связям русской и французской культур. А посему каждому из присутствующих поэтов предлагалось вначале рассказать о Париже, а затем усладить публику своими шедеврами. Первым выступил легендарный Холин, немедленно установивший живой контакт с аудиторией. Которой он почему-то совсем «не показался». После изложения своих парижских впечатлений, из которых слушатели вынесли твердое убеждение, что количество котлов, страдающих энурезом, в квартирах парижан чрезмерно, а в метро взрываются бомбы, он открыл поэтическую часть программы. Как ни странно, публика превзошла поэта в детской непосредственности реакции: вначале терпеливая, она горячо опротестовала его предложение водрузить унитаз посередине квартиры, и Холина слова больше не давали. Мимходом, весь в делах и заботах (шутка ли сказать — персональная выставка через квартал, в Музее изящных искусств) забежал Андрей Вознесенский. Прочел парочку шедевров, собрал причитающиеся восторги и убежал. После чего половина присутствующих тоже покинула аудиторию. Парижский поэт Бруно Эдельман оказался, несмотря на ободрения

Пригова, очень робким, под занавес прозвучали и песни на его стихи в исполнении Александра Суханова. Увы, мало кому удалось досидеть до этого проявления внешних связей французской и русской культур, ибо большая часть публики сломалась на глубинных. Не всем оказались по плечу такие тонкости и сложности.

Кузьма БОРИСОВ

Фердинанд Макс Шериу на своей выставке в Музее Ленина

МУДРОСТЬ

**«Близкое и далекое»
Выставка Ф.М.Шериу
(Нанте) в Музее
В.И.Ленина**

Пятьдесят лет назад недоучившийся архитектор — солдат дозорных войск Фердинанд Макс Шериу был ранен под Москвой. Сегодня этот старый человек, известный миру как Нанте, представляет в Музее Ленина свою ретроспективную выставку. То отдаленное полувеком страшное, как, впрочем, и прекрасное (детство, юность), прошлое — близко для него и поныне. Его искусство не сопоставимо ни с каким конкретным направлением или современной программой, хотя ему нетрудно отыскать

формальные аналогии даже у нас. Ведь сегодня уже так традиционно ваять скульптуры из железных обломков и деревянных коряг, выстраивать инсталляции из «рэди-мейд» объектов, выкладывать коллажи из камешков и обломков керамики. Только Нанте совершенно не волнует проблема архаичности и новаторства. Его беспокоит другое —

река, налитая до краев индустриальными отходами, гибнущий лес, разрушенная красота старой культуры и заблудшая душа человека. Волнует так искренне, что эта искренность (напрочь лишенная мессианства или иронии, без которых она немислима у нас) совершенно обезоруживает зрителя. Далекое от нас время (война), место (Германия) и проблемы (не будем лукавить — эти проблемы от нас еще по-настоящему далеки) вдруг становятся близкими и своими, как для самого мудрого профессора с палочкой, который полвека назад потерял ногу под Москвой на великой и, хотелось бы верить, последней войне.

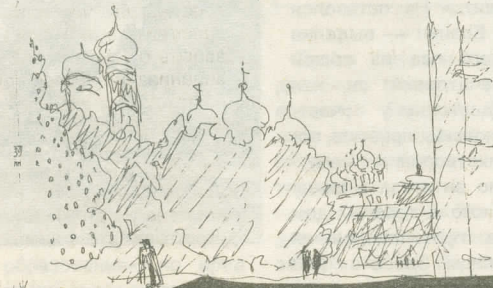
Марина КАМИНАРСКАЯ

ПІВОВА ПОБЕДА

**«Победа над солнцем»
Театр K&K (Вена)**

Не исключено, что отечественные эстеты заслужили этот плевок в рожу. Очевидно, за то, что кучка жуликоватых дилетантов, здешних и австрийских, не хуже просвистелась, в прямом и переносном смысле, за счет разницы в курсах марки и рубля, с одной стороны, и за счет схождения между буржуазно-почтительным (тамошним) и романтически-вдумчивым (здешним) подходами к русскому авангарду — с другой. На спектакль, собственно, можно было и не ходить: все стало ясно уже на пресс-конференции, зазывая на которую с трогательным прямотушем обещали австрийское пиво, а зазвав — предъявили компанию излучающих довольство собою творцов, имена которых нельзя не сохранить в приличествующей им тайне. Исключение следует сделать для известного исследователя авангарда Р.В. Дуганова, который значился в программе под рубрикой «подготовка текста». Во-первых, он единственный, чья репутация, за наличием таковой, могла бы пострадать, если бы не вера в благие намерения почтенного ученого. Во-вторых, он высказал мысль, доказавшую в очередной раз, что как раз бесспорные суждения-то и не верны. «Антикультурное по существу явление, — сказал Дуганов, — на наших глазах становится явлением культуры». Пресс-конференция, а затем спектакль доказали как раз обратное: разрушительный пафос «футуристической оперы» Крученых-Матюшина-Малевича, уже переваренный культурой (трудами того же Дуганова, скажем), под его злыми пальцами композитора-двоечника и в сполоснутых пивом глотках певцов-неумех лопнул как тухлый рыбный пузырь, вновь оказавшись антикультурным. Что с того, что в 1913 году в театре «Луна-парк» на Офицерской в Петербурге несколько

Ф.М.Шериу. Кремль. 1991

полубезумцев-полушарлатанов с таким вкусом и яростью рушили старый мир-театр, что родившиеся в этом спектакле формы через несколько десятилетий составили основу теперешнего мира-клипа? Ну и пусть «бюджетляские силачи» были похожи на космонавтов, уносящихся в черную дыру черного квадрата; пусть метались прожектора-«пистолеты», рассекая «нарисованный мир» Малевича — тот, что должен был заменить мир существующий. Все же тот спектакль был дешевым: картонные костюмы, случайные исполнители, аккомпанемент рояля; теперь его эффекты, давно растиражированные, кажутся наивными. И все-таки дело не в них, как и в стряпне К&К дело не в поролоне вместо картона, не в мюзик-холльной конструкции и кинопроекциях вместо геометрического задника, да и рояль пусть себе плюется своим вишневым из весьма дурно усвоенных кусков популярных мелодий. В 1913 году речь шла о том, чтобы «обновить физиономию мира»; в 1993 году, в обновленном мире, «великий футуристический смех» вышел назад — пивной икотой. (NB: Липкая, пахнущая пивом рука берет автора за лицо. Раздается громкая отрыжка, в которой можно разобрать вопрос: «А ты, паскуда, пиво пил?») Пил, товарищи, пил. Я ведь и говорю: ваша взяла.)

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

«ХЖ» — ХОРОШИЙ ЖУРНАЛ

«Художественный журнал» № 1, 1993

Почти два года прошли без художественных журналов под стенания критиков и творцов о том, что без этого звена невозможен ни рынок, ни нормальное функционирование арт-мира. Два года прошли под кухонные разговоры о том, какие журналы кто задумал. И вот то, о чем так долго твердили заинтересованные лица, свершилось. На смену почившим «Искусству» и «Творчеству» пришли новые издания. Их редакторы, прошедшие сначала школу

тусовки, а за последнее время и жестокую выучку ежедневных газет (зачастую заменявших солидные специализированные журналы), научились писать не то чтобы для широкой публики, но хотя бы для

расширенного круга избранных-посвященных. Строгий и солидный по названию «Художественный журнал» (впрочем, аббревиатура более игрива — «ХЖ») — строг и солиден по содержанию. Он пытается побольше беспристрастно или хотя бы вежливый тон, соотношение отрицательных и положительных рецензий строго выверено, он пишет о том, что действительно важно в современном искусстве, в нем нет портретов, зато есть тенденции. Первый его номер не предваряет манифест редакции. Наверное, это по-своему верно — о том, каким задумал свой журнал Виктор Мизиано (он же — директор Центра современного искусства на Якиманке), все гипотетические читатели слышали и представляют по деятельности самого Центра. Ключевой фразой, скорее всего, можно считать подпись к работе Андрея Безукладникова, которой открывается номер, — «Юность прошла». «Художественный журнал» возник на этом закономерном этапе жизненного пути его авторов, героев и искусства, когда наступила пора взрослости, прежние заслуги перед андерграундом или официозом уже перестали

быть важными. Началось нормальное функционирование арт-жизни, где каждый стóит столько, сколько стóит. О юности журнала говорит, пожалуй, только работа его художника: «ХЖ» красив, это произведение печатного искусства, которое иногда довольно трудно читать. В остальном «ХЖ» родился зрелым. Надеюсь, он доживет до старости и задумается о том, что юность была прекрасна.

М.К.

ПРЯМИКОМ

**«По прямой»
Ст. «Одиссей», фирма
«Рона-фильм» при
участии фирмы
«Циклон»,
реж. С.Члиянц**

Прозе Довлатова, послужившей основой сценария, на сей раз повезло значительно меньше, чем в «Комедии строгого режима», где вынужденная потеря уникальной довлатовской интонации компенсировалась разгулом режиссерской фантазии и великолепной игрой Виктора Сухорукова. История о двух дружках-вохровцах, из которых одному (рассказчику) приказано отконвоировать другого «на губу», будучи переведена из первого лица в третье (роль которого исполняет камера), как и следовало ожидать, почти совершенно обесцветилась: хорошую литературу невозможно перенести на пленку по прямой, воспроизводя только ее событийную канву... Впрочем, тот факт, что о фильме нельзя сказать ничего хорошего, уравновешивается тем, что о нем не скажешь и ничего плохого, и даже перевешивается, если вспомнить, что это дебют, и забыть о том, что это — экранизация. Более того, лет шесть назад, до «Беспредела», «Караула» и девятого чернушного вала, картина даже могла бы привлечь внимание. Но времена уходят, и киномода уходит вместе с ними.

Виктор МАТИЗЕН

ПЕРВАЯ И ПОСМЕРТНАЯ

**«Не положено»
Диск Янки
ГробРекордс, «Тау
Продукт», изготовлено в
СП «Апрелевка Саунд Инк»**

Первый альбом русской поэтессы и барда Яны Дягиловой (Янки) — очередная посмертная пластинка. Янка трагически погибла в возрасте 25 лет. Принято считать, что эта сибирская девушка своими песнями и стихами закрыла брешь, образовавшуюся после ухода другого русского сибирского поэта — Александра Башлачева. Объяснить, о чем ее песни, невозможно — столько в них истинной поэзии, неприкрытого трагизма и детской незащищенности. О песнях Янки хорошо было сказано в одной из отечественных рок-энциклопедий: «Урбанизированный милитаристский пейзаж, мир, населенный неодушевленностью, и даже живое в нем сравнимо с мертвым». В подборку вошли вещи с матрицы, записанные Егором Летовым в январе 1988 года и составившие основу альбома «Не положено», и песни с концерта в каком-то общежитии Новосибирска.

Выделить из них лучшие и худшие невозможно — они равноценны по силе и глубине, по чуду воздействия. Думаю, пластинка представляет интерес как для любителей рока, так и для любителей авторской песни. К сожалению, пока это ее единственный диск. Янка оставила несколько магнитофонных альбомов, хотелось бы, чтобы они тоже поскорее увидели свет.

Алексей ПЕВЧЕВ

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Удалой молодец Астрахан — гордость Северо-Запада

Десять лет назад о Дмитрие Астрахане почти никто не знал. Разве что ограниченный контингент записных свердловских театралов да кучка культуртрегеров местного обкома партии, методично закрывавших его спектакли за идейную неблагонадежность (что было тут же поддержано «Нашим современником» в статье «Унижение классики»). Пять лет назад Астрахан вернулся в «город, знакомый до слез», в котором, еще учась на последнем курсе института, получил от самого Петра Фоменко предложение поставить дипломный спектакль в его театре по знаменитому теперь «Серсо» В.Славкина, но, выражаясь непарламентски, Фоменко тут же поперли из театра и, в общем-то, из города на Неве. Не в связи с Астраханом, хотя его спектакль, возможно, добавил бы нес-

колько строк к «отрицательной характеристике» Фоменко. Правда, это не значит, что Астрахан приносит несчастье, — виной тому была агония эпохи застоя. Что касается Астрахана и его удачливости, то одна из статей о режиссере была весьма справедливо озаглавлена «О, счастливец!». Он действительно счастливчик. Все время возглавляет список самых молодых главных режиссеров — и в Свердловске, и в Петербурге, где он сегодня «художественно руководит» Театром комедии им. Н.П. Акимова. Все время привлекает к себе внимание: то «Доходным местом» и «Недорослем» в Свердловском ТЮЗе; то блистательной «Женитьбой Бальзамина» — дебютом в еще товстоноговском БДТ; то упорным перенесением на сцены разных театров своих версий очень странной пьесы

Дж.Синга «Удалой молодец — гордость Запада», среди критиков называемых «Бочка № 1,2,3»; то получением приза на конкурсе «Молодость. Мастерство. Современность», в котором соперничали только две постановки, причем обе принадлежали Астрахану. Он все время работает. За десять лет поставил больше двадцати спектаклей и — ушел в кино. Его кинодебют «Изыди!» (по мотивам Шолом-Алейхема) был увешан призами, как елка игрушками: два приза на «Кинотавре», приз Московского фестиваля, фестиваля в Токио, наконец, попытка, сама по себе уже знаменательная, войти в номинацию на «Оскар». Его спрашивают недопонимающие журналисты: как вы думаете, почему у картины такой успех? И он, не моргнув глазом, веско отвечает: потому что это великая картина. Этой весной его фильм № 2 «Ты у меня одна» стал неожиданным

и безусловным фаворитом в Сочи на Первом открытом Российском кинофестивале и вновь сорвал банк — специально для него был изобретен загадочный приз президентского совета фестиваля. Крику было по этому поводу много. Но, как ни относись к двум фильмам Астрахана в целом и к их автору в частности, такой дубль удался только ему. И пока никому другому.

Конечно, можно попенять ему, что его жизненная и творческая активность часто напоминает поведения героев комиксов. Однако именно незамысловатое кредо Астрахана — «зрителю должно быть интересно», его жизнерадостная натура и бешеная энергия заставляют (верное слово!) связывать именно с ним надежду на то, что зритель пойдет в театр. Или в кинотеатр.

— Почему в то время, как кинорежиссеры дружно направили свои стопы к сценическим подмосткам, театральным режиссер Дмитрий Астрахан взял да пошел обратным путем?

— Вы заблуждаетесь, никаким обратным путем я не пошел. Я своим путем иду. Кино меня всегда интересовало: я даже на высшие режиссерские курсы поступал, где был «зарублен» высоким синклитом советской кинорежиссуры с Глебом Панфиловым во главе. Серьезно, та комиссия почти сплошь из мэтров состояла. Правда, сегодня не все они об этом помнят.

— Чем же вы мэтрам так не приглянулись?

— На первом экзамене Сергей Соловьев мне поставил «пятерку». А на втором дали какую-то репродукцию, не помню с чьей картины, — кобыла, рядом с ней жеребенок и пастух спит. Придумай, говорят, за пять минут сюжет. Я сначала стал думать, а потом вдруг решил: и чего это я думаю? Лошадей я в жизни только на картинках видел. К тому же я не семнадцатилетний школьник и не выпускник технического вуза — я двадцатидевятилетний главный режиссер театра, что по тем временам было редкостью. Между прочим, лауреат нескольких премий. А они меня спрашивают про кобылу и жеребца. Вот если бы попросили проанализировать пьесу, которую я у себя в театре ставил, — другое дело, есть предмет для разговора. Так что я им сказал: в лошадях ничего не понимаю и говорить мне об этом смешно... Кстати, Владимир Меньшов всю эту эпопею помнит и недавно мне сам ее со смехом пересказывал. А тогда был настроен решительнее других.

— Вы обиды на него не затаили?

— Да я, наоборот, ему сказал: спасибо большое, что зарубили меня тогда и я благодаря вам не потерял два года на картинке с кобылами и пастухами. У меня же в тот момент лежало в кармане приглашение от Геор-

гия Александровича Товстоногова на стажировку в БДТ. Как мудро сказала моя мама: если ты сумеешь в БДТ поставить спектакль, то кино уж как-нибудь снимешь.

— Товстоногов видел ваши свердловские спектакли?

— Сам он не видел. Ему рассказали про мое «Доходное место», которое на театральном фестивале в Костроме вызвало большой переполох.

— Это был хулиганский авангардистский спектакль?

— Я авангард никогда не любил. Это был просто живой спектакль, в котором интересна конкретная жизненная ситуация. Вот смотрите, Жадов. Живет в доме дядюшки — крупного финансового мафиози. Кушает на его деньги, носит дорогую одежду и брось с бриллиантом, тоже на дядины деньги купленные. На деньги вора, бандита и жулика. И вот этот Жадов начитался разных умных книжек о высоких материях и идеалах и вздумал учить дядю жизни. Надо, говорит, жить честно и быть порядочным. Естественно, дядя ему на это отвечает: вот ведь ты мерзавец какой! Честно хочешь жить, да? Так давай, вперед. Живи. И тот уходит. И очень быстро ломается. Потому что о жизни только по книжкам знает и к бедности не готов. Имеет к нам эта ситуация отношение? Самое прямое.

— Предполагаю, что министерская комиссия вашей уверенности не разделила?

— Комиссия просто заходила в истерику: как он смел так поступить с Островским!.. У меня Жадов потом действительно в нищете жил: дрова колот, сам себе ужин разогревал. Это вам не антикварная мебель, которая кочует из одного «Доходного места» в другое. А современные зрители, естественно, недоумевают: и чего этот Жадов с жиру бесится, нам бы такую нищету... Критики тогда комиссию почти единодушно поддерживали. Мы возвращались обратно в Свердловск и пьянствовали с горя в купе. Мне же было всего двадцать

пять, и эта история меня просто потрясла. А в соседнем вагоне ехали критики и тоже пили. И когда я проходил через их вагон по коридору, они хлопали меня по плечу, мол, не расстраивайся, Астрахан, у тебя был живой спектакль — ты еще свои премии получишь...

— Эта история и докатилась эхом до Товстоногова?

— Все было забавнее. Через два года после фестиваля мне попала в руки его книга «Зеркало сцены». А я к тому времени уже демобилизовался, полтора года во флоте отслужил. И вот читаю я его книгу, а там черным по белому написано, что один молодой нахал в Свердловске, черт знает что устроил из Островского. Написать он это мог только с чужих слов. На фестивале его не было. И тогда я понял, что у меня есть повод попасть к Товстоногову на прием. Приезжаю в Ленинград. Здравствуйтесь, говорю, Георгий Александрович, моя фамилия Астрахан. Но разве он помнит фамилию режиссера, о котором чего-то там в книжке написал? Не помнит, конечно. Георгий Александрович, говорю я, очень хочу у вас в театре поставить спектакль... Представляете, как на меня Товстоногов посмотрел?

— Наверное, как на городского сумасшедшего, который решил предложить ему свои услуги?

— Примерно так. Видите ли, говорит он мне, я даю ставить у себя только тем режиссерам, которых знаю. Прекрасно, отвечаю я. В таком случае вы меня знаете — вы же рецензировали мой спектакль. Тут он удивился еще больше: какой спектакль? А у Товстоногова была любимая формула: если есть замысел, его можно изложить за пять минут, если замысла нет, говори хоть до утра...

— Вы сумели уложиться в пять минут?

— Мы говорили часа полтора, не меньше. Потому что Товстоногов очень увлекся. После чего я ему сказал: Георгий Александрович, я ведь на самом деле пришел не отношения

выяснять. Просто вас тогда неверно информировали. Я пришел у вас учиться. Мне полезно будет пройти школу вашего театра, и я внутренне готов к этому. Товстоногов тут же вызвал свою секретаршу и спросил, могут ли они прямо сейчас взять меня на стажировку. Та отвечает, что не могут: только что прислали стажера из министерства. А к нему на самом деле очередь была на много лет вперед. Здесь Георгий Александрович позволил себе не вполне парламентское выражение по адресу министерских стажеров. В том смысле, что присылают... не пойми кого, а приходит в кои веки нормальный человек — не можем взять. Спрашивает меня: два года подождете? Тогда место освободится. И дал распоряжение, чтобы меня пропустили в обход всей очереди. Так я оказался в БДТ и поставил «Бальзаминова».

«— После чего оказались на «Ленфильме» и поставили «Изыди!..». Выходит, мама оказалась права. Равно как и критики из вагона.

— Конечно, окончил бы я эти высшие курсы — и что? Униженно обивал бы пороги, не будучи никем. А вот будучи режиссером БДТ, я мог уже совсем иначе себя вести. Спокойная уверенность в себе появилась.

— Тем не менее с «Изыди!..» у вас не все гладко складывалось в Мастерской первого фильма.

— Не совсем так. Алексей Герман очень поддержал наш замысел. Попросту говоря, именно из-за него эта картина вообще состоялась. Но у него была учебная мастерская, где полагалось сдавать фильм на разных этапах: пробы, локальные съемки и так далее. Я же должен был снять все кино за сорок дней. У меня другого выхода не было: натура уходит, артисты из разных театров, массовки сложные. Не мог я ездить и все время сдавать. Но получалось, что тем самым я нарушал законы мастерской. Герман сказал, что в таком случае за результат отвечать не может. Я ответил: что ж, буду отвечать за него сам. И ушел.

— Вы так легко ушли от опеки, потому что были заранее уверены в успехе?

— Я же не зеленым мальчиком в кино пришел — я до этого двадцать пять спектаклей поставил, позволю себе заметить. Я успех имел и знал, как он делается. Меня несколько раз свердловский обком с треском закрывал... У меня большой опыт.

— Вашу «Красную шапочку», если не ошибаюсь, запретили за пропаганду фашизма?

— Бог с ней, с «Красной шапочкой». Бред, не о чем говорить. «Недоросля»

моего, к примеру, закрывали за пропаганду масонства.

— Раскройте секрет, каким образом вы это внедрились в «Недоросля»?

— Спросите лучше, как им удалось это отыскать. Значит, очень хотелось. Я просто все это говорю, чтобы вы поняли: я шел в кино, имея основания в свой успех верить. Правда, на «Кинотавре» с «Изыди!..» тоже веселая история приключилась. Об «Изыди!..» до последнего момента никто ничего не знал. Из отборочной комиссии фильм видело всего два человека, которые и включили его в конкурс. На фестивале он произвел впечатление мощное, но на первое место заранее претендовал «Пегий пес». Все закончилось тем, что гран-при разделили на троих. То есть всем сестрам по серьгам. Я имею в виду «Пегого пса», «Облако-рай» и свой фильм. Жаль только, что призы отличались в финансовом отношении.

— И сильно отличались?

— «Пегому псу» дали три тысячи долларов. Как бы за некоммерческое искусство в коммерческую эпоху. А я получил десять тысяч рублей. А статуэтки у всех одинаковые.

— «Ты у меня одна» в программу нынешнего сочинского фестиваля попала тоже в последний момент?

— Я не успевал закончить картину к началу фестиваля. Но Рудинштейн сказал мне, что у него есть право лично поставить фильм в конкурс. У них там как раз выпала из программы картина Рязанова. Так что, говорит, если успеешь — привози. Я закончил буквально накануне закрытия и повез фильм в Сочи. Как назло тогда отменили все рейсы, и я летел в Краснодар в кабине пилотов, а оттуда триста пятьдесят километров до Сочи добирался на такси.

— Чем же вы сумели пронять пилотов?

— Объяснил как мог: ребята, честь Питера, Неелова со Збруевым в главных ролях, фестиваль заканчивается. Короче, надо показать.

— Мнения членов сочинского жюри разделились?

— Я могу только по сплетням судить — они ведь все равно просачивались, несмотря на всю секретность. Ночью, накануне закрытия, мне сказали, что у фильма гран-при и приз за лучшую мужскую роль. А утром оказалось, что жюри успело собраться для повторного голосования, где встал очень советский вопрос: а почему это одной картине достается два первых приза? Достаточно одного. Пускай только Збруев получит. Я огорчился страшно. Снова, значит, давайте будем все равны. Зато потом был очень удивлен, когда критики после пресс-

конференции стали поздравлять меня с призом президентского совета.

— Насколько я знаю, в статьях критиков все же не было полного единодушия в оценке вашего фильма.

— Честно говоря, я не очень понимаю, кто критиков читает. Хотя читают, наверное. А в случае с «Ты у меня одна» я самих критиков не очень понимаю. Я ведь видел своими глазами, что творилось в зале. И после просмотра подходили, поздравляли. Спрашивается, кто в зале сидел — неразвитые пэтэушники? Нет, там сидела отборная кинематографическая элита, и критики в том числе.

— Бывает, что режиссера мнение критиков вообще не слишком волнует. Вы не относите себя к таковым?

— То есть как не волнует? Я живой человек, и любое мнение на меня действует. А иногда очень сильно действует. Я прекрасно понимаю, что мнения могут разделиться. Только, ребята, к вам одна просьба: пожалуйста, не забываете написать, что был успех и что принимали с овацями. А дальше можете сколько угодно рассуждать о том, какое это безобразное, невыносимое, убогое зрелище. Главное, про успех не забудьте упомянуть.

— Тогда как вы отнеслись к печатному предложению Александра Кайдановского дать вам за этот фильм два года условно?

— Я ему посочувствовал. Такие вещи не говорят, когда все в полном порядке. Значит, худо у него дело. Спасибо ему, конечно, что не восемь лет строгого режима с конфискацией. Но все же у режиссеров не очень принято публично в печати оценивать друг друга. Наше дело — кино снимать и спектакли ставить, а сроки пусть раздает прокуратура. В конце концов, я же не требую посадить Кайдановского за «Жену керосинщика».

— А сами вы свободны от ревности к чужому успеху?

— Не могу я быть свободен от ревности к чужому успеху. Без этого моей профессии просто не существует. Другой вопрос: как ты своими чувствами распоряжаешься? Обращайся к себе, парень. Сделай так, чтобы и у тебя был успех.

Режиссер Владимир Хотиненко

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

САМОЗАРЯДНОЕ КИНО СИСТЕМЫ ХОТИНЕНКО

Некоторые необходимые фактические данные

МЕСТО: Россия

1. Страна, в которой все революционные катаклизмы приходится на наиболее неприятные в погодном отношении месяцы (февраль, декабрь, ноябрь, октябрь), когда раздражение населения климатом родины сублимируется и обретает новое качество. Из этого совпадения некоторые сделали вывод, что такое уникальное по злобности явление, как большевизм, происходит из злости и недовольства, разлитых в атмосфере ввиду унижительно сыякотно и холодного климата.

2. Страна, в которой режиссер В.И.Хотиненко снимает свои фильмы («Зеркало для героя», «Рой», «Патриотическая комедия»).

ВРЕМЯ:

1. Октябрь — месяц, названный «черным» ввиду последних событий, когда решающим аргументом в политических диспутах стало оружие.

2. Сентябрь — месяц, когда режиссер Хотиненко закончил свой фильм «Макаров», опередив известные октябрьские события на 30 дней.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

«Макаров» — фильм В.Хотиненко;
Макаров — поэт, герой фильма;
«Макаров» (вульг.) — пистолет системы «Макаров», герой фильма;
Владимир Иванович Хотиненко, русский, 1952 г.р. — режиссер-герой (не путать с «пионером-героем»).

То, что Хотиненко — режиссер-герой, для меня лично — вполне факт. Но мы в России, а именно неоспоримые, казалось бы, факты подлежат здесь наиболее всеобъемлющим интерпретациям (толкованиям). Пример из отечественной истории: однажды в мае по результатам первомайских событий возбудила прокуратура уголовные дела против всем известных, всеми своими глазами виденных в деле провокаторов. На интерпретации же, то есть толкования, понадобилось 5 (пять) месяцев. Этого времени хватило и уголовникам для новых, уже октябрьских, наказуемых поступков.

Короче. Объясняю то, что для меня — факт.

Поэта Александра Сергеевича Макарова считает своим достоянием весь большой провинциальный город, в котором он живет, — от возвышенной истерички («Только вы и Блок, Блок и вы!») до местного мафиози. Он почти краеведческая достопримечательность. С той лишь разницей, что в отличие от экспонатов краеведческого музея им не только гордятся, его еще и «трогают рука-

ми». Макарова бьют. Бьют за интеллигентную физиономию, за обходительность, за то, что не носит с собой сигарет — дать закурить. Бьют поэтично — то есть иррационально, без оснований. Впрочем, это всем известно: в России мордобой и поэзия — близнецы, поскольку рождаются чисто эмоциональным порывом, вдохновением. Макаров ищет защитника, ищет защиты. И находит — покупает пистолет системы «Макаров». Причем «однофамильцы» входят в отношения столь близкие, что «ствол» становится другом и поверенным поэта, меняет его самоощущение, его представление о собственном месте в жизни, меняет линию его судьбы в конце концов.

И в результате все у Макарова запуталось:

Осиной роли, а Хотиненко его и поправлять не стал — ведь в конце концов все мы тут маленькие и слабые. Как выяснилось, даже и Осипы.

В общем, все так запуталось с «Макаровым» и Россией, что единственным выходом из сложившейся классической русской ситуации стал подколесинский прыжок из окна в финале. В финале, где вновь за кадром прозвучит вопрос из начала: «Макаров» нужен?». Но мы-то уже будем знать, о каком из Макаровых идет речь. Макаров — без кавычек — нужен? Нужен поэт?

Кажется, этот вопрос имеет для Хотиненко личное значение. Земную жизнь пройдя до половины, режиссеры часто задаются вопросом, нужен ли миру художник. Не об этом ли «Во-

семь с половиной» (и надо еще выяснить, о половине чего идет тут речь). А необыкновенная трогательность «Макарова», истории о человеке и его потребности в защите, создается не столько образом Макарова в исполнении Сергея Маковецкого (которое замечательно), сколько образом самого режиссера. Поэтому юмор по поводу «Макарова» вроде: «Следующим фильмом Хотиненко будет «Песня о «Калашникове» — груб. Речь-то идет о больном, личном. О том, нужен ли миру поэт. А режиссер? Нужен ли миру Хотиненко?

И шутка эта не только груба, но и неуместна. Хотиненко хватит и «Макарова». Особенно если учитывать недавние события.

Кажется, Хотиненко создан, чтобы стать известным. Он фактурен: имеет бородку и картавость крупного чина земской управы или члена Дворянского собрания. Он носит пенсне, протрите, очки в золотой оправе и пиджак «кислого», «осеннего» тона с замшевыми «подлокотниками». Деликатен. Выпивает. Без напряжения может обратиться к официанту с формулировкой: «Браток, не сочти за труд...» Теннисист. Барственность и теннис заставляют вспомнить, что он был одним из двух учеников Н. Михалкова на Высших режиссерских курсах. Имея жилплощадь в Москве, работать, а значит, и жить предпочитает в отдалении от столичных тусовок. Он — трудоголик. Комнатка его кинофирмы «Рой» на Свердловской киностудии обустроена с заботливостью обломовской няни: перегородочки из папье-маше, обои в цветочек, чайник и мини-оранжерея. Ясно, где на самом деле для Хотиненко дом родной. Постоянные члены съе-

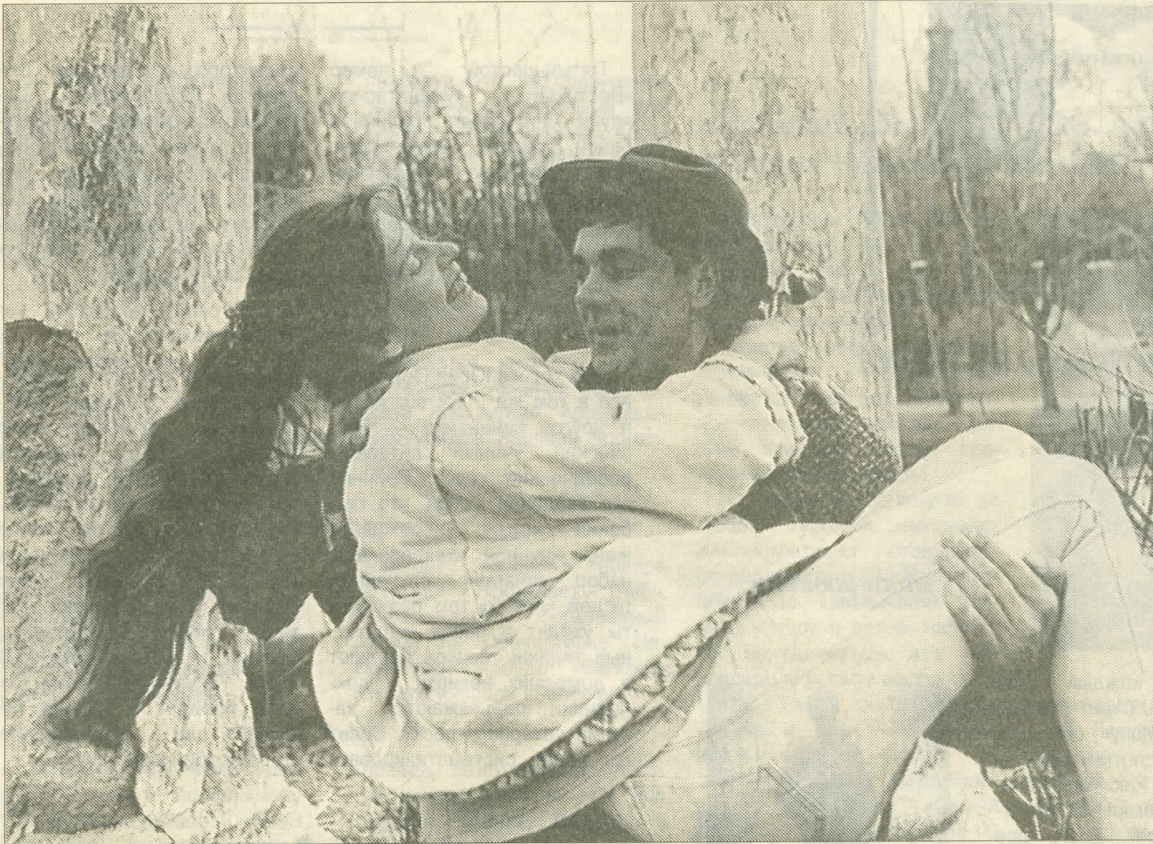
а) с женой, которая простила бы поэту роман с inferнальной Марго, но не смогла простить постмодернистской поэмы «Макаров» (на самом-то деле это было заявление в милицию о «нашел пистолет, иду сдавать». Знающие люди сказали поэту, что такие заявления пишутся каждый день и относятся в «ментовку» — чтобы металлического друга не отобрали);

б) с другом реальным, из плоти и крови;

в) с детьми, символически названными Анной и Осипом;

г) наконец, с родиной, Россией, которая так давит на нас своей исторической судьбой. Даже маленький Осип, заговоривший после долгого родительского ожидания, первое, что сказал: «Мне на плечики кидается век-волкодав»... «На плечики» — оговорился младенец — исполнитель

мочной группы — жена-соавтор, ассистент, звукооператор и директор фильма — даже в перерывах между картинами (а перерывы длятся не больше двух месяцев) каждое утро приходят на студию. Чаще всего Хотиненко они застают за столом напротив «оранжереи».

Его фильмы в разные годы становились вехами в нашем кино, он не сделал ни одной незамеченной картины. Хотиненко пользуется уважением критики и коллег, всеми любим, но, в сущности, за пределами профессионального круга мало кому известен. Он деликатен. Он эlegantен. Но он не умеет вести светских разговоров, обволакивать фразой, не умеет заниматься «промоушном» своих картин. Более того, не может. Не может из страха. Кажется, он создан, чтобы быть известным. Но именно этого избегает, этого он, не признаваясь в том, боится.

Как сказали бы «митьки», Хотиненко пуглив. Он боится стать феноменом. Скорее всего, он и снимает как заведенный из страха перед соблазном продвигать свои картины, стричь купоны и стать экспонатом. Иногда снимает именно об этом. О том, как человек стал известным, стал музейным экспонатом. Конечно, его «Макарова» я толкую очень свободно. Но ведь и фильм — о свобо-

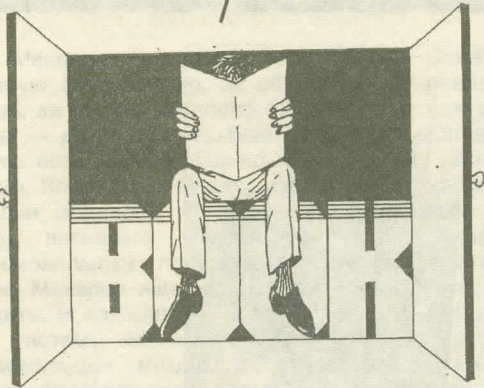
де. О том, как человек стал частью механизма, работающего вне его воли. Комбинированным образом снятый эпизод, когда поэт Макаров оказывается патроном в обояме «Макарова», когда он оказывается внутри пистолета и торчит беззащитно, спеленуто, плечиками-головкой в гильзе и вот-вот им выстрелят, — этим эпизодом все связано. И мучительный вопрос «Хотиненко нужен?» (искусству, народу, Родине), и страх перед известностью, «принятостью». Страшно стать известным, чтобы нашлась истеричка с фразой «Только вы и Висконти, Висконти и вы!». Страшно стать артефактом, чисто эстетической величиной, персонажем собственной судьбы, как это случилось с его Макаровым или нашим Говорухиным. Ведь связь между эпизодами всегородской любви к поэту и тем, что он в пистолете, — явная. Известность обязывает, надо расплачиваться с аудиторией (см. образ С.С.Говорухина). Известность — синоним несвободы. От этого не защитит никакое оружие. Ибо велик тогда соблазн для сильных использовать тебя, уже героя масс, в борьбе за то или се. А ведь это так страшно — оказаться в пистолете, в механизме, быть среди других «патронов», среди тех, кого используют для выстрела.

В сентябрьском своем фильме Хотиненко предчувствовал октябрьские события, предощущал человека, которым будут стрелять в других людей. Гайдара, который в блеске своего интеллектуализма призывает безоружных встать живой баррикадой на пути вооруженных. А Любимова с А.Политковским, которые вежливо порекомендуют безоружным сидеть дома и в силу своей известности будут объявлены чуть ли не предателями дела русской демократии.

В «Макарове» интуиция подсказала Хотиненко возможность ситуаций, когда люди, вне зависимости от своих убеждений, окажутся в «Макарове», в «Калашникове», в бутылке с зажигательной смесью. Так что он, безусловно, режиссер-герой. Герой эстетического сдвига, он революционно нарушил святое правило отечественной драматургии: пистолет у него появился в самом начале фильма, а ведь так и не выстрелил, не только в «третьем акте», но и никогда. И главное, Хотиненко — герой наших, этих вот, октябрьских дней. Когда не только слякоть, но и бабье лето и когда стало ясно — глупо искать защиты в оружии. Рано или поздно окажешься в нем. Внутри. И беззащитным.

На фото А.Белянцева кадры из фильма «Макаров»

Антресоли

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

мини-букини

Уникален каждый шаг русского поэта. Стоит ему где присесть, «двушку» обронить или просто споткнуться — биографы тут как тут и благодарные потомки с памятниками наготове. Всего две недели прожил Александр Блок с молодой женой на Спиридоньевке, а мемориальная доска — висит, только что и памятник встал. Руки в карманы сунул, ножку отставил — ровно демонстратор мод на показе; вот только плащ у Олега Комова какой-то резиновый получился...

Все это, конечно, замечательно (особенно «в наше смутное время»), но несколько инороден сей питерский парень в наимосковском этом уголке. Неда-

Фото Э. Кудрявцового

ром «Литературке» в глаз попала песчинка дальних стран: она сообщила, что монумент — «посреди сквера перед храмом Большого Вознесения»; за храм была ошибочно принята бывшая мастерская скульптора Томского.

целую полосу Джеймсу Джойсу! Наше же «Спасение» — позволило. В очередном выпуске рубрики «Иллюзион»: новый перевод малоизвестного рассказа «Джакомо Джойс», новый же перевод стихотворения из «Камерной музыки», содержательное интервью с главным джойсоведом СССР Екатериной Гениевой. Автор всего этого гнусного подкопа под социалистический реализм — молодой журналист, поэт и переводчик Глеб Шульпяков.

Едва ли в какой другой стране скромная экологическая газета может позволить себе роскошь посвятить

Пятый-шестой номер «Вестника гуманитарной науки» порадовал приличной белой бумагой... Выяснилось, что, покинув самарский Международный центр культуры «Волга», он перешел под знамена РГГУ, сохранив и дух, и букву, и даже главного

редактора — доктора филологии Ю.Б.Орлицкого. Самарцам же остается утешаться не менее замечательным «Обзрением культуры» (его, кстати, можно выписать и в Москве; весьма добротная культурологическая газета, и всего за 420 рублей!).

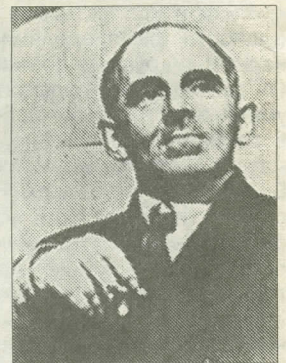
Все тот же Юрий Орлицкий, все в том же РГГУ возглавил и другое начинание — Российский ученый литературоведческий совет. Причина его создания в том, что глубокий кризис переживает жанр научной конференции: набор зачастую случайных людей, «левых» тем, результаты уходят в песок, раритетные тиражи тезисов оседают в домашних архивах, а докладчики разъезжаются, закупив сахарного песка. Совет же хочет систематизировать

всю работу русского литературоведения: обобщать прогрессивную филологическую мысль, издавать, помогать школе и вообще пересмотреть историю русской литературы XX века. Костяк Совета составляет поколение 40—50-летних: Галина Белая, Дмитрий Бак, Николай Рымарь, Натан Тamarченко, Михаил Гиршман, Валерий Тюпа. Первое заседание Совета пройдет в начале будущего года и посвящено будет Серебряному веку.

В издательстве «Республика» вышел очередной том «Мыслителей XX века»: статьи и выступления Мартина Хайдеггера «Время и бытие» (51 тыс. экз., весь тираж закуплен ТОО «АЛИР» и продается не меньше чем по 1300 рублей). Примечательно же

то, что в лице переводчика, комментатора и составителя книги Владимира Библихина Хайдеггер нашел не только тактичного проводника и тонкого интерпретатора, но и достойного со-мыслителя, равного со-беседника, да и просто со-брата.

«Ich muß nun leben, war schon zweifach tot» («Еще я жив, хотя я дважды умер») — так называется каталог мандельштамовской выставки, путешествующей в настоящее время по Германии (организаторы: Литературный музей и Мандельштамовское общество). На ней впервые: следственное дело 1912 года, редкие рукописи из закрытого фонда Принстонского университета и материалы университета Гейдельберга; надо ли говорить, что выставка пользуется бешеным успехом? Каталог же сотворен сотрудниками Литмузея под чутким руководством Павла Нерлера. Сам он напечатал там (опять же впер-

вые) подробную хронику жизни/творчества, а Ральф Дутли — две статьи плюс роскошная иконография и автографы. Увы, все это на немецком языке; в России каталог издать некому.

Александр Николюкин и ведомый им сектор литературоведения ИНИОН РАН выпустили две симпатичные книжицы: второй выпуск сборника «Русское литературное зарубежье» (великолепная статья Романа Гуля «Победа Пастернака», письма Цветаевой Юрию Иваску и т.п.), а также первую часть справочника «Писатели русского зарубежья (1918—1940)». От Аверченко до Ильина (включая почему-то в «зарубежье» Белого, Боборыкина и Горького), ком-

Под флагом холерного карантин были закрыты все книжные лотки у «Прогресса», в том числе и «гнозисовский». Отчаявшись отстоять полюбившийся кни-

Активную жизненную позицию занимает по-прежнему Дом Марины Цветаевой. «Всем вам, кто жил и умирал без страха» — так называлась выставка, посвященная Сергею Эфрону и вообще Белому Движению. Эфрона тут,

пенсирюя это недоразумение такими малоизвестными фигурами, как Николай Арсеньев, Петр Бицилли, Борис Божнев, Александр Гингер, Георгий Гребенчиков; написаны статьи с увлечением (порой покруче, чем во втором томе «Биографического словаря русских писателей»), подробно, например, освящается интимная жизнь Вячеслава Иванова или защита Михаилом Арцыбашевым убийцы Вацлава Воровского...

гоманам столик, в ноябре «Гнозис» открывает (тьфу, тьфу, тьфу) собственный салон на Пречистенке. Называться он будет «Салон педагогической книги», вот.

правда, было немного (нового вообще почти ничего), все больше Колчак, Деникин и другие писатели. Зато на почетном месте лежал номер «Столицы» с публикацией следственного дела С.Я.

Аз, bookи, веди

За что Овидия сослали?

Придя на свой авторский вечер в музей В.Сидура, М.Л.Гаспаров счел необходимым удивиться: этаким центр авангарда — и вдруг на классиков потянуло. Оказалось, однако, что ни знакомство с текстом выступления, частично опубликованным, ни отсутствие эстетического авангардного грохота не могут победить скромного обаяния интеллекта.

Журчал Михаил Леонович разнообразно и обаятельно: отрекомендовал две свои недавние книжки, объяснил желание переводить Тасса свободным стихом («Я перевел для забавы два листа, а там уж не смог остановиться»), прочел виртуозный перевод из «поэта периода упадка» Авсония, побаловал слушателей удивительной декламацией стихотворных диковинок начала века и побасенками из стиховедческой жизни...

Встал вопрос о ссылке Овидия, римского поэта, на дикий север — к Черному морю. За что тот был сослан — доподлинно неизвестно; средневековые искали причину в эллинской распущенности нравов, в коей был якобы повинен и наш поэт, век XVIII выискивал любовную интригу, век XIX — политическую, «иррациональный» XX — разглашение тайн мистерий... Гаспаров прибавил свое, не менее чем 112-е толкование: слова Овидия так невняты, потому что и сам он толком не был осведомлен о причинах опалы. «Ты осужден, — прозвучало ему из августейших уст, — а за что — сам должен знать». Такая неожиданно кафкианская трактовка Овидиевой судьбы, по признанию Гаспарова, приблизила античный Рим к расейским, века нынешнего, забавам.

Александр ГАВРИЛОВ

Игры деда-bookвоеда

«Великий был все-таки человек Михаил Никифорович!»

Полторанин тоже Михаил Никифорович.

Скажет ли о нем кто-нибудь, как Леонтьев (см. заголовки) о Каткове?

Задатки есть: в смысле одиозности Полторанин движется туда же. Любопытно, что именно одиозные фигуры приносят своему времени максимум пользы.

Но время их почему-то не любит: Тургенев, например, демонстративно отвернулся от протянутого ему Катковым бокала с шампанским. Однако «Отцов и детей» напечатал не где-нибудь, а в катковском «Русском вестнике».

Там же опубликованы: «Война и мир», «Преступление и наказание», «Бесы».

И что Михаил Никифорович с этого имел? «Самый гадкий и вредный человек на Руси», «Гениальный и незаменимый подлец».

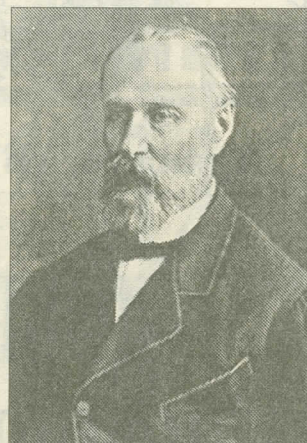
Зато умер миллионером.

Его «Московские ведомости» читали все: «начиная с Зимнего дворца и кончая оптинскими кельями»; архимандрит же Оптиной сказал: «У нас только Катков и есть, спаси его, Господи!»

А когда он умер — хотели ставить памятник. На Страстном бульваре, напротив его кабинета (где ныне СТД). «Надо бы представить его в виде трибуна, — писал Леонтьев, — с поднятой десницей и угрожающим лицом, а кругом худых и злых псов, змей и т.п. гадов, отступающих в безумном ожесточении перед его гением».

Гениален был — своей переменчивостью. «Великое чутье времени и срока». В молодости — друг Белинского, в старости — лютей враг его; требовал исключить «неистового» из русской литературы заодно с Некрасовым, Тургеневым и Островским.

Сперва с цензурой боролся, повзрослев — насаждал ее. Средствами не брезговал, Леонтьеву напоминал веначалника, который в минуту опасности запросто съез-

М.Н. Катков

дит солдату кулаком по морде. ...В Литературном музее — впервые — вечер, посвященный Каткову. 175 лет: не юбилей — повод.

Повод еще раз всплакнуть о России, которую мы потеряли; погоревать, что у нас не любят консерваторов; поименно вспомнить всех, кто поднял руку.

Вспомнили, что Катков преподавал философию в университете, что переводил Шекспира, что был первым профессиональным газетчиком; не забыли интриганства и как со всеми перессорился — с Достоевским, Тургеневым, Лесковым.

Назвали предшественником Столыпина — в том смысле, что желал «сильной руки», а в государство верил более, чем в народ.

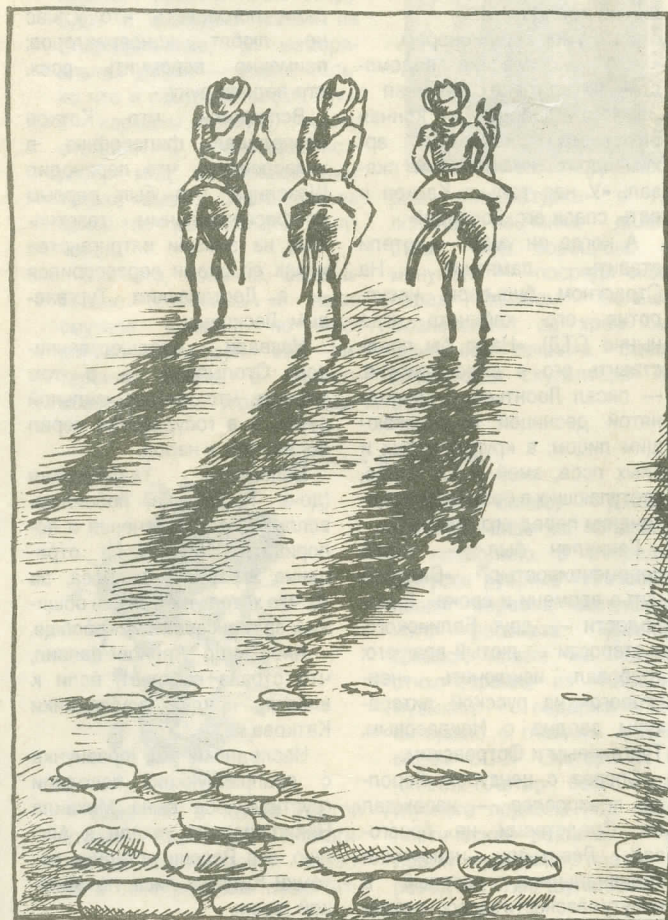
Валентина Твардовская (дочь поэта) не побоялась всплыть против течения и порицать Каткова за отрицание аграрного вопроса, за то, что хотел уничтожить общину, и за «консерватизм» вообще. Александр Аронов заявил, что страна выживет, если к власти придут наследники Каткова.

Наследники же (правнучка с праправнучкой) поведали грустное: оба сына Михаила Никифоровича уехали в Англию, а в России остались потомки Каткова лишь по женской линии.

Аркадий АВЕРЧЕНКО

ДОБРЫЕ КАЛИФОРНИЙСКИЕ ПРАВЫ

Предварительное обращение к военной цензуре

Дорогая военная цензура!

Разреши, пожалуйста, мне написать то, что я хочу; и не только написать, но и напечатать. Ведь ты понимаешь, что то, о чем я мечтаю ниже, настолько невероятно, настолько нежизненно, настолько не подходит к нашей русской обстановке в быту, что объяснить мои «мечты» подстрекательством — может только человек, имеющий что-либо против меня лично. А так как военная цензура не должна иметь на меня сердца (не давал повода) — то твердо надеюсь, что и все ниженаписанное увидит свет.

Любящий вас Арк. Ав.

Отрывок из Брет Гарта

..Несколько всадников с суровыми мрачными лицами подсакали к хижине конюхара Джо Мастерса из Красных Утесов — и спешились.

— Эй, Джо! Выходи! — закричал предводитель, стуча в толстую дверь рукояткой кинжала.

На пороге показалась молодцеватая фигура Джо Мастерса с двумя пистолетами в руках, но когда он увидел выражение лиц приехавших — руки его опустились.

— А я и не знал, кто приехал — хотел защищаться. Значит, дело кончено?

— Да. Я — представитель комитета общественной безопасности. Ты молодец, Джо, и видно, что уважаешь суд Линча... Видишь ли, против тебя показали два уважаемых гражданина Ревущего стана: мистер Кентук и мистер Пигсби... Дело верное...

— Что ж, — пожал плечами Джо. — Игра проиграна!

Он бросил пистолеты и задумчиво направился к дереву, на одной из нижних ветвей которого два рудокопа прилаживали тонкую волосяную веревку с петлей на конце...

Существующий порядок в России

— Саламаткин! Свидетельскими показаниями полиция установила, что ты продаешь недопеченный хлеб. Недопекаешь ты его для того, чтобы он больше тянул на весах. Кроме того, ты берешь за него на полторы копейки дороже против таксы. За это мы штрафует тебя на 300 рублей.

— Ваше благородие! Помилуйте. Подвозу нет, вагонов, шведский транзит в неисправности, волнения в Персии — нешто нам возможно выдержать?!!

— Кардамонов, взыщи с него!

— Господин городской! Обратите ваше внимание на этого проклятого извозчика № 100. Я выхожу из Литейного театра, нанимаю его в Троицкий, он с меня за это рупь просит. Нешто это дело? Грабеж это бесформенный!

— Ты чего же это, а? Штрафу захотел? Вот я замечу твой подлецовский номер, тебя тремя рублями штрафа и огрею...

— Господин городской! Нешто я как — по своей воле? Овес-то почему теперь, слышали? Хозяину я сколько должен привезти — слышали? 7 рублей. А вы — штраф. Штрах с меня возьмете, а я на других седоках отворачивать его должен. Городовой-то не все всегда поблизу.

— Ну, ты, разговорился! Дайте ему, господин, полтину — предовольно с него! Езжай, анафема!

— Послушайте, господин банкир. У вас там какие-то запасы овса оказались спрятанные. Не хорошо. Ну, какое, скажите, имеет отношение овес к банку? Правда, что по закону мы вам ничего не имеем права сделать, но совесть у вас есть — или как?

Порядок, о котором мечтает автор

К дверям хлебной и бакалейной лавки Саламаткина, что на Загородном проспекте, подскакали несколько всадников с мрачными решительными лицами. Они спешились и, гремя шпорами, вошли в лавку.

— Вы — Саламаткин? Хорошо. Мы — столичный комитет общественной безопасности, находящийся под покровительством властей. Вот эти двое солидных незапятнанных граждан сделали нам заявление, что вы продали им совсем непропеченный хлеб, вредный для здоровья, причём взяли за него на полторы копейки более против таксы.

— Штой-то, господа, — завопил Саламаткин, — подвозы нет, транзит из Персии...

— Тс!! — сурово сказал предводитель, зазвенев шпорами. — Имейте больше уважения к суду Линча!! Мистер Окуров, взять его! Мистеры Седакин и Лялькин, у вас уже приготовлена веревка на фонарном столбе?

— Готово, предводитель. Тут же на Загородном в двух шагах. Уж много граждан с нетерпением ждут результата суда.

— Значит, формальности все? Взять его!
Железные руки схватили Саламаткина...

Извозчик № 100! Это вы хотели взять с этого седока рубль за конец с Литейного театра в Троицкий?

— Да как же, господа, ежели будем говорить овес... опять же хозяин...

— Это нас не касается. Свидетельство двух уважаемых граждан имеется? Фонарь крепкий? Значит, все формальности налицо? Мистер Дерябкин — потрудитесь...

— Это — комиссионные дела нашего банка, и они вас не касаются!! Наш овес — мы его купили и можем выпустить его на рынок, когда нам заблагорассудится. Вы не смеете меня брать — нет такого закона...

Предводитель нагнулся с взмыленного коня и заглянул прямо в глаза банкиру.

— Нет, есть такой закон, — холодно сказал он. — Калифорнийский закон — закон Линча.

...Фонарь ласковым мирным светом освещал приближившееся к нему недовольное лицо банкира...

И что будет после введения такого нового порядка

— Господин! Ежели вы находите, что этот хлеб не совсем пропечен — я отрежу другой кусок.

— Нет, что вы! Хлеб великолепно выпечен.

— А то скажите только. Потом тут у нас такса ввешена; так мы с ней не особенно считаемся: на копейку все дешевле продаем. Все-таки, знаете, спокойнее — хе-хе!.. Мишка! Дверь открой господину.

— Извозчик! К Народному дому — восемь гривен.

— Это с угла-то Морской и Невского? Что вы, господин, — и половины довольно!

— Ну, ты тоже скажешь! Бери шесть гривен.

— Да ведь езды здесь хорошей 10—12 минут — за что же тут? Полтину извольте — больше никак невозможно! А то иначе и не поеду.

— Слушайте, г. банкир! У меня есть партия овса. Вы понимаете, 800 вагонов по пустышной цене. А если мы потихоньку перевезем его сюда и припрячем...

— Эй, кто там! Илюшка, Семен! Где мой большой револьвер... Держите этого субъекта, я сейчас буду стрелять ему между глаз!!

— Ну, хорошо... Ну, вот я уже и ушел!.. Очень нужно кричать...

Из сборника «Караси и щуки», 1917 г.
Публикация Р.СОКОЛОВСКОГО

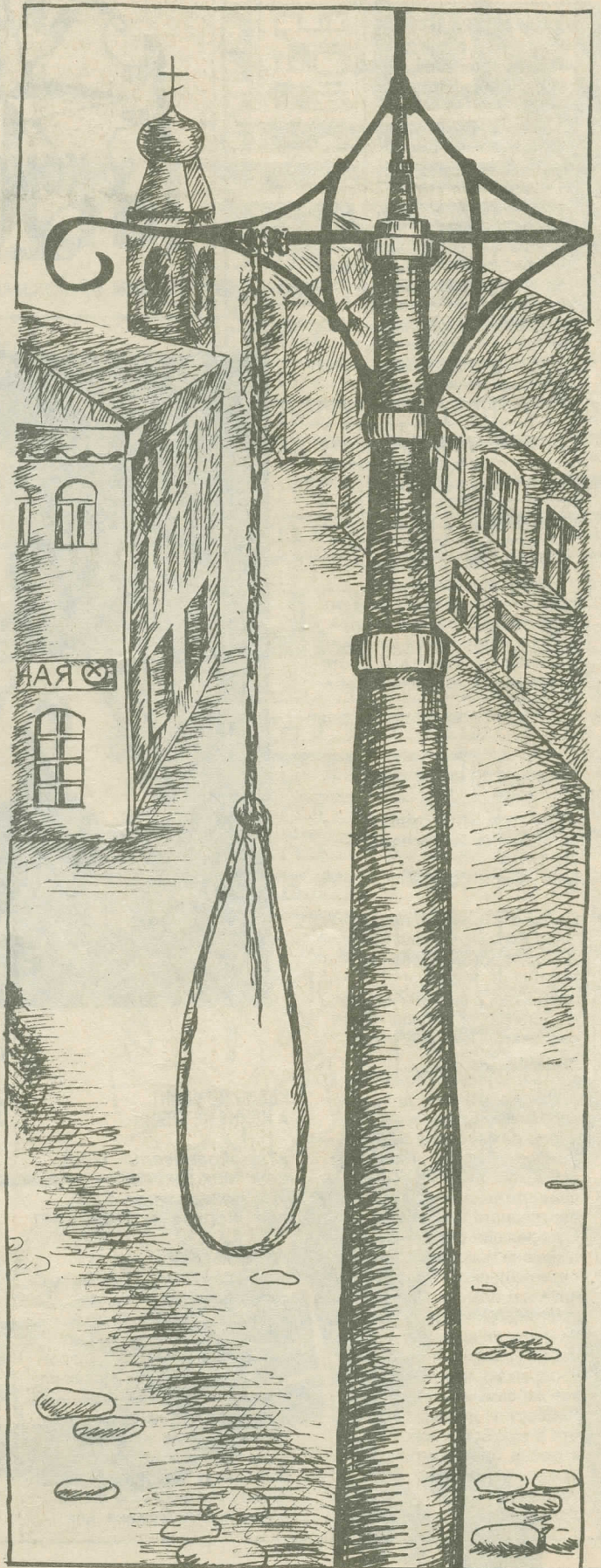

Рис. Е. Степановой

КАКОЙ АКТЕРИЦЕ!

«Просветление», США,
реж. Пенни Маршалл

В фильме «Король-рыбак» Робин Вильямс сыграл психа. В «Просветлении» наоборот — врача-психиатра, возвращающего — пусть и на короткое время — к жизни больных, которые годами и десятилетиями находились в состоянии физического и умственного «столбняка». Напарником у него здесь звезда первой величины Роберт Де Ниро в роли одного из пациентов. И возможностей для игры у него поболее — то входит в просветление, то выходит из оно. Но Вильямс все равно переигрывает его одной левой. Вроде бы ничегошеньки и не делает — глазки подслеповато щурит да застенчиво в бородавку улыбается, а понимаешь — перед тобой не просто Актер, но Актерице, равных, на мой взгляд, которому на сегодня (Николсон в «Кукушке» — это уже вчера) в американском кино нет.

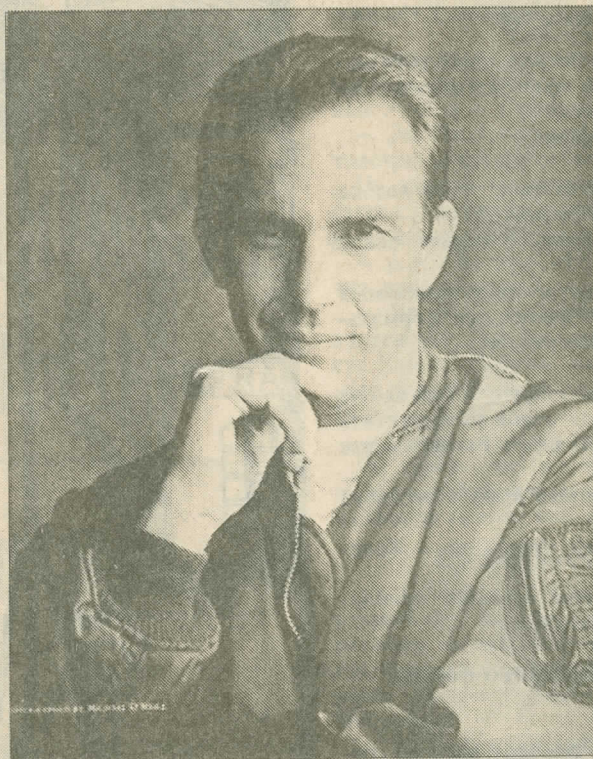
ПОМИНКИ ПО РЕЖИССЕРУ

«Сиеста», «Кладбище домашних животных — 2», США,
реж. Мари Ламберт

Смотрю «Сиесту». Звезды: Элен Биркин, Мартин Шин, Джоди Фостер, Изабелла Росселини. Красиво, элегантно, в сюжете ничего не понятно, сплошной «поток сознания». Понимаю — это не какой-то там третьеразрядный боевичок для всех, это кино для избранных. Благоговею перед режиссером Мари Ламберт. Смотрю «Кладбище домашних животных—2» — продолжение некогда популярного «ужастика». Озверевшие собаки, ожившие покойники, куски окровавленного мяса крупным планом. Понимаю — ширпотреб низкого качества, на порядок ниже первой части. Плююсь. А потом соображаю, что режиссер-то тот же самый — Мари Ламберт. И думаю, что в искусстве, как в любви, притвориться режиссером можно. Но только раз. Дальнейшее — молчание...

Фильмы представляет Петр Смирнов

Кевин Костнер

**КЕВИН НЕ КЛИНТ,
А КЛИНТ НЕ КЕВИН**

«Телохранитель», США,
реж. Мик Джексон
«На линии огня», США,
реж. Вольфганг Петерсен

Два кинобестселлера. С очень похожими сюжетами. С суперзвездами, которые играют телохранителей. У обоих схожие комплексы: один в свое время не уберег Кеннеди, другой не заслонил Рейгана во время покушения. В финале оба искупают вину, своими телами закрывая один президента, другой рок-звезду. Каждому свое. Клинту Иствуду («На линии огня») играть Мужика, для

которого главное — Дело, ну а девушки, а девушки потом. А Кевину Костнеру («Телохранитель») — Мужчин/к/у, для которого пистолет в кобуре хорошо, а две аппетитные грудки Уитни

Хьюстон в руках лучше. Мне же лично больше нравится герой Иствуда, нежели Костнера. И не по моральным соображениям. Это уже возрастное, наверное.

**БЕЗ ЖЕНЩИН НЕТ КИНО
НА СВЕТЕ, НЕТ!**

«Ключ», Италия,
реж. Тинто Брасс

Тинто Брасс любит женщин и любит наблюдать, как они любят через объектив кинокамеры. И не скрывает этого. Но главное, он так умеет заснять этот увлекательный и будоражающий сильную половину человечества процесс, что порнокадры становятся предметом искусства (пример — знаменитый «Калигула»). В «Ключе» время действия 1940 год. Действующие лица этой камерной драмы: старый муж, его жена (как говорится, женщина в самом соку), их взрослая дочь и ее жених. Пикантность ситуации в том, что муж выступает в роли сводника собственной жены и жениха дочери, ибо испытывает от этого эротическое удовлетворение. Написал и почувствовал: фу, какая пошлость. А у Тинто Брасса все это — несмотря на обилие сцен очень детям до шестнадцати — тоньше, изящнее, забавнее. Может быть, виной тому игра Стефании Сандрелли («Соблазненная и покинутая», «Развод по-итальянски», «Конформист», «Мы так любили друг друга»), которая, кроме того что хороша как актриса, столь же хороша, несмотря на бальзаковский возраст, в постели. А уж Тинто Брасс, как вы помните, умеет снимать актрис на белой простыне экрана.

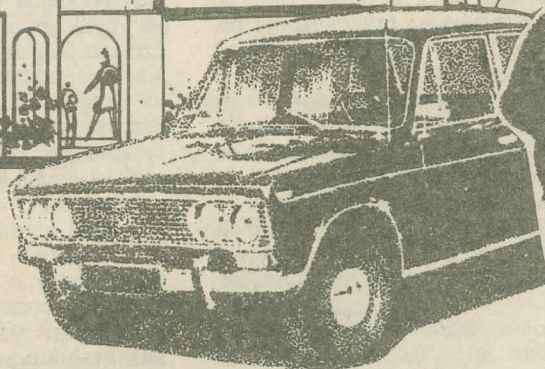
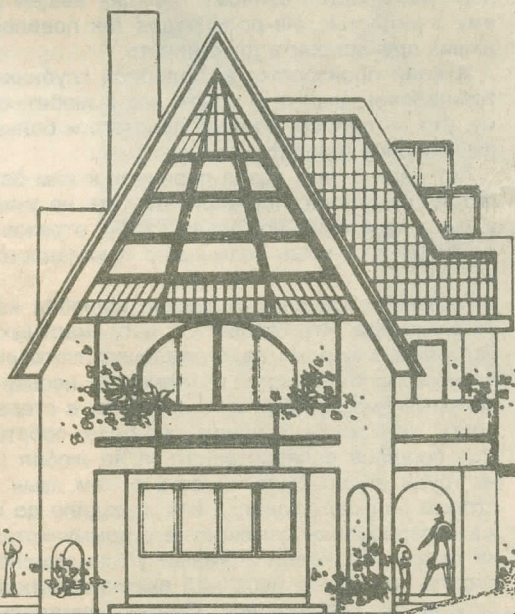
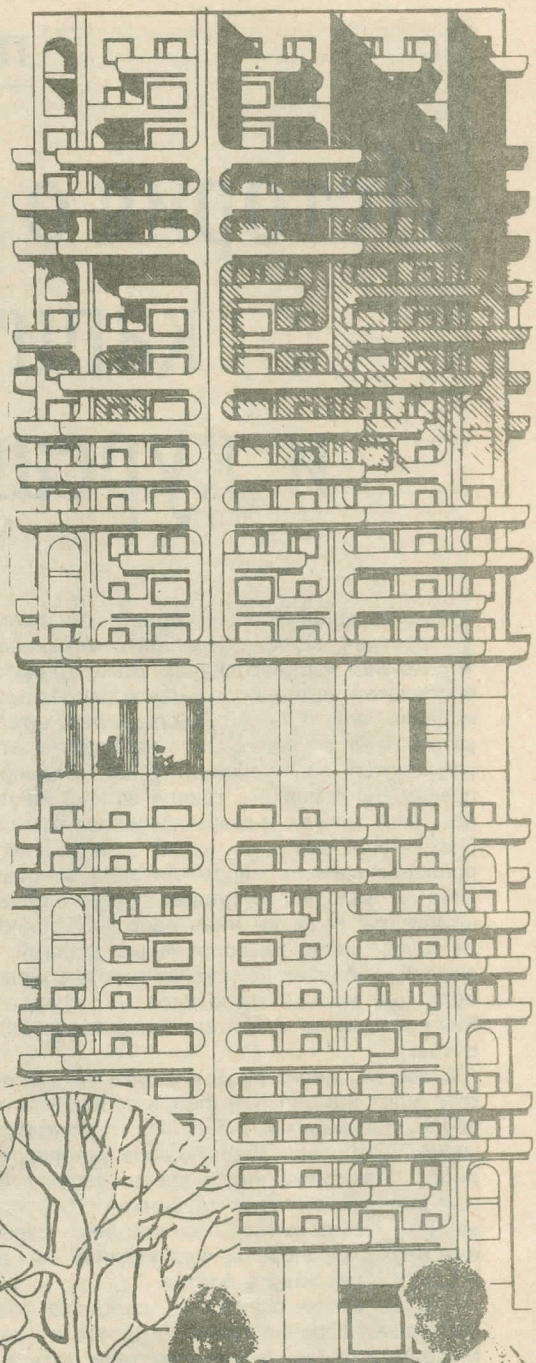
ВИДЕООБМЕН

**БОЛЬШОЙ ВЫБОР
ЗАРУБЕЖНЫХ
ФИЛЬМОВ-НОВИНОК!**
Для граждан — 200 руб. в сутки.
Для организаций по
безналичному расчету —
250 руб. в сутки.

Наш адрес:
Петровские линии
1/20
напротив гостиницы
«Будапешт»

ВАШ ДОМ — ВАША КРЕПОСТЬ!

Фирма «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ» поможет Вам решить жилищную проблему и экономически грамотно распорядиться сбережениями. Вступив в члены жилищно-строительного кооператива «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ», Вы получаете реальную возможность стать владельцем квартиры в Москве или коттеджа в Подмосковье.

Наш адрес:
Москва,
пл. Революции, д. 2
(музей В.И.Ленина).

Тел.: 928-83-01, 921-43-37.

Петр АЛЕШКОВСКИЙ

История о прекрасной Зинаиде, капитане Федотове и курсанте Котельникове

1

Гарнизонная жизнь вдалеке от столичных огней со всей ее запланированной отмеренностью, но безвременьем изрядно скучна. Даже точка не метит зелень российской карты, кроме как в секретных километровках, надежно упрятанных в несгораемый штабной ящик. Слава и ратные подвиги нынче не в чести, отвага и доблесть почитаются за смешной курьез. Бильярдная пирамида, преферанс с пивком, травля зайцев на лысых пригорках, болотная клюква и грибы занимают все свободное время. Посеченная дождями, стоит линия электропередачи — реальная связь с миром. Антенна спецсвязи — бездельница — изредка принимает пустые наработки столичных штабистов. Куда ни кинь взор — маскировочная краска да поля, жирно развороченные дорогой, красные аббревиатуры табличек на газонах городка. Врытые в землю забеленные колеса грузовиков — ограда детского сада. Кино и баня по субботам. Баню топят безвкусным антрацитом.

В восемь, двенадцать и в пять на северо-западе, за лесом гудит камвольная фабрика. Кто там теперь работает после сокращений — непонятно, но хриплый ревун неизменен. Прапорщик Фархутдинов уверяет, что в лесу поселился неведомый науке зверь. Запутавшись в собственных волосах, он тянет трубочкой губы, извещая болотную нечисть, что ложиться под холодный дерн не пришло еще ему время. Прапорщик Фархутдинов сам волосат, как тот зверь, и в лес ходить боится.

Что до самой службы — дело это обыкновенное, как прокисшая сорочья тушка на шесте в огороде Гречихина. Мелочные ссоры и происшествия хоть и обсуждают до слез и зубовного скрежета за граненым стаканом, но ветер сдувает все, плешивит по осени недобранный овес, гонит брюшины облаков по поднебесью.

А все ж так устроен человек, что тянет его больше на прекрасное, недоступное. И коли случится раз в столетье ИСТОРИЯ, то помнят долго, благоговейно передают из уст в уста с затаенной гордостью — у нас же было, не у соседей с Маркушева, тем только и знаменитых на округу, что своим старшим прапорщиком Савельевым Славкой, безотказным ремонтером личной офицерской техники: от заводных часов до жигулевского движка, тут, врать неча, — нет ему равных.

Но история — Истории рознь. Одно — рассказы про старину, про удаль Рюриковой дружины — там что ни удар, то лихой, что ни победа, так славная; с начала перестройки все ими зачитывались; да, грех сказать, поостыли. То, что нынче с заглавной буквы, с ее репорте-

рами, прямым эфиром, враньем и мафией в «шевролях», как лишний укус к пельменям, сушит язык и гортань, оседает на зуб металлом, рождает надпеченочную досаду, вредное для воина бессилье и затяжную злобу, опасную в замкнутой среде, как искра на складе ГСМ, кража личного оружия, повальное дезертирство господ из ближнего зарубежья. Беспрестанная звинченность, пустое дискутирование гибельны для служивого. В чувстве локтя, в грохоте сапогов на пыльном плацу, в лебедином парадном повороте головы, даже в скучной, никому и не нужной ежедневно повторяемой рутине должно черпать свою маленькую, но гордость, маленькое, но счастье, ибо жизнь тогда слаженна и четка, когда приятно познать себя в отношении к естественному порядку вещей и подчиниться ему с радостью. Из роду родов так повелось, и не резон лишка прекословить да умничать.

И коли произрастет в подобной глубинке редкий цветочек-человек, уж его и ценят, его и любят, особенно потому, что — пример, а нрава простого и больше дело делает, чем слов говорит.

Лет эдак с пять назад перевели к нам батальонным капитана Федотова. Поговаривали, что не ужился в Москве, и была там, конечно, некая тайна, отраженная в личном деле. Ссылка лишь возвышала присланного в наших глазах.

Грозный полковник Нетлихин полюбил капитана с первого взгляда. Что говорить о нас, смертных, не нюхавших настоящего пороха, не страдавших тяжелее, чем от сорванного ногтя, чесотки и затяжного несварения желудка. Федотов бывал ранен и служил, как в старых книжках, — честь офицерскую ценил превыше собственной жизни. Про прошлое распространяться не любил (по иконостасу на груди видно было — есть о чем язык постесать), за столом больше слушал, а как доходило до мутного галдежа и перебранки демократов с коммунистами, брал в руки гитару и заводил афганщину или романсы. Тишина зависала, что литое небо над высоковольткой, печаль пробирала до корня волос. Сладко думалось: эти-разъети, ребята, жизнь продолжается!

Одно было в нем странно — холостой. Женскую тему, в нашем котле святую, готов был Федотов поддержать, но, захватив инициативу, глушил форсаж анекдотчиков, не в обиду и деликатно. Выходило вроде, что не бабы кругом, а спелые женщины, не клубные бляшки, а красавицы кисти мастера. Жалостливцем не был, просто глядел старомодно и по-иному. Стоило кому пройтись по федотовской целомудренности, как болтуна пресекали — уважение даже такое своеобразное перебарывает.

А ведь в клубе не простаивал у стен — любая б с ним

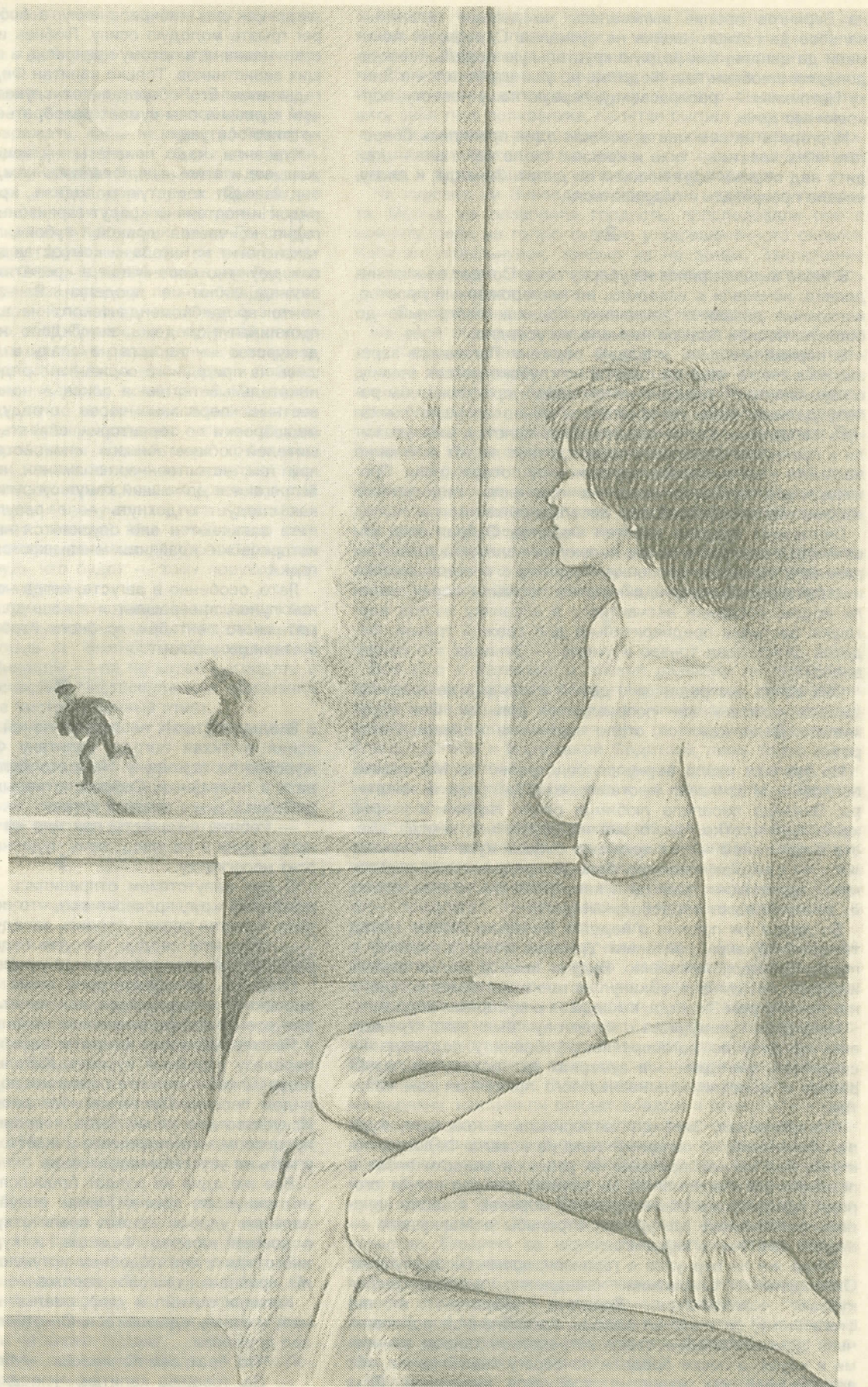

Рис. А. Жабинского

на Берингов пролив выписалась, но дальше галантных вальсов да потного шейка не пускался. Словом, не понимали да ценили, как редкую хрустальную медаль, пока не доперло: влюблен наш Федотов, по уши втрескался в Зинку Нетлихину — раскрасавицу, первую нашу невесту, полковничью дочь.

И, сгореть на сем месте, все как один принялись оберегать и пестовать — тихо и красиво он по ней таял — как дитя над первым одуванчиком во дворе. Зинаида, к слову, начала прозревать и поддаваться.

2

В июле вышел приказ на уборку сена. Солдат возили недалеко, ночевали в казармах, но неогороженный простор, колхозные девахи и земляника подняли настроение до боевого. Косили больше неумело, но усердно.

В первый же день младший сержант Пальчиков зарезал ежа. Не то чтоб до смерти, но глубоко рассек бочину, с изумлением поглядел, пнул сапогом и продолжал бы работу дальше, кабы не сбежались вечно алчущие сачканы солдатики. Кто-то пожертвовал пилотку, ежа уложили и принялись заключать пари: сдохнет ли тот в течение часа или к ночи, переохладившись от потери крови. Производилась проверка носа на горячность, подопытного взбрызгивали водой, словом, веселились как могли.

Симпозиум прервал капитан Федотов. Забрал ежа, восстановил порядок и понес калеку на полевую кухню. Там раненого облепили девчонки. Федотов с временным санинструктором Зинаидой аккуратно промыли порез, залили йодом, посадили несчастного в корзинку из-под картошки, застелив предварительно дно свежей травой. Федотов действовал трезво и умело — Зинаиде это понравилось.

Она взяла пострадавшего домой и каждый день докладывала капитану, как поправляется больной. Они сдружились. Дело, кажется, стало принимать желаемый оборот.

Но тут как назло вернулся со стрельб из Маркушева полковник и приказал выставить ежа за пределы квартиры. Зинаида поселила любимца около гаража в старой кроличьей клетке. Часто она навещала его, иногда вместе с капитаном — тот приносил с кухни кусочки свежего мяса — ежи, как известно, больше предпочитают серьезную пищу всяким травкам и капустным листочкам, коими их вечно пичкают сердобольные дети.

Во дворе еж прожил с неделю. Вечером, сдавая назад тяжелый «Днепр», лейтенант Урываев впечатал клетку в гараж. Еж сдох мгновенно. Будучи пьян и желая замазать инцидент, лейтенант выкинул останки на помойку, где и нашла их утром Зинаида, вышедшая с мусорным ведром.

Мотоцикл принадлежал Федотову (был взят Урываевым на день по договоренности), бабки у подъезда — свидетели трагедии — в сумерках да со слезу не разобрались и донесли, что несчастного прикончил сам капитан.

Оскорбленная, Зинаида затворилась в квартире, ждала объяснений, но свидетелей сама не искала. Федотов, понятно, без веской причины не решился нанести визит в полковничьи апартаменты. Он кружил дня два вокруг огорода, где девушка обычно полола морковь, а после началось батальонное дежурство, стрельбы в Маркушеве — недели две они не видались.

Когда же он вернулся в гарнизон, время было упущено. Охлаждением отношений немедленно воспользовался курсант Котельников. Действуя энергично и постоличному, он полонил сердце оскорбленной полковничьей дочки. Молодые стали встречаться тайком вечерами в клубе, а после бродили по берегу нашей речки, ибо влюбленным, как известно, требуется уединение. Луна

тогда как раз набирала силу, а бобры выползали на берег грызть молодую осину. Любовь их, поверьте, была чиста и невинна, а потому прекрасна в глазах даже окружающих завистников. Только капитан Федотов ни о чем не догадывался. Его оберегали от слухов, решив, что настоящий мужчина сам сумеет разобраться в создавшейся щекотливой ситуации.

Курсанты, надо признать, — наша вечная беда. Свеженькие и стильные, появляясь каждое лето на практику, они заводят холостую молодежь, крушат уставной распорядок и постоянно крадут гарнизонных невест. Дело ежегодно кончается дракой, «губой», выговорами, приказы так и летят из штаба, и комсостав в Желтом доме, засыпая, неуютно ворочается в кроватях, вспоминая свои восемнадцатилетние проделки. В части устанавливается нечто вроде комендантского часа. Седое офицерство, проклиная молодежь, вынуждено нести дополнительное дежурство — то есть не спать в караульной, положившись на приданного сержанта с рядовыми, а заводить увлекательные погони и поиск в ночи, сторожить общеизвестные перелазы через ограду, совершать тайные маршброски по территории, сбивать ноги в поисках нарушителей общественного спокойствия. График службы при том, естественно, неизменен, невыспавшихся поутру запрягают в домашний хомут супруги, малые дети не дают как следует отдохнуть — в результате люди к концу лета сатанеют и зло опускается на дно, в казарму, где исторически крайними оказываются затюканные первогодки.

Лето, особенно в августе, когда ночь спокойна под полной луной, превращается в кошмар. Все ждут конца, безмятежного сентября, грибного изобилия и щучьей ловли в старицах у реки.

3

В одну из таких последних ночей августа, когда стояла ясная и тихая погода, капитану Федотову выпало дежурство по гарнизону. Не в его характере было просиживать в помещении. Собрав четверых подчиненных, он обратился к ним с краткой речью:

— Ребята, вы знаете, при мне не поспится, а потому — ноги в руки и на улицу, ночь чудесна, а свежий воздух чистит носоглотку.

С сим напутствием отправились в обход. Свершив положенный круг, проверив все, что полагается в таких случаях, капитан решил устроить засаду.

— Чует мое сердце, сегодня будет улов, — сказал он, расставляя четверых в кустах у перелаза.

Стараясь не производить шума, принялись ждать. Не прошло и четверти часа, как капитан подал знак. Вскоре уже все отчетливо различали неясный звук.

По главной аллее открыто, веселой походкой спешил к перелазу стройный курсант. Китель расстегнут, фуражка на затылке — он шагал, напевая под нос с самым мирным видом песенку Пугачевой «Миллион, миллион алых роз». Искусство его пения было невелико, но он так увлекся процессом, что сидящие в секрете невольно заслушались и чуть не упустили нарушителя.

Все же один из солдат бросился вперед, догнал певца и стукнул по плечу. Мигом очнувшись, тот профессиональным ударом сразу препятствующего наземь, но тут подоспел капитан Федотов, и курсанту не оставалось иного, как стать подобием истукана, уперши глаза в землю, признавая тем свое поражение.

Капитан оценил и удар, смелый и мастерски исполненный, и отвагу сдающегося. Он отвел его в сторонку и сказал дружески:

— Что, брат, сам понимаешь, «губой» пахнет.

— Да, товарищ капитан, — подхватил юноша, — пони-

маю, но прошу, выслушайте меня сначала как мужчина мужчину.

Он держался учтиво и доблестно — капитан решил слушать.

— Моя фамилия Котельников, курсант Котельников, — начал задержанный, — и я знаю, что мне полагается «губа». Я не стал бы возражать, кабы не одно обстоятельство. Сегодня наша последняя ночь — сборы кончаются, мне придется ехать в училище. Здесь живет девушка, красивая девушка, мы любим друг друга. Она будет ждать меня, но все осложняется тем, что она дочь Нетлихина, а же — сын полковника Котельникова из Генштаба. Наши отцы не любят друг друга нынче, они старые знакомые еще по академии. Знаю, здешний командир будет в бешенстве, узнай он раньше времени про выбор дочери: Нетлихин — коммунист, мой папаша — штабист, а значит, за Ельцина, это ж ясно, так? Полковник с супругой сегодня в отлучке, Зина дома одна, мы договорились о встрече. Если я не приду — она не поймет, а если даже и поймет, будет упущен шанс, вы, надеюсь, понимаете? Мы поженемся — это железно, ничто не изменит положения вещей. Потом, наверно, я брошу академию, это — отцова блажь, мы оба по горло сыты армией и не хотим всю жизнь погибать в глуши, как не хотим и пользоваться протекцией Генштаба. Зина, поверьте, сама настояла, чтоб сегодня, перед разлукой, я получил то, что полагается супругу (так она красиво сказала). Мне необходимо сейчас идти. Прошу вас, отпустите меня до утра. Перед побудкой я вернусь, и будь что будет — тому порукой моя честь курсанта и слово мужчины.

Капитан Федотов раздумывал недолго — весь вид юноши, речь его, столь необычная, прямая, гордая, но без надменности, весь порыв и честность обезоруживали. Сыграло роль и имя Зинаиды — он не хотел выглядеть в ее глазах губителем счастья. Чистосердечное признание предполагало столь же чистосердечный ответ.

— Согласен, — сказал он просто. — Иди. Утром жду в караулке.

Курсант отрывисто поблагодарил и рванул к перелазу. Капитан отправился к подчиненным. Ночь просидел на диване, слушая легкую музыку по радио. Пил чай под солдатский треп, коротал время до утра.

4

Зина встретила своего курсанта в дверях, она была взволнована.

— Что тебя так задержало?

Она пыталась упорно, и, видя, что скрывать бесполезно, ища у нее поддержки, он во всем признался.

— Хорошо, — твердо сказала девушка, — позже решим, как поступить, а сейчас пойдем на кухню и не думай ни о чем — капитан Федотов самый честный человек в гарнизоне, надеюсь, все обойдется.

— Но я должен сдержать слово, — заносчиво твердил курсант, посвященный в их прежние отношения.

— Ты его и сдержишь, — пообещала Зинаида, взяла за руку и повела на кухню. Не в силах скрывать восторга, он припал к ее рукам, обнял ее, и свершилось то, что было ими задумано.

Под утро был выработан план. Зинаида решила бежать с любимым в Москву и там обвенчаться — они сжигали за собой мосты. Но сперва следовало явиться в часть, к капитану, и, когда курсант собрался уходить, Зинаида вдруг решительно настояла: «Я пойду с тобой!» Он понял — отказать значило оскорбить ее. Он согласился.

Рука об руку отправились они в гарнизон и предстали перед очами капитана и четверых солдат.

— Мы явились, — честно заявила Зинаида. — Если Ле-ша виноват, я виновата не меньше.

Капитан театрально нахмурился. Он понимал, что девушка блефует, прикрываясь именем отца и бывлой их дружбой. Еще ночью он решил не казнить курсанта строго, коли тот придет ко времени, но ситуация изменилась. История могла всплыть наружу, и легко было представить себе гнев полковника. Капитан сыграл неожиданно.

— Пожалуйста располагайтесь, — он приоткрыл дверь каталажки и поглядел на часы, — я сдам вас утренней смене, и пусть решают в установленном порядке.

Ни курсант, ни Зинаида не ожидали подобного поворота. Молча, не позволила гордость, проследовали они в комнату, сели на голую скамью у зарешеченного окошка. Капитан ухмыльнулся, закрыл их на замок. Заключение длилось недолго. Через пятнадцать минут дверь открылась — на пороге стоял капитан.

— Вы свободны, — объявил он торжественно.

Не веря счастью, молодые выпорхнули на свежий воздух. Капитан хотел что-то спросить, но неожиданно, чуть раньше положенного, ввалилась дневная смена. Задержанные предстали пред очами капитана Портнова, человека болтливого и склочного, дверь каталажки предательски была отворена. Тайна становилась секретом — Полицинея. Им не оставалось другого, как бежать.

На следующий день курсант Котельников отбыл в Москву. Через день за ним последовала Зинаида, не дождавись родителей, оставив им подробное, но сумбурное письмо на обеденном столе.

Прибыв домой, полковник ходил мрачнее тучи. Нашлись добрые люди, что донесли ему с прикрасами историю ночного пленения. Над капитаном Федотовым нависла гроза.

5

Все шло к развязке, и плохой развязке — полковник принялся придирается к капитану, а так как придраться было не к чему, изводил подчиненного по известной схеме, ждал только случая. Мы со стороны, сраженные благородством и выдержкой Федотова, лишь тайно выказывали сочувствие — добровольная сдача позиций, невыносимый вид, будто ничего и не произошло, поразили всех необычайно.

Тут случился второй московский путч. Он смешал карты, лишил полковника привычных козырей. Спецсвязь требовала немедленного выдвижения на Тулу, чтоб, вероятно, затем следовать в арьергарде на столицу. Телефон предлагал тянуть резину. Нетлихин затворился в штабе, никого к себе не допускал.

«Боевая тревога» прозвучала как гудок камвольной фабрики, но дальше только изображали действие — офицеры перессорились вконец. Лишь Федотов, приведя свой батальон в полную боеготовность, с отрешенным видом ковырял на плацу камешки сапогом и на истерические вопросы отвечал вяло: «Есть кому за меня подумать». Его спокойствие, надо признать, нас несколько трезвило.

Наконец выступили. Сутки месили грязь до Тулы. Вошли на окраину, накормили солдат обедом и повернули назад. История, в который раз, обошлась без нас, победа свершилась. Гарнизон, взбодороженный и подавленный одновременно, рядил о случившемся: жаль было сожженного «Белого дома» (точнее — денег на его восстановление), афганца Руцкого. Единодушно приветствовали только арест чечена Хасбулатова, ругали фашистов, правительство, Ельцина за нерешительность и страх первых часов, гадали о будущем.

Оно превзошло ожидания: полковника Нетлихина отстранили от должности немедленной проверка, и тот, обиженный, подал в отставку. Отставку приняли. Комиссия на скорую руку произвела перетряску, Федотов, надо сказать, получил долгожданного майора.

Выпал первый снег. Дороги совсем развезло. Жизнь

входила постепенно в привычную колею. Нетлихин, к чести его будь сказано, заходил к нам запросто, вздыхал радостно, хвалился свободной жизнью и удачно выгнанным самогоном, но Зинаиду не поминал.

Рана еще не зарубцевалась. Тут как снег на голову свалились из столицы молодые. Приехали каяться. Нетлихин на удивление радостно их принял и даже благословил (любопытствующие соседи тут же разнесли пикантную весть по городку). Но тем не кончилось. Через двое суток прискакал вдогон сам Котельников-старший. Вечером они уже парились в бане. На другой день собрали ближайших друзей за столом, с запозданием отмечая то ли свадьбу, то ли всеобщее примирение.

Позвали и Федотова. После торжественной части счастливые молодые поведали собравшимся историю с гауптвахтой. Много и громко смеялись, славили новоиспеченного майора, незло подтрунивая над ним. Тот казался счастливецом.

— Я, между прочим, ежа не давил, — признался он под шумок Зинаиде.

— Я знаю, теперь знаю, — поправилась новобрачная, скрывая неловкость за показной веселостью.

На другом конце стола старший Котельников изливал душу отцу невесты.

— Ты прости, Коля, что не успел вмешаться, комиссию проглядел. Я квартиру молодым пробивал, сообразно моменту, значит, — на радостях дали. Мой-то, сукин кот, уперся — в армии не останусь. А что, говорю, в ларек пойдешь торговать? И пойду, говорит, поначалу, а там видно

будет. И твоя его поддерживает.

— Ладно, Василий, — размякший, совсем уже не начальственный Нетлихин похлопал родича по плечу. — Я тут теперь битый, своим умом проживу.

Договорились на открытие охоты, весной стрелять уток. Нетлихин выпрашивал столичного гостя о четырехмиллионном пособии, обещанном к отставке властями. Домишко в деревне он отгрохал загодя, списанный газик Савельев из Маркушева превратил ему в конфетку — полковник мечтал о бане, тракторишке, картошке и огороде. Кто б мог подумать, что так изменится человек и как, оказывается, мало ему надо.

Все казались довольны, сыты и, изрядно выпив, упростили Федотова сыграть на гитаре. Тот заиграл.

Мы, что помоложе, курили на лестнице, и Ванька Костин рассказал историю. Третьего дня они гудели в деревне у Саломадина, тракториста с ПМК. Тот, парень тихий и убитый, схлопотал ни за что год условно, и когда кто-то из ребят полез к Саломадихе под юбку, мужик, чтоб не натворить лиха, тихонько вышел на улицу и ночь проспал в нетопленной бане. Саломадинскую Таньку все знают, потому мы поржали и пошли слушать Федотова. Пел он задушевно, чувствуя момент и внимание собравшихся. Невеста бросала на него потаенные взгляды, была печальна и чем-то, кажется, весьма недовольна. И такое что-то воднялось в душе, что не передать словами.

30 октября 1993 года

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

МАККАРТНИ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Гиена Зоя, староста ночного хора гиен, долго хлопотала и наконец выписала дирижера из шестой волны эмиграции, сову, партийная кличка Седой.

Он, однако, прилетел со своими нотами, и, когда хор гиен в первом часу ночи мощно затянул новый репертуар «Как дело измены, как совесть тирана», затем песню «Тяжелой неволей», «Вы жертвою» и, наконец, гимн политкаторжан «На десятой версте от столицы», все в округе не могли уснуть, и кое-кто плакал.

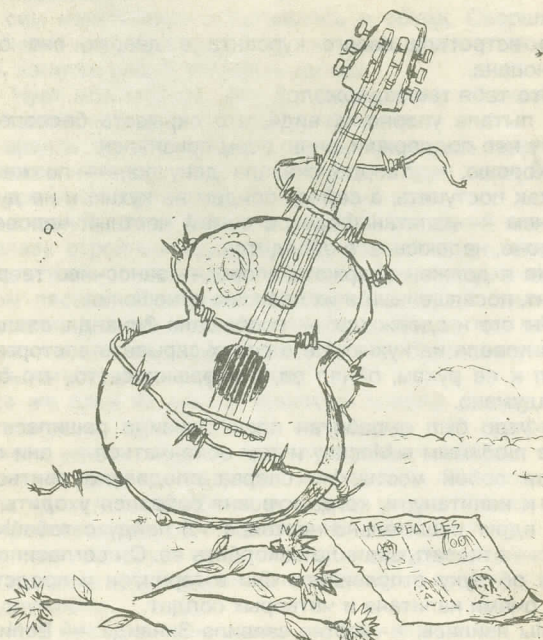
Козел Толик с мокрой от слез бородой поперся на старое место в огород и долго беседовал через забор с ромашкой Светой о ценах; волк Семен Алексеевич впервые всерьез задумался о гиене Зое и о ее имени; воробей Гусейн все ворочался в бузине и читал старые бабины письма из ака-туйской тайги, а клоп Мстислав снова и снова, сидя на простыне, клялся отомстить за кровь отца.

Утром все, однако, просохли и не стали возводить баррикады, тем более что была горячая пора консервирования, и даже леопард Эдуард, большой сибарит, закатал пять трехлитровых баллонов пирожных безе.

Дирижер сова Седой, однако, на следующую ночь зафиндидил концерт из произведений зарубежных композиторов, и хор гиен могуче исполнил песню «Мишел ма бел» на слова Маккартни, музыка народная.

И все улеглись спать счастливые, такова сила искусства.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—45.

худ. А. Лукьянчиков

СКАЖИТЕ, ВЫ ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ?

...Жизнь художника — относительная свобода вообще и несвобода от себя. Ты сам себе диктуешь. Я выбрал эту профессию только потому, что она одна из немногих давала возможность не иметь начальника.

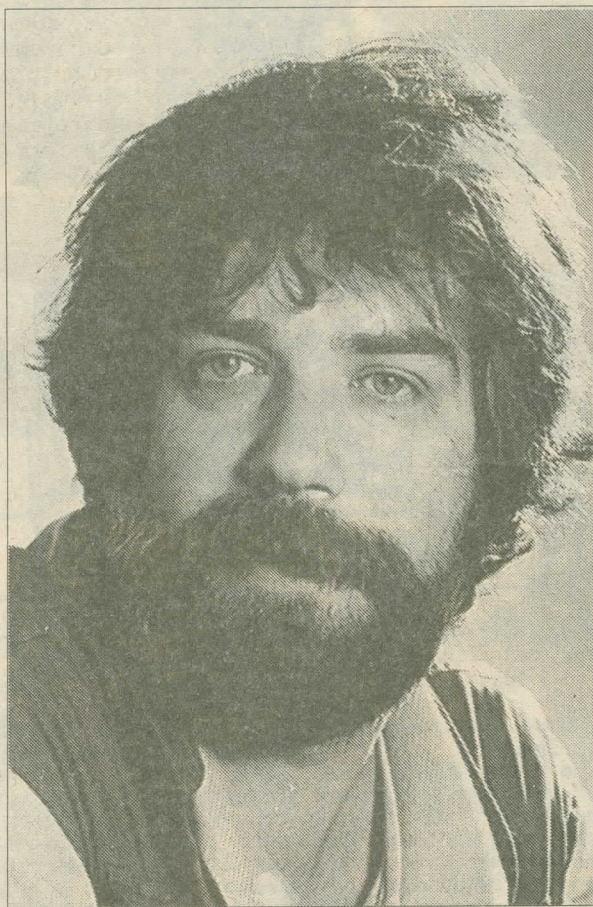
...Родился? Родился я за границей в городе Черновцы. С родителями — они у меня геологи — ездил по всей стране. Стрессы начались уже потом, в городе. Нет, город я люблю. Есть такие красивые места. Видите, вон на крыше березка выросла? А руины еще прекраснее. Так Роден считал. А вы не замечали, что развалины церкви, например, красивее, величественнее, чем отреставрированный, подновленный храм?

...Вы когда-нибудь были на археологических раскопках? А я бывал. С ними связано мое самое сильное впечатление. Мне тогда было лет 16. То есть впечатления случались и раньше, просто я о них не задумывался.

Раскопки. Курган — двойное погребение. Очевидно, был похоронен воин. Две тысячи лет назад.

А рядом — немецкие блиндажи последней войны. В земле попадаются то труха костей, то оплавленная кружка, то звездочка ржавая. И все рядом: сейчас, несколько десятилетий и двадцать веков назад в одном статичном времени. И происходило со мной то, что свойственно детству, и то, что мы теряем с каждым днем, когда взрослеем. А вы думаете, что приобретаете что-то с годами?

Стояла такая жара, что работать можно было только с семи утра до часу. И как-то раз все уехали на обед, а я остался. Раскапывал этого — метр девяносто — ростом, рядом с которым лежал наконец-

Художник Сергей Мирошниченко

Художник Сергей Мирошниченко в Москве в последнее время бывает редко, в бурной арт-жизни не участвует, а потому широко известен только узкому кругу своих друзей и знатоков. Но работы его, которых почти нет в российских собраниях, в Европе украшают частные и музейные коллекции. Специалисты называют его искусство психоделическим. Обсудить терминологию критиков Сергей не стал. Да и вообще получился у нас не диалог, а скорее монолог художника. Впрочем, в этом монологе есть ответы на возможные вопросы, а также вопрос, на который каждый должен найти свой ответ.

ник стрелы. Стою в яме и наверх выбрасываю лопатой землю. Все ниже, ниже. Наверху голубой квадрат неба и трава зеленая. А земля черная, сыроватая, как будто только что засыпанная.

Вы когда-нибудь копали лопатой землю? Срез свежий, осыпается по краям. Сам шурф когда-то, наверное, вырубали заступом. Глина влажная, с трещинками. Вот следы заступа, а вот — моей лопаты. Две тысячи лет назад кто-то тоже стоял в яме и опирался о стену, теперь я рядом ладонь положил. Двадцать веков спустя.

А вечером мы пошли в поле. Забрались на скирду соломы. И я вдруг оглох. Небо было так близко-близко. И не черное вовсе, а яркое, горячее, потому что звезд стало так много, что они натыкались друг на друга. И я перестал себя чувствовать. Оболочку свою перестал ощущать. Я был тогда счастливым человеком.

...Иногда, чтобы жить в нашей реальной жизни, я пытаюсь выработать в себе... слово забыл, ну то, что заставляет быть активным. А! здоровое честолюбие. Только не знаю зачем? Мне надо себя взвинтить вот так, иначе я буду все время сидеть, думать «ни о чем» и рисовать. Никаких замашек на глобалки, «Герники», черкаю что-то и все. Картины — мои размышления, пометки. Их можно записать так или по-другому. Словами или нотами.

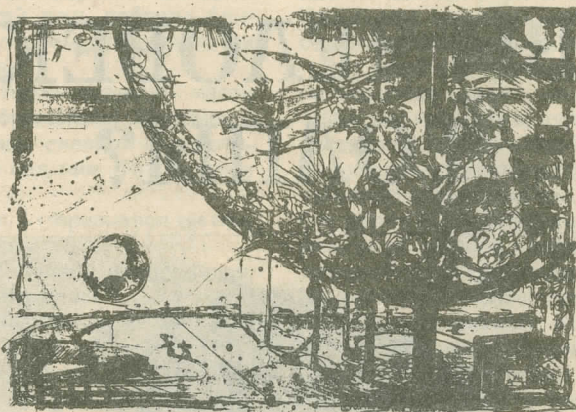
...Вы знаете нотную грамоту? А я нет. Для меня ноты — изобразительное искусство. Но вот представьте: на концерт пришли профессионалы, критики, музыканты, изощренные слушатели. А еще пара влюбленных, которые ничего не понимают, и Вася пьяный забежал от

дождя укрыться. Пива в буфете выпил. На всех черненькие знаки на нотном стане производят совершенно разное впечатление. Сколько людей слушает музыку или смотрит картину, столько возможно и трактовок на самом разном уровне.

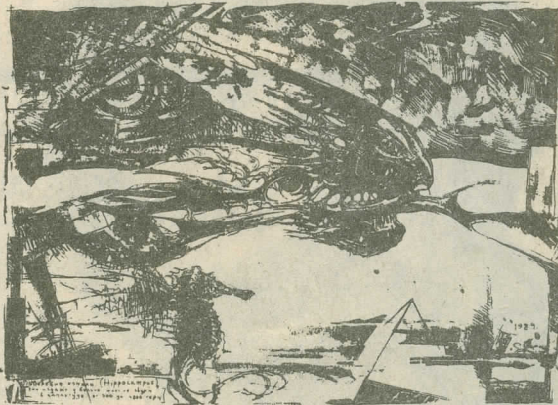
Никого нельзя осуждать за его впечатления, но невозможно и сказать — почему и зачем ты что-то написал. Замысел? Специально стараюсь о нем не думать, даже пытаюсь отогнать конкретную идею. Но работа-то постоянно идет. Работа, которая жизнь. Или жизнь, которая работа.

...Самый строгий критик я сам. Мне не нравится то, что я делаю. Если ненадолго что-то понравилось — фрагмент или хотя бы настроение, которое было, когда ты работал, — то это уже много. Если есть иногда единение с природой, со временем, то с этим — моими работами — пока нет.

...Одна работа, которая мне не нравилась, была продана. Люди прожили с ней целый год, а потом попросили еще одну сделать на заказ. Приехали, посмотрели эскизы. Выбрали. Я говорю — не могу. Сегодня ветер свистит, мышь зубами скрипит, и все изменится. Вы думаете, у них мебель определенного цвета? А вот ничего подобного. Они купили мебель специально для моих картин. Я раньше шутил, вспоминая Елену Молоховец — книгу для среднего сословия: «Если к вам пришли гости, то спуститесь в подпол, возьмите полфунта зернистой икры...» Правда, эти «гости» выше среднего сословия. Они все так устроили, чтобы экспозицию из моих работ менять. И это приятно. К сожалению, эти гости пришли не здесь — в городе

Две автолитографии из серии «Среда обитания». 1989. 68x94

Марбурге. Тут я ничего не продавал.

...На что жил? Да я же кончил ювелирное отделение Строгановки. Участвовал в групповых выставках в Манеже. А потом мне захотелось делать литографии, писать маслом... В последние четыре года я в Москве был в общей сложности месяца четыре, поэтому и не выставлялся. И вообще, все толпой на выставку бегут, и я с ними? Так, что ли?

...Мне обидно, что люди не отстаивают своих принципов. Сегодня они профессионально делают Ленина, завтра — еще кого-то, послезавтра концептуализм. Я все жду, что мне подмигнут — игра,

мол; или честно признаются, что мастерская нужна. А они ведь искренне! Или, в лучшем случае, говорят, что идут на компромисс ради самореализации. Это каждый для себя решает: бежать с толпой или нет.

Как только это закрылось, все развернулось на 180° и стали дуть в ту же дуду, началось противенькое. А мне надоело быть дипломатом. Но ведь можно съездить на Белое море, в Каракумах змей половить, в тот лес, в другой... А можно в Шварцвальд — Черный лес то есть, на границе Швейцарии. Там самые коммерческие выставки проходят. Какая разница? Деньги разные? Те же

деньги. Я заметил, что если чего-нибудь хочется, то по минимуму само собой возникает финансирование. Где интереснее — другой вопрос. Где-нибудь на Мещёре или между Ханты-Мансийском и Тобольском было интереснее. Шварцвальд — культурное, историческое место, но там туристов много. А это толпа. Скажите, вы человек толпы?

Только почему, когда я попадаю на Восток, меня никто не спрашивает: ну как? А как только — на Запад, все сразу пристают со всякими вопросами. Я никак этого не могу понять в своем идеализме и детском максимализме. У меня очки с вот такими розовыми непробиваемыми стеклами в тумбочку не помещаются.

А ведь на Западе такие же люди, как здесь...

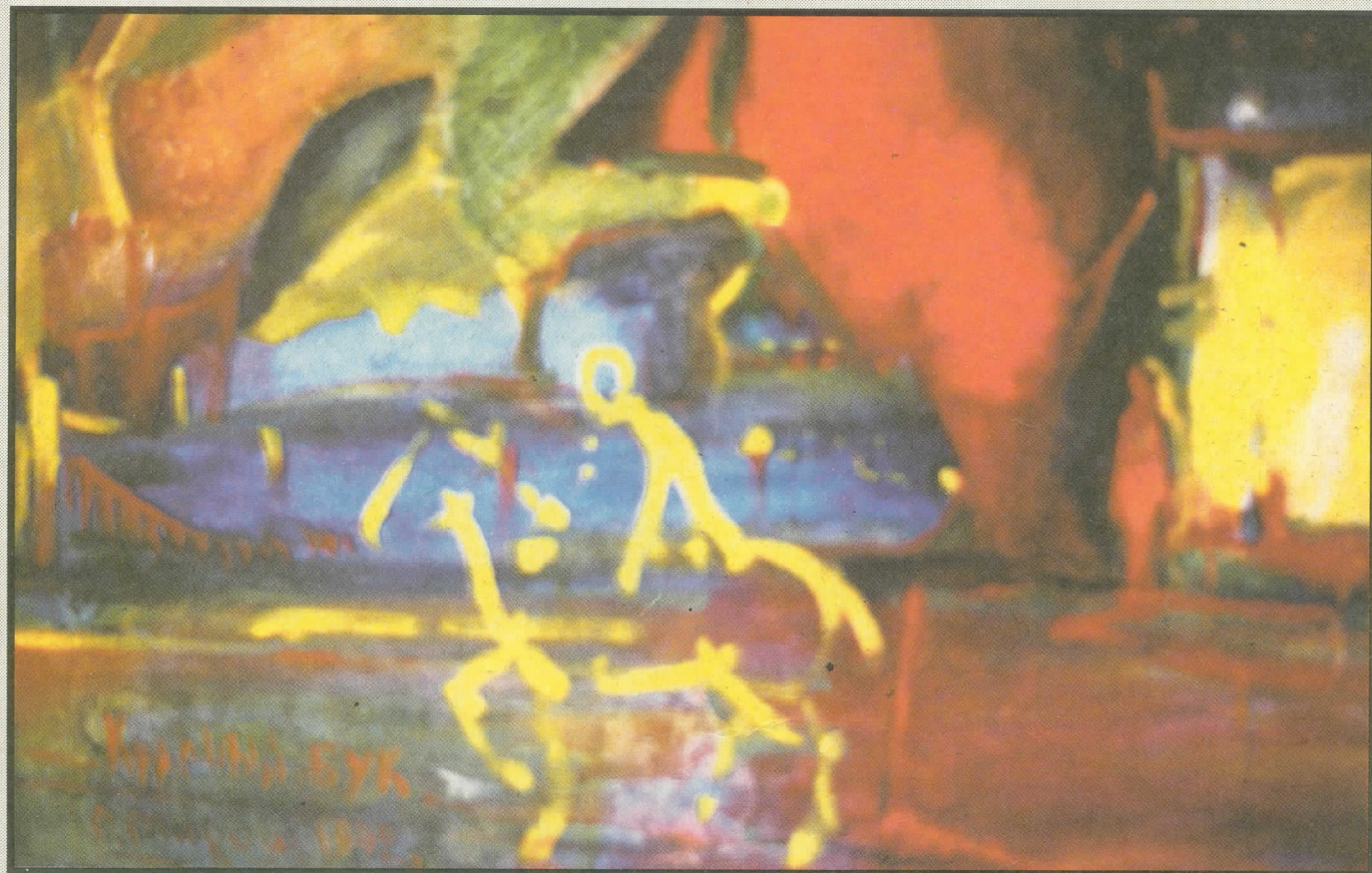
Я не стал жить ни хуже, ни лучше по своему внутреннему состоянию. Бывает, что-то выбивает из колеи, но это никак не связано с материальным состоянием. Близкий человек, например, может обидеть. Расстроюсь — катастрофа. Остальное — штить.. Хотя все относительно. Вот день сидел смотрел прямой репортаж Си-эн-эн о взятии «Белого дома», проверял — нервничаю или нет. Вроде нет. А на следующий день — нейродермит. Все локти ободрал.

...Я ухожу в лес, в деревню, в библиотеку не для того, чтобы показать: смотрите, какой я. Нет. Слава Богу, если я могу явиться частью этого — живого или мертвого. Не так: мне принадлежит окружающее, а наоборот — я ему принадлежу. Счастье, если происходит симбиоз.

И вам желаю зарыться в библиотеке, или поезжайте в деревню... Каждый может стать немножко счастливей.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Сергей МИРОШНИЧЕНКО
Из серии «Красный город». 80x100 см

STB CARD — оплата любых, в том числе валютных, товаров с рублёвых счетов.
STB CARD — абсолютная надёжность и безопасность, полная тайна вклада.
STB CARD — Ваша респектабельность.